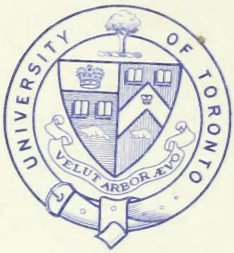
СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Р.

1879-1899

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324283 1



Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
Mrs. Raymond Daniell

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/stikhotvoreniia100krko

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Р.

1879 — 1899

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ
1901

640223
14.8.56

PG
3467
K56A17
1901

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Четвертое изданіе

1879—1885.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

1879.

Задремали волны 3

1881.

Прощаніе съ Неаполемъ 4

1882.

Серенада 5
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! 7
Земля пробудилась 8
Вернулся май! 9
Опять снизошло на меня вдохновенье 11
Поймете ль вы тѣ чудныя мгновенья 12

стр.

Отдохни 13
Съ нѣмецкаго 14
Затишье 15

1883.

Жениху и невѣстѣ:

1. Я вамъ не нравлюсь 16
2. Милая, часто мое вырывалось признанье. 17
3. О, какъ бы я желалъ 19
4. Первая разлука 20
5. Тебя я видѣла во снѣ 21
6. Я сначала тебя не любила 22
7. Мнѣ жаль тебя 23
8. Первое свиданіе 25
9. Надпись въ Евангеліе 26

Вы помните ль? 27
Я баловень судьбы 28
Умолкли рыданія бури кипучей 30
Ужь гасли въ комнатахъ огни 31
Взошла луна 32
Разлука 33
Я засыпаю 35

1884.

Давно забытая подъ слоемъ пыли 36
Повѣяло черемухой 37
О, не дивись, мой другъ 38
Я нарву вамъ цвѣтовъ 39
Я на тебя гляжу 41

1885.

Еще одна тяжелая утрата 42
Блаженъ, кто улыбается 44

	стр.
Затишье на̀ морѣ	46
Давно ли, кажется	47
Растворилъ я окно	48
Распустилась черемуха	49
Я не могу писать стиховъ	50
Передъ Сикстинскою Мадонной	51
Нѣтъ! Мнѣ не вѣрится	52
Рафаэль Санціо	53
Вчера мы ландышей нарвали	54
Отцвѣтаетъ сирень	55
Какъ жаль, что розы отцвѣтаютъ	56
Смеркалось; мы въ саду сидѣли	57
Какъ хорошо бывало лѣтомъ	59
Мнѣ снилось, что солнце всходило	60
Тебя преслѣдуетъ людская злоба	61

БИБЛЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

Псалмопѣвецъ Давидъ	65
Царь Саулъ	67
Легенда про Мертвое море	68
Сфинксъ	71
Изъ Апокалипсиса:	
1. Стучася, у двери твоей Я стою	73
2. Я новое небо и новую землю увидѣлъ	75
Притча о десяти дѣвахъ	77

ПОСЛАНІЯ.

Письмо: Неумолимою судьбою	81
Письма про алые цвѣты:	
1. Ты помнишь ли тѣ алые цвѣты	83
2. Опять тѣ алые цвѣты	85
3. Опять, опять цвѣтутъ они	87

стр.
Письмо: Вотъ умчалися дни золотые 91
Письмо: Вотъ и опять мы съ тобою разстались 93
На порогѣ жизни 96

ВЕНЕЦІЯ.

I. Надпись къ картинѣ 99
II. Баркаролла 100
III. Мостъ вздоховъ 102
IV. Скользила гондола моя. 104
V. Помнишь, порою ночною. 105
VI. На площади Святого Марка 107

ВОЗРОЖДЕННЫЙ МАНФРЕДЪ

(ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ).

Сцена I. Внутренность башни 115
Сцена II. Склепъ 126
Сцена III. Небеса 136

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

12-е октября 1877 163
12-е октября 1885 165
Измайловскіе Досуги 166
Письмо изъ-за границы 167
Изъ лагерныхъ замѣтокъ 172
Умеръ 177

НОВЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

Третье изданіе

1886—1888.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

1886.

Когда, провидя близкую разлуку 185
Ужь скоро стаетъ снѣгъ 186
Помнишь ли ты, какъ бродили мы по̀ полю 188
Молитва 190
Когда съ зарей надъ сонною землею 191
Садикъ запущенный, садикъ заглохшій 192
Пронеслись мимолетныя грезы! 194
Розы 195

1887.

Колыбельная пѣсенка 197
На Страстной Недѣлѣ 199
Въ альбомъ 201
Озеро свѣтлое, озеро чистое 202
Твоей любуясь красотой 203
Послѣ грозы 204
Колокола 205
Ты въ жизни скорби и мученій 206
Сперва, обуянный гордыней слѣпою 207
Когда меня волной холодной 208

стр.

1888.

Не говори, что къ небесамъ 209
Прошла зима! Не видно снѣга 210
Меня бранятъ, когда жалѣю 211
Поэту 212
Сирень 213
Вчера соловьи голосистые 214
Изъ Сюлли-Прюдомма 215
На балконѣ, цвѣтущей весною 216
Въ дождь 217
Лѣтомъ 218
О, не гляди мнѣ въ глаза такъ пытливо 219
Говорятъ мнѣ: „Собою владѣть ты умѣй“. 220
Въ ночи:
I. Звѣзды 221
II. Мѣсяцъ 222
Въ альбомъ 223

ГЕКЗАМЕТРЫ.

I. Любо глядѣть на тебя 227
II. Счастье жь твоимъ голубямъ. 228
III. Завтра вотъ эти стихи 229

СЕВАСТІАНЪ-МУЧЕНИКЪ.

Посвященіе 233
Строфы 235

ПОСЛАНІЯ.

На совершеннолѣтіе В. К. А. М. 269
А. Н. Майкову. 270
А. А. Фету. 271
Я. П. Полонскому 272

стр.
На смерть Г. А. А. М. 273
Вдовцу 274
И. А. Гончарову 275
А. Н. Майкову. 276
Жениху 277

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

Въ дежурной палаткѣ.
I. Гаснетъ день. Я сижу подъ палаткою . 281
II. Снова дежурю я въ этой палаткѣ . . . 282
12-е октября 1886. 283
На 12-е октября 1887 284
Письмо къ товарищу 285
Письмо къ дежурному по полку 293
Уволенъ 299

ТРЕТІЙ СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ

Второе изданіе

1889—1899.

У БЕРЕГОВЪ.

У озера 311
Иматра 312
У Балтійскаго моря:
I. Здѣсь не видно цвѣтовъ, темный лѣсъ порѣдѣлъ 313
II. Не вчера ли, о, море, вечерней порой 314

стр.

У моря въ Генуѣ:
I. Предъ этой ширью необъятной 315
II. Что̀ за краса! Что̀ за просторъ! 316
У моря въ Антивари 317

ВЕСНА и ЛѢТО.

Опять томитъ очарованьемъ 321
Улыбка радостная мая 322
Въ дѣтской 323
Въ разлукѣ 324
О, какъ люблю я этотъ садъ тѣнистый! 325
Родного сѣвера картина 326

НОЧИ.

Ни звѣздъ, ни луны. Небеса въ облакахъ 329
Ахъ, эта ночь такъ дивно хороша! 330
Ночь. Небеса не усѣяны звѣздами 331
Сонеты къ ночи:
I. Что̀ за краса въ ночѝ благоуханной! 332
II. За день труда, о, ночь, ты мнѣ награда! . . 333
III. Здѣсь, въ тишинѣ задумчиваго сада 334
IV. Люблю, о, ночь, я погружаться взоромъ. . . 335
V. Нѣтъ, не туда, о, ночь, въ плѣненномъ созерцаньѣ 336

ОСЕНЬ.

Не много дней осталося цвѣсти 339
Улыбкою утра пригрѣтые снова 340
Ели 341

стр.
Красу земли сгубилъ жестокій 343
Какъ плѣнительно-тихо въ отцвѣтшихъ поляхъ! . . . 344
Зарумянились кленъ и рябина 345
Багряный кленъ, лиловый вязъ 346

ВЪ СТРОЮ.

Въ дежурной палаткѣ:
I. Вотъ и опять подъ этой же палаткой 349
II. Ты снова со мною, о, муза моя 350
Солдатскіе сонеты:
I. Предъ увольненіемъ 351
II. Новобранцу 352
III. Часовой 353
IV. Полкъ 354

***

Любовью ль сердце разгорится 357
О, люди, вы часто меня язвили такъ больно 358
Будда 359
Когда креста нести нѣтъ мочи 363

ПОСЛАНІЯ и СТИХОТВОРЕНІЯ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

А. А. Фету 367
Въ альбомъ *** 368
А. Г. Рубинштейну 369
Графу П. Д. Бутурлину 370
П. Е. М. О. 371
Кантата на столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина . 372

стр.

ПЕРЕВОДЫ.

Изъ Сюлли-Прюдомма 377

ИЗЪ ШЕКСПИРА.

Король Генрихъ IV (ч. II, актъ IV, сцена IV) 381

СТИХОТВОРЕНІЯ

Четвертое изданіе

1879—1885.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1879.

* *
*

Задремали волны,
Ясенъ неба сводъ;
Свѣтитъ мѣсяцъ полный
Надъ лазурью водъ.

Серебрится море,
Трепетно горитъ....
Такъ и радость горе
Ярко озаритъ.

Крымъ.
Май.

1881.

Прощаніе съ Неаполемъ.

....Мы на далекій сѣверъ уплывали:
Въ послѣдній разъ на небо голубое,
На голубыя волны мы взирали....
Прошло, прошло то время золотое!

*

А впереди синѣлъ просторъ безбрежный:
Заливъ пылалъ вдали въ лучахъ заката,
И доносился чей-то голосъ нѣжный:
„O, bella Napoli! O, suol beato!“

Фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“.
30-го іюня

1882.

Серенада.

О, дитя, подъ окошкомъ твоимъ
Я тебѣ пропою серенаду.....
Убаюкана пѣньемъ моимъ,
Ты найдешь въ сновидѣньяхъ отраду;
Пусть твой сонъ и покой
Въ часъ безмолвный ночной
Нѣжныхъ звуковъ лелѣютъ лобзанья!

Много горестей, много невзгодъ
Въ дольнемъ мірѣ тебя ожидаетъ;
Спи же сладко, пока нѣтъ заботъ,
И душа огорченій не знаетъ;
Спи во мракѣ ночномъ
Безмятежнымъ ты сномъ,
Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой ангелъ-хранитель святой,
Милый другъ, надъ тобою летаетъ
И, лелѣя сонъ дѣвственный твой,

Пѣсню рая тебѣ напѣваетъ;
Этой пѣсни святой
Отголосокъ живой
Да даруетъ тебѣ упованье!

Спи же, милая, спи, почивай
Подъ аккорды моей серенады!
Пусть приснится тебѣ свѣтлый рай,
Преисполненный вѣчной отрады!
Пусть твой сонъ и покой
Въ часъ безмолвный ночной
Нѣжныхъ звуковъ лелѣютъ лобзанья!

Палермо.
5-го марта.

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Сраженный стрѣлою парѳянскою, палъ
Кесарь, отступникъ Христова ученія;
Въ смертной тоскѣ къ небесамъ онъ воззвалъ:
„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

Погибъ Юліанъ, врагъ Христова креста,
Церковь свободна отъ злого гоненія.
Снова воскликнули вѣрныхъ уста:
„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

Расторгнемъ же сѣти порока и зла,
Къ свѣту воспрянемъ изъ тьмы усыпленія;
Вновь да раздастся и наша хвала:
„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

Палермо.
30-го марта.

* *
*

Земля пробудилась отъ долгаго сна,
Явилась предвѣстница лѣта, —
О, какъ хороша ты, младая весна,
Какъ сердце тобою согрѣто!

Люблю я просторъ этихъ ровныхъ полей,
Люблю эти вешнія воды.
Невольно въ душѣ отразилась моей
Краса обновленной природы.

Но грустно и больно, что все, къ чему мы
Привязаны сердцемъ такъ нѣжно,
Замретъ подъ холоднымъ дыханьемъ зимы
И вьюгой завѣется снѣжной!

Аѳины.
20-го апрѣля.

* *
*

Вернулся май! Ужь журавли
Обратно прилетѣли,
Луга цвѣтами зацвѣли,
Лѣса зазеленѣли.
За богатырскимъ сномъ зимы
Настало пробужденье,
Какъ послѣ ночи долгой тьмы
Денницы возрожденье.
Земля какъ будто лишь ждала
Весенняго лобзанья,
И въ мигъ природа ожила,
И всюду ликованье.
Весь міръ поетъ, и ширь полей,
И рощи тихій шелестъ,
И въ каждой пѣснѣ соловей
Весны волшебной прелесть.
Порою вешнею счастливъ
Поэтъ: ужь онъ не дремлетъ
И силы творческой приливъ
Душою чуткой внемлетъ;

Онъ ударяетъ по струнамъ,
И, полно вдохновенья,
Его свободно къ небесамъ
Несется пѣснопѣнье.

Земмерингъ.
6-го мая.

*
* *

Опять снизошло на меня вдохновенье,
И звонкія струны рокочутъ опять:
Иль прежнія снова вернулись волненья,
Иль снова я стану любить и страдать?

Нѣтъ, выдохлись старыя, скучныя пѣсни.
Вы ихъ отъ меня не услышите вновь.
Донынѣ дремавшая сила, воскресни!
Воскресни, проснися, иная любовь!

Любви безнадежной забота напрасна.
Къ чему тяготиться унынiемъ, тоской?
Взгляните, какъ жизнь хороша и прекрасна,
И сколько блаженства дано намъ судьбой!

Гремите же, струны! Полна увлеченья,
Въ честь жизни раздайся, о пѣсня моя!
Забывъ и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья!

Стрѣльна.
12-го іюля.

* *
*

Поймете ль вы тѣ чудныя мгновенья,
Когда нисходитъ въ душу вдохновенье,
И зародившись, новой пѣсни звукъ
Въ ней пробуждаетъ столько тайныхъ мукъ
И столько неземного восхищенья?
Тѣ приступы восторженной любви,
Тотъ сокровенный творчества недугъ —
Поймете ль вы?....
Я всю любовь, всѣ лучшія стремленья,
Все, что̀ волнуетъ грудь въ ночной тиши,
И всѣ порывы пламенной души
Излилъ въ свои стихотворенья....

Но если, безсознательно порою
Высокій долгъ поэта позабывъ,
Плѣнялся я чарующей мечтою,
И звуковъ увлекалъ меня наплывъ, —
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голосъ тайный.
Что̀ можетъ умъ безъ сердца сотворить?
Я не умѣю пѣть безъ увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному разсудку подчинить!....

Стрѣльна.
13-го іюля.

Отдохни.

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь,
Ты устала, моя дорогая!
Не пора ли тебѣ отдохнуть?

Среди всякаго зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себѣ утѣшенья
Въ этой грустной юдоли земной.

Какъ волна безпокойнаго моря,
Безъ тревоги ты жить не могла:
Если бъ даже и не было горя,
Ты сама бы его создала!

Но вглядись: въ нашей жизни печальной
Развѣ нѣтъ и хорошихъ сторонъ?
Вѣдь не все слышенъ звонъ погребальный, —
Раздается жь и радости звонъ.

Помирись же съ судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, сбираясь съ силою новой,
Милый другъ, отдохни, отдохни!

Стрѣльна.
8-го августа.

Съ нѣмецкаго.

О нѣтъ, за красоту ты не люби меня
И не люби за то, что я живу богато:
За красоту люби сіянье дня,
А за богатство — серебро и злато.

*

И не люби меня за молодость мою:
Люби весну, — она все та же безконечно.
Меня люби за то, что я люблю,
И что любить тебя я буду вѣчно!

Флоренція.
25-го октября.

Затишье.

Голубыя покоились волны,
Голубой сводъ небесный дремалъ....
Въ мертвомъ снѣ цѣпенѣя, безмолвный
Часъ томительный полдня насталъ.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали....
Притупилися всѣ ощущенья,
Всѣ застыли волненья въ груди,
И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди.
Лишь испуганно, гдѣ-то глубоко
Въ задремавшемъ умѣ притаясь,
О минувшемъ мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась....

Аѳины.
23-го декабря.

1883.

Жениху и невѣстѣ.

1.

* *
*

Я вамъ не нравлюсь.... Вы любили
Лишь дружбу, не любовь мою;
Мои надежды вы сгубили,
И все-таки я васъ люблю!

Когда же послѣ, какъ-нибудь,
Поймете вы мои мученья,
И незамѣтно въ вашу грудь
Проникнетъ капля сожалѣнья, —

То будетъ поздно.... Расцвѣтаютъ
Лишь разъ весенніе цвѣты:
Ужь сердца вновь не приласкаютъ
Перестрадавшія мечты.

Аѳины.
4-го января.

2.

* * *

Милая, часто мое вырывалось признанье;
Но каждый разъ ты мнѣ ротъ зажимала рукою,
Словно тебѣ угрожала минута страданья,
Лишь только я объясниться рѣшался съ тобою.
Я понимаю, что въ будущность страшно вгля-
дѣться,
Дѣвичій стыдъ твой и робость твою понимаю:
Море не можетъ подъ утра лучомъ не зардѣться,
Міръ — не расцвѣсть, поцѣлуямъ весеннимъ
внимая.
Но я не въ силахъ безмолвно тобой любоваться;
Рвется наружу душа отъ избытка волненья....
Милая, рѣчи признанья зачѣмъ опасаться?
Нѣжной любви въ этой рѣчи звучатъ выраженья.
Видишь, и малый птенецъ изъ гнѣзда вылетаетъ,
Міра его увлекаетъ широкая воля;
Пусть же, дитя мое, болѣ тебя не пугаетъ
Новая въ будущемъ и неизбѣжная доля.

Только не мучь меня невыносимымъ молчаньемъ,
Выслушай, выслушай рѣчи мои, не робѣя!
Развѣ не вѣришь ты, что откровеннымъ при-
знаньемъ
Не причиню ни единой печали тебѣ я!...

Аѳины.
15-го января.

3.

* *
*

О, какъ бы я желалъ все счастіе вселенной
Излить на ваши юныя сердца!
Чтобъ никакая скорбь земли больной и тлѣнной
Невѣдома была вамъ до конца.

И чтобы, отложивъ заботы, попеченья,
Какъ голуби воркуя, жили вы,
И ваши чтобъ сердца, сліясь въ одно біенье,
Пылали пламенемъ одной любви.

Чтобъ всякая печаль при васъ двоихъ нѣмѣла.
Чтобъ ничего не плакало кругомъ,
И чтобъ, затрепетавъ, природа вся запѣла,
Увидя, какъ вы счастливы вдвоемъ!

Аѳины.
18-го января.

4.

Первая разлука.

О, мой женихъ, мой милый, мой желанный!
Намъ первая разлука предстоитъ:
И вотъ — недугъ мучительный, нежданный
Мнѣ сердце нестерпимо леденитъ.
Немного времени прошло съ тѣхъ поръ,
Когда въ своей любви ты мнѣ открылся,
Когда твой нѣжный, твой молящій взоръ
Такъ ласково на мнѣ остановился, —
Какъ будто сонъ носился надо мною;
И такъ блаженъ былъ этотъ дивный сонъ,
Что если Богъ взиралъ на насъ съ тобою, —
Не могъ за насъ не радоваться Онъ!
Какъ тягостна минута пробужденья....
О, милый мой, скорѣй вернись сюда,
И мы заснемъ, задремлемъ, какъ тогда,
И повторится то же сновидѣнье!

Аѳины.
30-го января.

5.

* *
*

Тебя я видѣла во снѣ, —
Какъ будто съ нѣжною тоскою,
Склонился на плечо ко мнѣ
Ты бѣлокурой головою.
И слезы изъ моихъ очей
Тихонько на тебя катились,
И капая, онѣ струились
По кольцамъ шелковыхъ кудрей.

О чемъ была твоя печаль,
О чемъ мои лилися слезы, —
Не понимаю. И едва ль
Понять возможно эти грезы.
Своей любовью, милый мой,
Ты счастья далъ мнѣ совершенство:
Не отъ избытка ли блаженства
Во снѣ грустили мы съ тобой?

Аѳины.
7-го февраля.

6.

* *
*

Я сначала тебя не любила,
Ты тревожилъ меня и пугалъ,
Меня новая участь страшила,
И невѣдомый жребій смущалъ.

Твоего я боялась признанья....
Но насталъ неминуемый часъ, —
И, не помня себя, безъ сознанья
Я на вѣки тебѣ отдалась.

И разсѣялись вдругъ опасенья,
Прежней робости нѣтъ и слѣда:
Подъ лучами зари во мгновенье
Такъ туманная таетъ гряда.

Словно солнце, любовь просіяла,
И немеркнущій день заблисталъ:
Жизнью новою сердце взыграло,
И священный огонь запылалъ.

Аѳины.
15-го февраля.

7.

* * *

Мнѣ жаль тебя.... Не цѣнишь и не знаешь
Ты полноты блаженства своего
И мнишь, что, словно въ книгѣ, ты читаешь
Въ своей душѣ подробности того,
Что̀ прежде мило было, но прошло
И ужь давно травою поросло....
Любви неопытной, первоначальной
Припоминаешь ты закатъ печальный, —
Не вѣрь себѣ! То лишь одна мечта,
Лишь бредъ одинъ то былъ поры, когда
Твоя душа, во что̀ бы то ни стало,
Кого-нибудь просилась полюбить,
И первый, съ кѣмъ судьба тебя сближала,
Легко твою любовь могъ возбудить.
Повѣрь, дитя! Его ты не любила,
Лишь прихоть то мгновенная была.
Я знаю: ты давно ему постыла....
Теперь пора иная подошла:
Ты отдалась другому. Такъ глубоко

И нѣжно такъ тебя онъ полюбилъ:
Все, что̀ въ душѣ и чисто, и высоко,
Довѣрчиво тебѣ онъ посвятилъ.
Зачѣмъ же неутѣшно такъ вздыхаешь
Ты о быломъ и слезы проливаешь?
Отдайся вся ему, всей полнотой
Чувствъ, помысловъ, желаній и стремленій
И полюби всей любящей душой
Его безъ памяти, безъ опасеній
И безъ стыда.... А прошлое забудь,
И ты почувствуешь когда нибудь,
Что счастье онъ принесъ тебѣ съ собою,
Что безъ него ты не могла бы жить,
И что необъяснимою судьбою
Тебѣ его назначено любить.

Аѳины.
16-го февраля.

8.

Первое свиданіе.

Вотъ, миновала разлука унылая,
Пробилъ свиданія часъ,—
Свѣтлое, полное счастіе, милая,
Вновь наступило для насъ.

Долго томилося, полно страданія,
Сердце твое, но повѣрь:
Дни одиночества, дни испытанія
Мы наверстаемъ теперь.

Нѣжныя рѣчи, любви выраженія
Вновь потекутъ безъ конца,
И во единое снова біеніе
Наши сольются сердца.

Пусть сочетаетъ созвучье единое
Наши двѣ души, и вновь,
Словно весенняя пѣснь соловьиная,
Наша воспрянетъ любовь!

Аѳины.
7-го марта.

9.

Надпись въ Евангеліе.

Пусть эта книга священная
Спутница вамъ неизмѣнная
Будетъ вездѣ и всегда.

Пусть эта книга спасенія
Вамъ подаетъ утѣшеніе
Въ годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Какъ отголоски небесные
Въ грустной юдоли земной,

Пусть въ ваше сердце вливаются, —
И небеса сочетаются
Съ чистою вашей душой.

Аѳины.
2-го апрѣля.

* * *

Вы помните ль? Однажды, въ дни былые,
Къ пруду мы съ вами въ полдень забрели,
Въ водѣ играли рыбки золотыя,
И бѣлые кувшинчики цвѣли.
Мы на скамью усѣлись съ вами рядомъ,
Разсѣянно слѣдя усталымъ взглядомъ
Игривый пестрыхъ бабочекъ полетъ....
Надъ нами зеленѣлъ тѣнистый сводъ
И, липовымъ насъ цвѣтомъ осыпая,
Затѣйливою сѣтью рисовалъ
Узоры по песку; благоухая,
Кустъ алыхъ розъ вблизи насъ расцвѣталъ....
И такъ тепло, и солнечно такъ было!
Безъ словъ мы наслаждались тишиной, —
Но сердце все жь сжималося и ныло,
Какъ бы передъ грозящею бѣдой.
И предвкушая будущія муки,
Душа, робѣя, торопилась жить,
Чтобъ близость неминуемой разлуки,
Хоть на одно мгновенье, отдалить.

Аѳины.
30-го марта.

* *
*

Я баловень судьбы.... Ужь съ колыбели
Богатство, почести, высокій санъ
Къ возвышенной меня манили цѣли, —
Рожденіемъ къ величью я призванъ.
Но что̀ мнѣ роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль безпристрастная могила
Поглотитъ весь мишурный этотъ блескъ,
И все, что̀ здѣсь лишь внѣшностью намъ льстило,
Изчезнетъ, какъ волны мгновенный всплескъ?
Есть даръ иной, божественный, безцѣнный,
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,
И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!... Пускай прольются звуки
Моихъ стиховъ въ сердца толпы людской,
Пусть скорбнаго они врачуютъ муки
И радуютъ счастливаго душой!
Когда же звуки пѣсни вдохновенной
Достигнутъ человѣческихъ сердецъ,
Тогда я смѣло славы заслуженной
Приму неувядаемый вѣнецъ.

Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь,
Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно до конца,
И что во славу матушки Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца.

Аѳины.
4-го апрѣля.

* *
*

Умолкли рыданія бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплываетъ луна изъ-за тучи,
Надъ гладью морской тишина разлилась.

Въ борьбѣ непрестанной съ мятежною страстью
Опять побѣжденъ ненасытный недугъ,
И съ новою силой, и съ новою властью
Воспрянетъ опять торжествующій духъ!

Красное Село.
2-го іюля.

* *
*

Ужь гасли въ комнатахъ огни....
Благоухали розы....
Мы сѣли на скамью въ тѣни
Развѣсистой березы.

Мы были молоды съ тобой!
Такъ счастливы мы были
Насъ окружавшею весной;
Такъ горячо любили!

Двурогій мѣсяцъ наводилъ
На насъ свое сіянье:
Я ничего не говорилъ,
Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синихъ глазъ твоихъ
Ты опускала взоры:
Краснорѣчивѣй словъ иныхъ
Нѣмые разговоры.

Чего не смѣлъ повѣрить я,
Что̀ въ сердцѣ ты таила,
Все это пѣсня соловья
За насъ договорила.

Павловскъ.
30-го іюля.

* *
*

Взошла луна.... Полуночь просіяла,
И средь нѣмой, волшебной тишины
Пѣснь соловья такъ сладко зазвучала,
Съ лазоревой пролившись вышины.

Ты полюбила, — я любимъ тобою,
Возможно мнѣ, о другъ, тебя любить!
И нынѣ пѣснью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.

Стрѣльна.
3-го сентября.

Разлука.

Еще послѣднее объятье,
Еще послѣдній взглядъ нѣмой,
Еще одно рукопожатье, —
И мигъ пронесся роковой....
Но не въ минуту разставанья
Понятна намъ вся полнота
И вся дѣйствительность страданья,
А лишь впослѣдствіи, когда
Въ семьѣ, среди родного круга,
Какой-нибудь одинъ предметъ
Напомнитъ милый образъ друга
И скажетъ, что его ужь нѣтъ.
Пока разлука приближалась,
Не вѣрилось, что часъ пробьетъ;
Но что̀ несбыточнымъ казалось,
Теперь сознанью предстаетъ
Со всею правдой, простотою
И очевидностью своей.
И вспоминается съ тоскою
Вся горесть пережитыхъ дней;

И время тяжкое разлуки
Такъ вяло тянется для насъ,
И каждый день, и каждый часъ
Все бо̀льшія приносятъ муки.

Стрѣльна.
5-го октября.

* *
*

Я засыпаю.... Ужь слабѣя и блѣднѣя,
Сознанье еле властно надо мной,
И все еще, какъ наяву, дрожа, нѣмѣя,
Я вижу образъ твой передъ собой.

За мной смыкаются дѣйствительности двери,
Я сплю, — и въ царствѣ призраковъ и сновъ
Ты мнѣ являешься, плѣнительная пери,
И звуки ласковыхъ я слышу словъ.

Я просыпаюсь, полнъ волшебныхъ впечатлѣній
Къ тебѣ протягиваю руки я, —
Но разступилися уже ночныя тѣни,
Ужь воцарилося сіянье дня.

И пронеслися мимолетныя видѣнья....
И цѣлый день съ томленіемъ, съ тоской
Я темной ночи жду, — жду грезъ и усыпленья,
Чтобъ хоть во снѣ увидѣться съ тобой!

Петербургъ.
9-го октября.

1884.

* *
*

Давно забытая подъ слоемъ пыли
Умолкла лира.... Пѣсни молодыя,
Созвучья вдохновенныя застыли,
И порвалися струны золотыя.

Была пора.... Со мною то же было,
Недугомъ тягостнымъ душа болѣла,
И все въ ней лучшее дремало, стыло....
Любить, надѣяться она не смѣла....

Но день придетъ; вернется вдохновенье,
Вновь порванныя струны натяну я,
И вновь мое раздастся пѣснопѣнье,
Денницу новой жизни торжествуя.

Петербургъ.
5-го мая.

* * *

Повѣяло черемухой,
Проснулся соловей,
Ужь пѣснью заливается
Онъ въ зелени вѣтвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть пѣснь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздается пѣснь моя
Могуча и сильна,
Пусть людямъ въ душу просится,
Пусть ихъ живитъ она;
И пусть все имъ становится
Дороже и милѣй,
Какъ первая черемуха,
Какъ первый соловей!

Красное Село.
20-го іюня.

* *
*

О, не дивись, мой другъ, когда такъ строго
Я предъ тобой молчаньемъ обуянъ:
На днѣ морскомъ сокровищъ много,
Но ихъ не выдастъ океанъ.

Въ душѣ моей загадочной есть тайны,
Которыхъ не повѣдать языкомъ,
И постигаются случайно
Онѣ лишь сердцемъ, не умомъ.

О, пусть духовный взоръ твой сокровенно
Проникнетъ въ глубину души моей,
И тайны всѣ ея мгновенно
Легко ты разгадаешь въ ней.

Такъ мѣсяцъ глубь морскую проницаетъ
Снопомъ своихъ серебряныхъ лучей
И безмятежно созерцаетъ
На днѣ сокровища морей.

Красное Село.
3-го августа.

* *
*

Я нарву вамъ цвѣтовъ къ именинамъ,
Много пестрыхъ, пахучихъ цвѣтовъ:
И шиповнику съ нѣжнымъ жасминомъ,
И широкихъ кленовыхъ листовъ.
Подымуся я ранней порою,
Заберуся въ густую траву
И, обрызганныхъ свѣжей росою,
Вамъ лиловыхъ фіалокъ нарву.
Побѣгу я въ нашъ садикъ тѣнистый
И по всѣмъ буду шарить кустамъ:
Есть у насъ и горошекъ душистый,
И гвоздика махровая тамъ;
Камыши берега облѣпили,
Отражаясь въ зеркальномъ прудѣ,
Бѣлоснѣжныя чашечки лилій
Распустились въ прозрачной водѣ.
Я въ широкое сбѣгаю поле,
Гдѣ волнуется нива кругомъ,
Гдѣ хлѣба дозрѣваютъ на волѣ,
Наливается колосъ зерномъ;
Гдѣ кружится рой пчелъ золотистый,

Копошатся проворно жуки,
Гдѣ, пестрѣя во ржи колосистой,
Съ алымъ макомъ цвѣтутъ васильки.
Я обѣими буду руками
И цвѣты, и колосья срывать
И со всѣми своими цвѣтами
Васъ скорѣй побѣгу поздравлять.

Стрѣльна.
28-го августа.

* * *

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:
Ты такъ невыразимо хороша!
О, вѣрно подъ такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
Въ твоихъ очахъ таится глубина;
Какъ ангелъ, ты тиха, чиста и совершенна;
Какъ женщина, стыдлива и нѣжна.

Пусть на землѣ ничто средь золъ и скорби многой
Твою не запятнаетъ чистоту,
И всякій, увидавъ тебя, прославитъ Бога,
Создавшаго такую красоту!

Село Ильинское.
24-го сентября.

1885.

* * *

Еще одна тяжелая утрата
На жизненномъ пути твоемъ:
Еще одна страдалица объята
Невозмутимымъ, вѣчнымъ сномъ.
Еще прибавилось воспоминанье
Тебѣ о лучшихъ временахъ,
Когда, чужда печали и страданья,
Въ весеннихъ радостныхъ лучахъ,
Увѣнчана душистыми цвѣтами,
Дыша весельемъ молодымъ,
Жизнь улыбалась ясными очами
Такъ ласково мечтамъ твоимъ.
Но не кляни судьбы! Бѣги роптанья
На тягость горькой череды!
По многомъ лишь и долгомъ испытаньѣ
Покой и миръ заслужишь ты.
Вотъ, видишь ли: утраты неизбѣжны,
Но дни разлуки коротки.
Смотри: цвѣтокъ подъ бурею мятежной
Свои роняетъ лепестки,

Чтобъ распуститься съ новою весною
Еще прекраснѣй и пышнѣй.
Такъ надлежитъ безтрепетной душою
И намъ средь горя и скорбей
Воспоминанье за воспоминаньемъ,
Бѣду за тяжкою бѣдой
Ронять въ прошедшее, чтобы страданьемъ
Купить блаженство и покой.

Петербургъ.
1-го апрѣля.

* * *

Блаженъ, кто улыбается,
Кто съ радостнымъ лицомъ
Несетъ свой крестъ безропотно
Подъ тѣрновымъ вѣнцомъ;
Не унываетъ въ горести,
Въ печали терпѣливъ
И слезы копитъ бережно,
Ихъ въ сердцѣ затаивъ.
Блаженъ, кто скупъ на жалобы,
Кто свѣтлою душой
Благословляетъ съ кротостью
Суровый жребій свой;
Кто средь невзгодъ, унынія,
Тревоги и скорбей
Не докучаетъ ближнему
Кручиною своей;
Кто, помня цѣль завѣтную,
Безтрепетной стопой
И весело, и радостно
Идетъ своей стезей.

Блаженъ, кто не склоняется
Передъ судомъ молвы,
Предъ мнѣніемъ толпы людской
Не клонитъ головы;
Кто злыми испытаньями
И горемъ закаленъ,
Исполненный отвагою,
Незыблемъ и силенъ
Пребудетъ твердъ и мужественъ
Средь жизненной борьбы,
Стальною наковальнею
Подъ молотомъ судьбы.

Венеція.
10-го апрѣля.

* *
*

Затишье на̀ морѣ... За бурею строптивой
Настала мертвая, нѣмая тишина:
Ужь выбившись изъ силъ, такъ вяло, такъ лѣниво,
Едва колышется усталая волна.

Затишье на̀ сердцѣ.... Застыли звуки пѣсенъ,
Тускнѣя, меркнетъ мысль, безмолствуютъ уста,
Кругъ впечатлѣній, чувствъ такъ узокъ и такъ тѣсенъ, —
Въ душѣ холодная такая пустота.

Но налетитъ гроза, и дрогнутъ неба своды,
Заблещутъ молніи, и разразится громъ,
И грозный ураганъ на дремлющія воды
Дохнетъ властительнымъ, побѣднымъ торжествомъ.

Такъ минетъ наконецъ пора дремоты косной,
Унылая душа воспрянетъ ото сна,
И снова грянетъ пѣснь моя побѣдоносно, —
И потечетъ стиховъ созвучная волна!

Венеція.
16-го апрѣля.

* * *

Давно ли, кажется, больной, нетерпѣливый,
Тревожно такъ, съ томленіемъ, съ тоской,
Въ мучительномъ бреду, то грустный, то счастливый,
Я ожидалъ свиданія съ тобой?

И наконецъ насталъ желанный часъ свиданья,
И всей душой отдавшися ему,
Не находилъ я словъ и, притаивъ дыханье,
Прислушивался къ счастью своему.

Въ избыткѣ радости уста мои нѣмѣли,
Мутился умъ, кружилась голова, —
Я такъ блаженствовалъ! Но не прошло недѣли,
Какъ раздались прощальныя слова.

И мнѣ не вѣрится, что на яву то было:
Нѣтъ, то былъ радужный, волшебный сонъ,
И какъ во тьмѣ ночной померкшее свѣтило,
Мгновенно пролетѣлъ и сгинулъ онъ!

То лихорадочный былъ бредъ ума больного, —
Нѣтъ призраковъ, ужь смолкли голоса.
И на дѣйствительность я раскрываю снова
Слезами обожженные глаза....

Венеція.
5-го мая.

***

Растворилъ я окно,—стало грустно не въ мочь,—
Опустился предъ нимъ на колѣни,
И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь
Благовоннымъ дыханьемъ сирени.

А вдали гдѣ-то чудно такъ пѣлъ соловей;
Я внималъ ему съ грустью глубокой
И съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей;
Объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,

Гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
И, не зная земныхъ огорченій,
Заливается цѣлую ночь напролетъ
Надъ душистою вѣткой сирени.

Мейнингенъ.
13-го мая.

* *
*

Распустилась черемуха въ нашемъ саду,
На сирени цвѣты благовонные;
Задремали деревья.... Листы, какъ въ бреду,
Съ вѣтромъ шепчутся, словно влюбленные

А отливы заката, алѣя, горя,
Синеву ужь румянятъ небесную:
На весну наглядѣться не можетъ заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.

Напоенный душистымъ дыханьемъ березъ,
Воздухъ въ юную грудь такъ и просится,—
И волшебныхъ, чарующихъ полная грезъ
Далеко моя пѣсня разносится!

Альтенбургъ.
21-го мая.

* *
*

Я не могу писать стиховъ,
Когда встрѣчаюся порою
Средь всякихъ дрязгъ и пустяковъ
Со лживой пошлостью людскою.
Я говорилъ себѣ не разъ:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри: не каждый ли изъ насъ
Несовершенное созданье?
Мы жертвы слабыя судьбы,
Простушки наши такъ понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самомъ солнцѣ пятна.
Но нѣтъ, пусть умъ твердитъ свое!
Душа съ разсудкомъ не мирится,
И сердце бѣдное мое
Тоской и злобою томится.
И тщетно ищешь риѳмъ и словъ,
Зовешь напрасно вдохновенье, —
И раздраженный, въ озлобленьѣ
Я не могу писать стиховъ!

Дрезденъ.
22-го мая.

Передъ Сикстинскою Мадонной.

Una cosa veramente rarissima
e singolare.

Vasari.

Глядишь на этотъ образъ запрестольный,
И слово замираетъ на устахъ:
Молиться хочется невольно,
И слезы копятся въ глазахъ.

*

Такъ и влечетъ въ священномъ восхищеньи,
Какъ папа Сикстъ, колѣни преклонить
И, какъ Варвара, въ умиленьи
Взоръ недостойный опустить!

Дрезденъ.
23-го мая.

* * *

Нѣтъ! Мнѣ не вѣрится, что мы воспоминанья
О жизни въ гробъ съ собой не унесемъ;
Что смерть, прервавъ на вѣкъ и радость, и страданья,
Насъ усыпитъ забвенья тяжкимъ сномъ.

Раскрывшись гдѣ-то тамъ, ужель ослѣпнутъ очи,
И уши навсегда утратятъ слухъ?
И память о быломъ во тьмѣ загробной ночи
Не сохранитъ освобожденный духъ?

Ужели Рафаэль, на томъ очнувшись свѣтѣ,
Сикстинскую Мадонну позабылъ?
Ужели тамъ Шекспиръ не помнитъ о Гамлетѣ,
И Моцартъ Реквіемъ свой разлюбилъ?

Не можетъ быть! Нѣтъ, все, что̀ свято и прекрасно,
Простившись съ жизнью, мы переживемъ
И не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно
Возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!

Штадтгагенъ.
(Княжество Шаумбургъ-Липпе).
24-го мая.

Рафаэль Санціо.

1483—1520.

Въ Страстную пятницу не даромъ онъ родился,
Въ Страстную пятницу не даромъ умеръ онъ!
Въ него божественный духъ творчества вселился,
Онъ свыше тайною былъ силой облеченъ.

*

Небесной, ангельской красою одаренный,
Не даромъ имя онъ безплотнаго носилъ,
И вѣрить хочется, что кистью несравненной
Его руководилъ архангелъ Рафаилъ...

Петербургъ.
30-го мая.

* *
*

Вчера мы ландышей нарвали,
Ихъ много на̀ полѣ цвѣло;
Лучи заката догорали,
И было такъ тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
Кой-гдѣ березовый лѣсокъ,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песокъ.

Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бѣдно̀;
Пусть хорошо все это было
Знакомо намъ давнымъ давно, —

Налюбоваться не могли мы
На эти ровныя поля....
О, сѣверъ, сѣверъ мой родимый,
О, сѣверъ, родина моя!

Красное Село.
16-го іюня.

* *
*

Отцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ,
Осыпаются кисти пушистыя....
Ужь пахнуло, повѣяло лѣтнимъ тепломъ;
Гуще зелень березъ; солнце знойнымъ лучомъ
Золотитъ ихъ стволы серебристые.

Скоро лѣто придетъ и опять уберетъ
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ,
И опять незабудками сплошь заростетъ
Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною.

Скоро скошеннымъ сѣномъ запахнетъ кругомъ....
Какъ бы дѳсыта, въ сласть грудью жадною
Надышаться мнѣ этимъ душистымъ тепломъ,
Пока міръ ледянымъ не уснулъ еще сномъ,
Усыпленный зимой безотрадною!

Павловскъ.
28-го іюня.

* *
*

Какъ жаль, что розы отцвѣтаютъ!
Цвѣтовъ все меньше по садамъ,
Ужь дни замѣтно убываютъ,
И звѣзды ярче по ночамъ.
Жасминъ отцвѣлъ, сирень увяла,
Давно нѣтъ ландышей нигдѣ,
Одинъ шиповникъ запоздалый
Еще алѣетъ кое-гдѣ.
Ужь сѣно убрано; долины
Лиловымъ верескомъ полны;
Ужь спѣютъ ягоды рябины,
Ужь листья желтые видны....
Мы и замѣтить не успѣли,
Какъ осень скучная пришла,
Какъ пронеслися тѣ недѣли
Весны и солнца, и тепла,
Какъ миновало наше лѣто,
А съ нимъ и всѣ его цвѣты,
И все благоуханье это,
Весь этотъ праздникъ красоты!

Красное Село.
3-го августа.

* *
*

Смеркалось; мы въ саду сидѣли,
Свѣча горѣла на столѣ.
Ужь въ небѣ звѣзды заблестѣли,
Ужь смолкли пѣсни на селѣ....
Кусты смородины кивали
Кистями спѣлыхъ ягодъ намъ,
И грустно астры доцвѣтали,
Въ травѣ пестрѣя здѣсь и тамъ.
Между акацій и малины
Цвѣлъ макъ махровый надъ прудомъ,
И горделиво георгины
Качались въ сумракѣ ночномъ.
Тутъ и березы съ тополями
Росли, и дубъ, и кленъ, и вязъ,
И вѣтви съ зрѣлыми плодами
Клонила яблоня на насъ;
Трещалъ кузнечикъ голосистый
Въ кустѣ осыпавшихся розъ....
Подъ этой яблоней тѣнистой
Въ умѣ столпилось столько грезъ
И столько радужныхъ мечтаній,
Живыхъ надеждъ, волшебныхъ сновъ

И дорогихъ воспоминаній
Былыхъ, счастливѣйшихъ годовъ!...
. . . . . .
Садъ задремалъ; уже стемнѣло,
И воцарилась тишина....
Свѣча давно ужь догорѣла,
Всходила полная луна, —
А мы.... мы все въ саду сидѣли,
Намъ не хотѣлось уходить!
Лишь поздней ночью еле-еле
Могли домой насъ заманить.

Мыза Смерди.
15-го августа.

* *
*

Какъ хорошо бывало лѣтомъ
Въ цвѣтущемъ садикѣ моемъ,
Такъ жарко, знойно такъ пригрѣтомъ
Горячимъ солнечнымъ лучомъ!
Тотъ запахъ липоваго цвѣта,
Ужь я вдыхалъ его, вдыхалъ!
Прошли тѣ дни тепла и свѣта,
Когда весь міръ благоухалъ,
Когда душистаго горошка
Такъ много было подъ окномъ....
А ужь теперь моя дорожка
Опавшимъ устлана листомъ,
Мои березки пожелтѣли,
Ужь осыпается мой садъ....
И мнѣ сдается: не во снѣ ли
Весь этотъ радужный нарядъ,
Которымъ, какъ въ волшебной сказкѣ,
Была разубрана земля,
Весь этотъ блескъ, всѣ эти краски,
Всю эту прелесть видѣлъ я!

Въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ.
13-го сентября.

* *
*

Мнѣ снилось, что солнце всходило,
Что птицы очнулись отъ сна
И стаей неслись легкокрылой
Повѣдать природѣ унылой,
Что скоро вернется весна!

Забыты снѣга и морозы,
Ужь льды расторгаетъ потокъ;
И вотъ — оживаютъ березы,
Повѣяло запахомъ розы,
И теплый пахнулъ вѣтерокъ....

То сномъ мимолетнымъ лишь было,
Обманчивымъ призракомъ грезъ:
Нѣтъ, солнце еще не всходило,
И въ мірѣ царили уныло
И льды, и снѣга, и морозъ!

И прежняго болѣ тоскуя,
Душа нетерпѣнья полна,
Я жду твоего поцѣлуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна!

Петербургъ.
16-го декабря.

* *
*

Тебя преслѣдуетъ людская злоба,
И не даютъ тебѣ отъ скорби отдохнуть;
Но потерпи немного: вѣдь до гроба
Не дологъ путь!

Пробьетъ желанный часъ освобожденья,
Земли оковы смерть сорветъ своей рукой,
И отойдешь въ блаженномъ усыпленьѣ
Ты на покой.

Упреки колкіе, обиды злыя,
Все, все переноси и не кляни людей:
Они орудья слабыя, слѣпыя
Судьбы своей.

Терпи безропотно свои страданья,
Послѣднюю слезу скорѣе съ глазъ отри
И за печали всѣ, за испытанья
Благодари!

Петербургъ.
30-го декабря.

БИБЛЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

Псалмопѣвецъ Давидъ.

О, царь, скорбитъ душа твоя,
Томится и тоскуетъ!
Я буду пѣть: пусть пѣснь моя
Твою печаль врачуетъ.

Пусть звуковъ арфы золотой
Святое пѣснопѣнье
Утѣшитъ духъ унылый твой
И облегчитъ мученье.

Ихъ человѣкъ создать не могъ,
Не отъ себя пою я:
Тѣ пѣсни мнѣ внушаетъ Богъ,
Не пѣть ихъ не могу я!

О, царь, ни звучный лязгъ мечей,
Ни юныхъ дѣвъ лобзанья
Не заглушатъ тоски твоей
И жгучаго страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая пѣснь коснется, —

Мгновенно скорбь отъ пѣсни той
Слезами изольется.

И вспрянетъ духъ унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ногъ твоихъ, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Татой (близъ Аѳинъ).
Сентябрь 1881.

Царь Саулъ.

Душа изнываетъ моя и тоскуетъ, —
О, пой же мнѣ, отрокъ мой, пѣсню твою:
Пусть звуки ея мою скорбь уврачуютъ, —
Я такъ твои пѣсни святыя люблю!

Гнетутъ меня злобнаго духа объятья,
Опять овладѣло уныніе мной,
И страшныя вновь изрыгаютъ проклятья
Уста мои вмѣсто молитвы святой.

Томлюся я, гнѣвомъ пылая, и стражду;
Недугомъ палимая мучится плоть,
И злоба въ душѣ моей.... Крови я жажду,
И тщетны усилія зло побороть.

Не разъ, жаломъ немощи той уязвленный,
Тебя могъ убить я въ безумномъ бреду.
О, пой же! Быть можетъ, тобой исцѣленный,
Рыдая, къ тебѣ я на грудь упаду!...

Петербургъ.
15-го мая 1884.

Легенда про Мертвое море.

Въ знойной степи, у истока священной рѣки Іордана,
Въ каменныхъ сжато объятіяхъ скалъ, раскаленныхъ полуднемъ,
Чудно синѣя, безмолвно покоится Мертвое море.
Мрачной пустыни безплодная почва безжизненна, скудна.
Издали волнъ заколдованныхъ гладь голубую завидѣвъ,
Въ ужасѣ звѣрь убѣгаетъ; пугливо небесныя птицы
Съ жалобнымъ крикомъ спѣшатъ улетѣть отъ проклятаго мѣста;
Змѣи однѣ обитаютъ въ глубокихъ разсѣлинахъ камней;
Лишь бедуинъ одинокій, копьемъ тростниковымъ махая,
Быстрымъ конемъ уносимый, промчится песчанымъ прибрежьемъ.
Тайны зловѣщей печать тяготитъ надъ страною забвенья.
Древнее ходитъ сказанье про это пустынное море:

Лишь только звѣзды златыя зажгутся въ безоблачномъ небѣ,
Тьмою огней отражаясь въ заснувшихъ лазоревыхъ волнахъ,
Лишь въ вышину голубую серебряный выплывetъ мѣсяцъ, —
Вдругъ просвѣтляется влажное лоно прозрачной пучины;
Снопъ бѣлоснѣжныхъ лучей всю глубокую бездну морскую
Съ глади незыблемой водъ и до самаго дна проницаетъ.
Тамъ, въ глубинѣ, озаренныя блескомъ полночнаго неба,
Груды развалинъ толпятся въ безжизненномъ древнемъ величьѣ;
Словно какъ трупы недвижные, въ мертвенномъ снѣ цѣпенѣя,
Эти обломки морское песочное дно покрываютъ....
— Это Содомъ и Гоморра.... Господь ихъ порочное племя
Въ оные дни покаралъ за великія, тяжкія вины.
Долготерпѣнья превѣчнаго Бога исполнилась мѣра:
Огненный дождь ниспослалъ Онъ на царство грѣха и разврата;

Нѣдра земныя разверзлись и тѣ города поглотили;
Бездну провала залили морскія соленыя воды....
Тамъ, гдѣ былъ край многолюдный, подобно великой могилѣ,
Нынѣ, синѣя, безмолвно покоится Мертвое море.

Палермо.
15-го февраля 1882.

Сфинксъ.

Въ знойной пустынѣ вѣками покоится сфинксъ полногрудый,
Гордо главу приподнявъ и очей неподвижные взоры
Въ даль устремивъ безпредѣльную.... Только песчаныя груды
Всюду вокругъ разостлалися въ необозримомъ просторѣ....
— Кѣмъ ты воздвигнутъ, незыблемый стражъ раскаленной пустыни?
Кто твои мощные члены изваялъ рукой безыскусной?
Что̀ за значеніе придалъ твоей онъ недвижной твердынѣ?
И отчего улыбаешься ты такъ загадочно-грустно?
Древнее ходитъ сказанье о томъ, какъ въ Египетъ бѣжала
Божія Матерь съ Младенцемъ Божественнымъ изъ Палестины.
Былъ утомителенъ путь. Съ голубой вышины обливало
Знойное солнце лучами поверхность песчаной равнины.

Между гранитными лапами сфинкса Она пріютилась;
Идолъ, своими объятьями тѣнь разстилая надъ Нею,
Зной умѣрялъ нестерпимый. И вотъ незамѣтно спустилась
Тихая звѣздная ночь, безмятежно, спокойно синѣя.
Сладостнымъ сномъ позабылася Мать у подножья кумира,
И на рукахъ у Нея Искупитель покоился міра....
Сфинксъ ощутилъ неземного Созданія прикосновенье,
И улыбнулся онъ, тайну пытаясь постичь искупленья....
Не оттого ли, повѣдай, пустыни жилецъ одинокій,
Не оттого ли еще до сихъ поръ отпечатокъ глубокій
Той неразгаданной тайны твои сохраняютъ черты,
И черезъ много вѣковъ еще все улыбаешься ты?

Аѳины.
9-го января 1883.

Изъ Апокалипсиса.

1.

> ...Сѐ стою̀ при две́рехъ и толкꙋ̀: а҆́ще кто̀ оу҆слы́шитъ гла́съ мо́й, и ѿве́рзетъ две́ри, вни́дꙋ къ немꙋ̀, и҆ ве́черѧю съ ни́мъ, и҆ то́й со мно́ю.
> III, 20.

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня въ келью свою!
Я немощенъ, нагъ, утомленъ и убогъ,
И труденъ Мой путь и далекъ.
Скитаюсь Я по міру бѣденъ и нищъ,
Стучуся у многихъ жилищъ:
Кто гласъ Мой услышитъ, кто дверь отопретъ,
Къ себѣ кто Меня призоветъ, —
Къ тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю съ нимъ раздѣлю.
Ты слабъ, изнемогъ ты въ трудѣ и борьбѣ, —
Я силы прибавлю тебѣ;
Ты плачешь, — послѣднія слезы съ очей
Сотру Я рукою Моей.

И буду въ печали тебя утѣшать,
И сяду съ тобой вечерять....
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня въ келью свою!

Усть-Нарова.
Августъ 1883.

2.

XXI. 1—4.

Я новое небо и новую землю увидѣлъ....
Пространство далекое прежнихъ небесъ мино-
вало,
И прежней земли преходящей и тлѣнной не стало,
И моря ужь нѣтъ.... Новый городъ священный я
видѣлъ,
Отъ Бога сходящій въ великомъ, безбрежномъ
просторѣ,
Подобный невѣстѣ младой въ подвѣнечномъ
уборѣ,
Невѣстѣ прекрасной, готовой супруга принять.
„Се скинія Бога съ людьми. Обитать
„Здѣсь съ ними Онъ будетъ“.—Я слышалъ слова
громовыя:
„Самъ Богъ будетъ Богомъ въ народѣ
Своемъ,
„И всякую съ глазъ ихъ слезу Онъ отретъ. И
земныя
„Печали исчезнутъ. Въ томъ градѣ святомъ

„Не будетъ ни плача, ни вопля, ни горькихъ стенаній,
„Не будетъ болѣзни, ни скорби, ни тяжкихъ страданій,
„И смерти не будетъ. Таковъ Мой обѣтъ;
„Прошло все, что̀ было, и прежняго нѣтъ“.

Петербургъ.
6-го марта 1884.

Притча о десяти дѣвахъ.

Сѐ Жени́хъ грѧде́тъ въ полꙋ́нощи, и҆ блаже́нъ ра́бъ, є҆го́же ѡ҆брѧ́щетъ бдѧ́ща: недосто́инъ же па́ки, є҆го́же ѡ҆брѧ́щетъ оу҆нывáюща.

Тропарь.

Онѣ засвѣтили лампады свои;
На встрѣчу онѣ Жениху поднялися толпою
На радостный праздникъ любви.
Ихъ пять было мудрыхъ и пять неразумныхъ.
Ужь тьмою
Безчисленныхъ звѣздъ небеса заблистали,—
Но медлилъ Женихъ. Долго дѣвы прождали;
Ужь сонъ безмятежный спустился на нихъ,
И дремой смежились усталыя очи.
Внезапно въ нѣмой тишинѣ полуночи
Послышался кликъ: „Се Женихъ
„Грядетъ! Исходите на встрѣчу!“ И дѣвы возстали,
Спѣша полуночный исполнить обрядъ.
Елеемъ пять мудрыхъ лампады свои напитали,
И такъ неразумныя имъ говорятъ:
„Мы нѐ взяли, сестры, елея съ собою,
„Свѣтильниковъ пламень угасъ,

„И нынѣ мы къ вамъ приступаемъ съ мольбою,
„Елея мы просимъ у васъ".
Имъ мудрыя молвятъ въ отвѣтъ: „Хоть помочь мы и рады,
„Но только ни вамъ не достанетъ, ни намъ на лампады;
„Купить у торгующихъ вы бы могли".
И вотъ къ продающимъ спѣшатъ неразумныя дѣвы...
Тогда раздалися веселья напѣвы:
Женихъ приближался. Съ Нимъ вмѣстѣ вошли
Пять мудрыхъ на свадебный пиръ со своими
Лампадами. И затворилися двери за ними.
И прочія дѣвы къ закрытымъ дверямъ
Вернулись. Стеная и плача, онѣ восклицали:
„Отверзи, о, Господи, Господи, намъ!"
И слышатъ въ отвѣтъ въ неутѣшной печали
Онѣ Жениха укоризненный гласъ:
„Аминь, говорю вамъ, не вѣдаю васъ!"

Красное Село.
11-го іюля 1884.

ПОСЛАНІЯ.

Письмо.

. . . . . Неумолимою судьбою
На долго вновь разлучены,
Опять тоскуемъ мы съ тобою,
Опять другъ друга лишены.
На сѣверъ сумрачный и дальный
Тебя увлекъ твой рокъ печальный;
На царство снѣга, зимъ и вьюгъ
Ты промѣнялъ роскошный югъ.
Но дней былыхъ былое счастье
Найдешь ли ты въ краю родномъ,
И въ сердцѣ пылкомъ и кругомъ
Не встрѣтишь ли одно ненастье?
Минувшихъ лѣтъ не воскресить!
Былыхъ временъ не возвратить!
А помнишь Стрѣльну, Павловскъ милый?
А помнишь Царское Село?
И нашей осени унылой
Не то морозъ, не то тепло?
А наши радости и бѣды?
А наши долгія бесѣды
Въ вечерній часъ съ тобой вдвоемъ
За самоваромъ и чайкомъ?

А на дворѣ такъ заунывно
Осенній вѣтеръ завывалъ,
По стекламъ оконъ дождь хлесталъ,
А мы, бывало, непрерывно
Всю ночь болтаемъ на пролетъ,
Пока совсѣмъ не разсвѣтетъ.

Прошло то дорогое время!
Ужь милыхъ сердцу болѣ нѣтъ, —
Тебѣ осталось только бремя
Воспоминаній прежнихъ лѣтъ.
Но ты, не помня горькой доли,
Какъ знаменосецъ въ ратномъ полѣ,
Иди съ хоругвію своей,
Иди впередъ, иди смѣлѣй;
Къ высокой цѣли твердый волей
Стремися пылкою душой,
Стремись до сѣни гробовой
И въ этой жизненной юдоли
Среди порока, зла и лжи
Борьбою счастье заслужи!

Татой.
9-го октября 1881.

Письма про алые цвѣты.

1.

. . . . . Ты помнишь ли тѣ алые цвѣты,
Что̀ такъ плѣняли насъ, пока судьбою
Разлучены мы не были съ тобою?
Припоминаешь ли то время ты,
Когда вдвоемъ мы по̀ саду бродили,
Срывая тѣ цвѣты, и какъ любили
Ихъ красотою любоваться мы?
Но та пора погребена на вѣки:
Такъ погребаются поля и рѣки
Подъ бѣлоснѣжнымъ саваномъ зимы.
Теперь, когда вдали мы другъ отъ друга,
Когда подъ небомъ ты роскошнымъ юга,
А я — гдѣ плачетъ сѣверная вьюга,
Случайно если взоръ твой упадетъ
На тѣ цвѣты, о, вспомни обо мнѣ
И думай, что привѣтъ тебѣ несетъ
Любвеобильная душа поэта,

Что вспоминаньемъ о тебѣ согрѣта
Она, и что настроены тобой
Златыя струны лиры молодой!...

Красное Село.
29-го іюня 1882.

2.

Опять тѣ алые цвѣты
По прежнему твой взоръ плѣняютъ,
И воскрешая о быломъ мечты,
Тебѣ меня, мой другъ, напоминаютъ.
Ты думаешь, что въ горести нѣмой —
Свидѣтели тѣхъ дней, когда съ тобой
Вдвоемъ мы по̀ саду бродили, —
Они, въ разлукѣ сѣтуя со мной,
Головки нѣжныя склонили?
О, нѣтъ, не обо мнѣ они скучаютъ!
Давно меня забыли тѣ цвѣты;
Но чувствуютъ они и понимаютъ,
Что день и ночь, всю жизнь горюешь ты
По дорогой отчизнѣ; что не можетъ
Ихъ прелесть замѣнить тебѣ цвѣтовъ,
Подъ пеленою сѣверныхъ снѣговъ
Рожденныхъ; что тебя всечасно гложетъ
Тоска по родинѣ.... Они грустятъ
И знаютъ, что тебѣ твоя Россія
Дороже, чѣмъ блестящій ихъ нарядъ,
Чѣмъ страны южныя, тебѣ чужія;
Что пламенѣя знойно и свѣтло,

Гдѣ ярче небосклонъ синѣетъ,
Взростившее ихъ солнце не пригрѣетъ
Тебя такъ нѣжно и тепло,
Какъ сѣвера холодное свѣтило,
И никогда ничто въ землѣ чужой
Тебѣ не будетъ, какъ въ странѣ родной,
Такъ близко, дорого и мило!

Стрѣльна.
26-го іюля 1883.

3.

Опять, опять цвѣтутъ они,
Цвѣтутъ, какъ и въ былые дни,
Тѣ алые цвѣты въ саду твоемъ,
Въ странѣ тепла, странѣ очарованья —
И будятъ вновь воспоминанья
О миломъ времени былomъ,
Томъ времени безоблачномъ и ясномъ,
Когда мы были молоды съ тобой,
И беззаботно, съ вѣрою слѣпой,
Мы жизнь считали праздникомъ прекраснымъ,
Когда намъ грудью молодой
Дышалось легче и вольнѣе,
Когда сердца въ насъ бились сильнѣе,
Когда вдали отъ всякой суеты
Съ тобой мы жили тихо, безмятежно,
Когда еще мнѣ улыбалась ты
Такъ кротко, весело и нѣжно!...
Прошли года.... Года еще пройдутъ, —
А все тѣ алые цвѣты цвѣтутъ
И цвѣсть все также будутъ ежегодно.

Мы жизненный пройдемъ съ тобою путь,
Рукой костлявою, холодной
И насъ коснется смерть когда-нибудь:
И руки мы скрестимъ на грудь,
Усталыя сомкнутся вѣки,
И долго, долго будемъ мы дремать.
Пусть насъ земля, какъ любящая мать,
Въ свои объятья заключитъ навѣки.
А въ мірѣ вѣчно юномъ и живомъ
Все также будетъ бить ключомъ
Одна и та же жизненная сила.
Другимъ уступимъ мѣсто мы съ тобой;
Пусть приметъ насъ безмолвная могила,
Въ нее мы ляжемъ на покой
И мирно, безмятежно будемъ
Въ ней отъ труда земного отдыхать
И зло, и скорби позабудемъ....
Повѣрь, мой другъ, не страшно умирать,
Когда средь огорченій и страданья,
Средь испытаній и труда
Ни разу грѣшныя уста
Не изрекали словъ роптанья;
Когда умѣли нѣжною душой
Мы раздѣлять чужое счастье,
Когда въ печали полные участья
Мы радовались радости чужой,

Когда мы плакали чистосердечно
О горемычной участи людей
И относилися безпечно
Къ печали собственной своей.

Такъ будемъ же, безропотно страдая,
Всѣ наши горести переносить
И радостно, на скорби не взирая,
Земную эту жизнь любить,
Чтобъ не унесть съ собою въ наши гробы
Ни жалобы, ни зависти, ни злобы,
И чтобъ отъ глубины сердецъ,
Благодаря, благословляя,
Отважно встрѣтить свой конецъ.
А тамъ, надъ нами, вѣчно пусть сіяя,
Синѣютъ голубыя небеса,
Пусть зеленѣютъ темные лѣса,
Пусть люди тамъ живутъ счастливо
И любятъ пылкою душой,
Пусть бьются ихъ сердца нетерпѣливо
Всѣмъ, что̀ въ юдоли сей земной
И намъ съ тобой когда-то было
Такъ близко, дорого и мило;
Пусть заблуждаются, какъ я и ты,
Въ самозабвенномъ увлеченьѣ;
Пусть въ блескѣ лучезарной красоты,

Чарующаго полны обольщенья,
Несбыточныя манятъ ихъ мечты,
И пусть цвѣтутъ тѣ алые цвѣты!

Стрѣльна.
21-го іюля 1885.

Письмо.

Вотъ умчалися дни золотые,
Какъ волшебные, чудные сны:
Такъ разносятся брызги сѣдые
Голубой океанской волны.

Но то время хотя и далеко,
Я понынѣ мечтаю о немъ:
Оно въ душу запало глубоко,
Оно врѣзалось въ сердцѣ моемъ.

Въ вашемъ домѣ я столько участья,
Столько дружбы всегда находилъ;
Съ вами я и мгновенія счастья,
И минуты печали дѣлилъ.

Если жь сердце порой изнывало
Среди всякой тревоги мірской,
Въ вашемъ домѣ, какъ путникъ усталый,
Находилъ я и миръ, и покой.

И теперь среди прелестей юга,
Въ благодатной, роскошной странѣ
Дорогого семейнаго круга
Лица милыя видятся мнѣ.

*

Мнѣ мерещатся Настины глазки,
Свѣтлорусыя волны кудрей,
Ея милыя, нѣжныя ласки,
Лепетъ слышится дѣтскихъ рѣчей.

Но какъ вспомню, что долго и много
Мнѣ скитаться еще надлежитъ,
Что идемъ не одной мы дорогой,
Что разлука межь нами лежитъ,

Такъ болѣзненно сердце сожмется,
Такъ заноетъ мучительно грудь!
Но что̀ дѣлать! Вѣдь время несется,
Вѣрю я, что окончится путь,

Что достигну я края родного,
Что васъ всѣхъ я увижу опять,
И что вы не откажетесь снова,
Какъ бывало, меня приласкать.

Флоренція.
24-го октября 1882.

Письмо.

Вотъ и опять мы съ тобою разстались,
Будемъ грустить другъ безъ друга, скучать....
Дни золотые далеко умчались
И никогда не вернутся опять!

Ты въ дорогое вернешься отечество:
Царскую службу, знакомыхъ, друзей,
Дружной среды полковой молодечество
Снова найдешь ты съ теченіемъ дней.

Но среди радостей сѣвера дальняго
Вспомнишь — не правда ли — ты обо мнѣ?
Вспомнишь — не правда ли — друга печальнаго,
Жить обреченнаго въ чуждой странѣ?

Вспомнишь, что прелести юга блестящаго,
Небо лазурное, солнце, цвѣты
Не веселятъ его сердца болящаго;
Что всѣ надежды, желанья, мечты,

Помыслы, чувства его и влеченія
Вѣчно тоскуютъ по краѣ родномъ;
Вспомнишь, и всѣ эти злыя мученія
Вѣрно откликнутся въ сердцѣ твоемъ.

Много ты въ жизни понесъ огорченія,
Много печали и горя узналъ, —
Я же лишь радости, лишь увлеченія,
Лишь похвалы да удачи встрѣчалъ.

Я родился̀я подъ звѣздою счастливою,
Годы безпечно катились мои;
Но какъ осенней порою дождливою
Лѣта смѣняются теплые дни,

Такъ моя юная жизнь омрачилася,
Духъ беззаботный окрѣпъ, возмужалъ,
Сердце впервые тревожно забилося,
Сладость и муки любви я узналъ.

Что̀-то меня ожидаетъ со временемъ?
Дней ли безоблачныхъ свѣтлая нить,
Иль подъ тяжелымъ, мучительнымъ бременемъ
Жизнь безотрадную буду влачить?

Что̀ бы тамъ ни было! Пусть упованія
Сгинутъ, пускай разлетятся мечты,
Пусть не сбываются всѣ ожиданія,
Пусть среди этой земной пустоты

Я бы нигдѣ не нашелъ облегченія, —
Лишь бы осталась мнѣ дружба твоя:
Въ ней моя сила, мое утѣшеніе,
И на нее вся надежда моя!

О, сохрани же мнѣ дружбу глубокую!
Я такъ нуждаюся въ дружбѣ твоей.
Вмѣстѣ мы въ будущность будемъ далекую,
Сильны другъ другомъ, смотрѣть веселѣй.

Венеція.
5-го ноября 1882.

На порогѣ жизни.

Дверь распахнулась.... Облитый лучами
Зеленый садъ благоухалъ;
Широкій путь, усѣянный цвѣтами,
Въ даль голубую убѣгалъ.

Изъ тѣсноты докучливой и душной
Ты въ жизнь привольную вступилъ,
И свѣтъ заманчивый тебѣ радушно
Свои объятія раскрылъ.

Дверь распахнулась.... Съ Богомъ, отрокъ милый,
Пускайся смѣло въ дальній путь
И полнъ отваги, полнъ надеждъ и силы
Неустрашимъ и крѣпокъ будь!

Красное Село.
11-го августа 1883.

ВЕНЕЦІЯ.

I.

Надпись къ картинѣ.

Съ какою кротостью и скорбью нѣжной
Пречистая взираетъ съ полотна!
Грядущій часъ печали неизбѣжной
Какъ бы предчувствуетъ Она!

*

Къ груди Она Младенца прижимаетъ
И Имъ любуется, о Немъ грустя....
Какъ Богъ, Онъ взоромъ вѣчность проницаетъ
И беззаботенъ, какъ дитя!

Гмунденъ.
20-го мая 1882.

II.

Баркаролла.

Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся баркаролла
Надъ сонною волной.
Настроена гитара:
О, другъ, я въ честь твою
Всего земного шара
Всѣ пѣсни пропою!
Смотри, ужь на Пьяццеттѣ
Потушены огни,
При яркомъ лунномъ свѣтѣ
Съ тобою мы одни.
Замолкли серенады,
И ставни заперты, —
Среди ночной прохлады
Не спимъ лишь я да ты.
До Лидо не далеко,
Мы быстро доплывемъ;
Тамъ море такъ широко
Раскинулось кругомъ;

Тамъ мѣсяцъ волны любитъ:
Смотри, какъ съ вышины
Лучами онъ голубитъ
Морскія глубины.
Тамъ, въ голубомъ просторѣ,
Въ лазоревой дали
Забудемъ мы и горе,
И бѣдствія земли.
Пусть звуки поцѣлуя
Подслушаетъ волна,
И, какъ тебя люблю я,
Пусть подглядитъ луна!

Гмунденъ.
24-го мая 1882.

III.

Мостъ вздоховъ.

Подъ мостомъ вздоховъ проплывала
Гондола позднею порой,
И въ блѣдномъ сумракѣ канала
Раздумье овладѣло мной.
Зачѣмъ таинственною сѣнью
Нависъ такъ мрачно этотъ сводъ?
Зачѣмъ такой зловѣщей тѣнью
Подъ этимъ мостомъ обдаетъ?
Какъ много вздоховъ и стенаній,
Должно быть, въ прежніе года
Слыхали стѣны этихъ зданій
И эта мутная вода!
Могли бъ повѣдать эти своды,
Какъ въ дни глубокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьемъ тѣла съ вышины;
И волнъ, и времени теченье
Спѣшило тѣло унести:
То были жертвы отомщенья
Совѣта Трехъ и Десяти....

Но не болтливы стѣнъ каменья,
Не разговорчива вода,
И лишь въ одномъ воображеньѣ
Встаютъ минувшіе года.
Безмолвна мраморная арка,
Безмолвенъ сумрачный каналъ....
Крылатый левъ Святого Марка
Сномъ вѣковѣчнымъ задремалъ.

Штутгартъ.
4-го іюня 1882.

IV.

Скользила гондола моя надъ волной
Морского широкаго лона.
Заката малиновый лучъ надо мной
Румянилъ лазурь небосклона.

Жемчужные сверху ряды облаковъ
Глядѣлись въ спокойное море,
И слышался бой отдаленныхъ часовъ,
Теряясь въ безбрежномъ просторѣ.

Желаніемъ сладостнымъ, нѣжной тоской
Душа изнывала и млѣла:
Хотѣлося слиться съ волной голубой,
Летѣть выше неба предѣла;

Хотѣлось угаснуть, какъ лучъ золотой,
Застыть, какъ тѣ звуки въ просторѣ,—
Хотѣлось объять ненасытной душой
Все небо и цѣлое море!

Стрѣльна.
12-го іюля 1882.

V.

Помнишь, порою ночною
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескамъ внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихимъ Венецiя сномъ,
Въ сонныя воды канала
Звѣзды глядѣлись кругомъ.

Мимо палаццо мы дожей,
Мимо Пьяццетты колоннъ
Плыли съ тобою.... О, Боже,
Что за чарующiй сонъ!

Искрились волны лагуны....
Гдѣ-то въ дали голубой
Плакали нѣжныя струны, —
Пѣлъ гондольеръ молодой;

Пѣлъ онъ про мѣсяцъ и море,
Про голубую волну,
Пѣлъ про блаженство и горе,
Пѣлъ про любовь и весну.

Дивная пѣснь навѣвала
Грезы блаженной любви,
Въ душу она проникала,
Страсть разжигала въ крови....

Помнишь, порою ночною
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною....
О, что за ночь то была!

Красное Село.
28-го іюля 1882.

VI.

На площади Святого Марка,
Гдѣ вьются стаи голубей,
Гдѣ межь безчисленныхъ колоннъ за аркой арка
Плѣняютъ взоръ каймой узорчатой своей,
Остановился я.... Ужь угасалъ, блѣднѣя,
Тревожный, суетливый день;
Съ безоблачныхъ небесъ, таинственно синѣя,
На землю сонную спускалась ночи тѣнь;
И колокола благовѣстъ унылый
Сзывалъ къ вечернѣ христіанъ. Меня
Влекло невѣдомою силой
Къ старинному собору, чтобы дня
Забыть и шумъ, и утомленье.
Благоговѣйнаго исполненъ умиленья
Переступилъ святыни я порогъ....
Лампады теплились, дымилися кадила,
И сумрачная мгла, казалось, говорила:
Здѣсь соприсутствуетъ намъ Богъ! —
И сталъ молиться я спокойный и безмолвный.
Органъ откуда-то съ незримой вышины

Звучалъ торжественно, и стройныхъ звуковъ волны
Лилися среди мертвой тишины.
Въ нихъ слышались и слезы, и стенанья,
Скорбь за утраченныя небеса,
И неземныя воздыханья,
И райскихъ пѣсенъ голоса.
Прозрачный, легкій дымъ кажденій благовонныхъ,
Струясь вкругъ мраморныхъ столбовъ,
Скользя по плитамъ стѣнъ, вдоль сводовъ закопченныхъ,
Вился и таялъ въ мракѣ куполовъ,
Молитвой и вѣками освященныхъ.
И лики строгіе угодниковъ святыхъ
Со злата греческой мусіи
Глядѣли на меня.... И о родныхъ
Иконахъ матушки Россіи
Невольно вспомнилъ я тогда;
Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На сѣверъ, гдѣ теперь, согрѣтая весною,
Душистая черемуха цвѣтетъ,
Благоухаютъ пышныя сирени,
И пѣсни соловей поетъ....
Въ умѣ столпилось столько впечатлѣній!...

И вздохомъ я вздохнулъ такимъ,
Какимъ вздохнуть одинъ лишь Русскій
можетъ,
Когда его тоска по родинѣ изгложетъ
Недугомъ тягостнымъ своимъ.

Венеція.
19-го апрѣля 1885.

ВОЗРОЖДЕННЫЙ МАНФРЕДЪ.

(Драматическій отрывокъ).

По прочтеніи поэмы Байрона „Манфредъ“ въ одномъ товарищескомъ кружкѣ явилась мысль изобразить душевное состояніе Манфреда въ его загробной жизни; вотъ вслѣдствіе чего былъ написанъ предлагаемый драматическій отрывокъ. Онъ начинается тамъ, гдѣ окончена поэма Байрона; всѣ почти дѣйствующія лица заимствованы у англійскаго поэта. Но содержаніе „Возрожденнаго Манфреда“ независимо отъ произведенія Байрона, которое, заканчиваясь смертію Манфреда, побудило меня воспользоваться данными поэмы, чтобы создать самостоятельное сочиненіе. Подъ именами дѣйствующихъ лицъ не подразумѣвается никакого отвлеченнаго понятія, и за ними не слѣдуетъ искать какой-либо задней мысли. Астарта, напримѣръ, просто женское имя безъ всякаго намека на значеніе финикійскаго божества или на олицетвореніе чувственной любви.

СЦЕНА I.

ВНУТРЕННОСТЬ БАШНИ.

Манфредъ *(невидимый).* — Аббатъ *надъ трупомъ.*

Манфредъ.

Ужели это смерть?... Ужель я умеръ?...
Ужели такъ внезапно прекратилась
Земная жизнь? И всѣ ея печали,
Мученія, страданія и скорби
Разсѣялись, какъ мимолетный сонъ!...
Да, вотъ и трупъ... Мой жалкій, бренный трупъ,
Сосудъ души безсмертной! Миновала
Пора, когда онъ, какъ алтарь священный,
Носителемъ былъ той небесной искры,
Что оживляла душу Прометея;
Когда стремленій, воли, чувствъ, страстей
И мысли въ этомъ бездыханномъ трупѣ

Свершались всесожженія и жертвы.
А нынѣ ужь ненужный никому,
Поверженный во прахѣ, вскорѣ самъ
Онъ жертвою содѣлается тлѣнья;
И черви, эти жители гробовъ,
Изгложутъ обезличенное тѣло;
И кости пожелтѣлыя его
Начнутъ зловонье издавать и смрадъ.
И всѣ, которые съ подобострастьемъ
Назойливо вокругъ меня толпились,
Свои услуги предлагая, жизнь
Мнѣ отравляя просьбами, участьемъ,
Совѣтами непрошенными, — всѣ
Глядѣть на трупъ мой будутъ съ отвращеньемъ
И отъ него брезгливо отвернутся.
Мой бѣдный трупъ!...
А все старикъ, склонившись
Надъ нимъ, его окоченѣлыхъ рукъ
Не выпускаетъ изъ своихъ; его
Очей печальный взоръ какъ-бы прикованъ
Къ чертамъ застывшимъ мертваго лица.
О чемъ онъ думаетъ? Иль разгадать
Пытается умомъ безсильнымъ онъ
Великую, нѣмую тайну смерти?
О, слабоумный старецъ! Тщетный трудъ!
Тебѣ ль постигнуть мыслью близорукой

Ту роковую, грозную причину
И многой радости, и скорби многой?
Въ премудрости я не чета тебѣ,
Въ вопросахъ бытія, въ трудѣ, наукахъ,
Въ ученіяхъ о Богѣ, о вселенной,
Въ познаніяхъ и вѣрованьяхъ я
Далеко превзошелъ весь родъ людской,
И все же ту невѣдомую силу,
Которую онъ смертью называетъ,
Я объяснить не могъ себѣ ничѣмъ.
Я видѣлъ въ ней одно освобожденье
Отъ мукъ земныхъ и ждалъ ее, какъ блага;
Но непонятенъ былъ мнѣ этотъ сонъ,
Оцѣпенѣнье это и застой,
И непонятно то, что̀ ждетъ насъ тамъ,
За безотвѣтнымъ гроба рубежомъ.

Аббатъ.

Какъ хороши черты его лица!
Покой невозмутимый, безмятежный
На немъ написанъ. На̀ морѣ бываетъ
Такъ послѣ грозной и жестокой бури,
Когда свирѣпые затихнутъ вѣтры,
И бурные улягутся валы.
Онъ словно спитъ. Блаженная улыбка

Еще по блѣднымъ крадется устамъ,
Хотя померкнулъ блескъ его очей;
Но взоры ихъ обращены, быть можетъ,
Теперь въ другой, для насъ незримый міръ
И созерцаютъ то, чего глазами
Несовершенными не видимъ мы,
Что̀ недоступно зрѣнью человѣка...
Быть можетъ, эти сомкнутыя очи
Прозрѣли для небесъ, и снятся имъ
Теперь неизглаголанные сны...
Быть можетъ, слухъ его лелѣютъ нынѣ
Неизрѣченные напѣвы рая...
Но если онъ — о страшная мечта! —
Что̀, если не прощенная Творцомъ
Его душа на небо отлетѣла
И, отягченная земнымъ грѣхомъ,
Томится, сознавая, что ужь нѣтъ
Раскаянья за гробовымъ предѣломъ,
И предвкушаетъ вѣчныя мученья?
Зачѣмъ моимъ моленіямъ не внялъ ты?
Зачѣмъ не каялся и не молился,
Когда предсмертный часъ твой наступалъ?
Участья полный, я спѣшилъ къ тебѣ;
Твои страданья чуялися смутно
Сочувственному сердцу моему;
Меня тянуло непреодолимо

Въ твое печальное уединенье;
Какой-то голосъ тайный мнѣ шепталъ,
Что въ исповѣди ты чистосердечной
Излить бы душу могъ передо мною.
Я шелъ твои сомнѣнья разрѣшить
И облегчить словами упованья
Обремененное тоскою сердце;
Но холодно ты оттолкнулъ меня,
Ты самъ не захотѣлъ тѣхъ утѣшеній,
Которыя я несъ тебѣ. И гордо,
Надменно отъ меня ты отвернулся....
Ужель все кончено? Ужели болѣ
Надежды нѣтъ? Ужели слишкомъ поздно,
И мнѣ не суждено его спасти?

Манфредъ.

Возможно ли? Онъ плачетъ обо мнѣ?
О, добрый, сострадательный старикъ!
То безкорыстныя, святыя слезы
Чистосердечной, неподдѣльной скорби.
Онъ не былъ близокъ мнѣ и никакой
Отъ щедрости моей не могъ ждать пользы.
Такъ что̀ жь тогда ко мнѣ его влекло?
И отчего я сталъ ему такъ дорогъ?
Какое чувство имъ руководило?

Ужель одна лишь къ ближнему любовь?
О, если такъ, то несравненно выше
Старикъ, при всемъ невѣжествѣ своемъ,
Меня, Манфреда, съ мудростью моею
И знаніемъ. Постичь я не могу,
Какъ, преклоняясь передъ всѣмъ прекраснымъ,
Я самъ не могъ познаньями своими
Подобнаго достигнуть совершенства!
Иль всякаго добра и зла земного
Еще не всю измѣрилъ глубину я,
И есть еще невѣдомыя мнѣ
Особенности въ сердцѣ человѣка?

Аббатъ.

Не можетъ быть! Не все еще погибло;
Обязанъ, долженъ я его спасти!
Стенаньями и жаркими слезами
Я вымолю прощеніе ему.
Горѣ подъемля взоръ, павъ на колѣни,
Я буду руки къ небесамъ вздѣвать.
О, Господи! Ужель моя молитва
Не возлетитъ къ престолу Твоему
И тамъ Тобой услышана не будетъ?
Всевидящій, Ты видишь этотъ прахъ, —
Какъ Ты, безсмертная душа его,

Вселённая Тобою въ эту плоть,
Земной юдоли поприще пройдя,
Къ Тебѣ обратно воротилась нынѣ,
И Ты ея единый судія!
Всѣ горести ея и всѣ печали,
Всѣ до одной Тобою сочтены.
Не могъ не вѣдать Ты, какъ изстрадалась
Она въ борьбѣ со злобою земной,
И видѣлъ Ты, какой могучей силы
Его душа исполнена была.
Ужели милосердья Твоего,
Хоть на одно еще созданье это,
Ужь не достанетъ, — и прощенья нѣтъ
Тому, кого и я, Твой рабъ ничтожный,
Не осудилъ? О, нѣтъ, не можетъ быть!
И если мы, подъ бременемъ грѣховъ,
Прощать умѣемъ нашимъ должникамъ,
То неужель, всемилосердый Боже,
Ты не оставишь, не простишь ему?
О, помяни же Твоего раба
И упокой озлобленную душу!

Манфредъ.

Какъ слезы эти трогаютъ меня!
И если бъ взоръ очей моихъ безплотныхъ

Еще слезами застилаться могъ,
Я залился бы ими и рыдалъ....
О, какъ онъ молится! Какая вѣра!
Все, что̀ познаньями я пріобрѣлъ,
Имѣетъ онъ, благодаря своей
Слѣпой, несомнѣвающейся вѣрѣ.
Къ чему жь моя премудрость?... Вотъ вопросъ.
Къ чему жь тогда всевѣдѣнье мое,
Мои труды, познанія и сила?
Онъ молится и съ помощью молитвы
Съ незримымъ также тѣсно связанъ міромъ,
Какъ я посредствомъ воли непреклонной
И при могуществѣ души моей.
Онъ, обращаясь къ небесамъ съ молитвой,
Отъ нихъ не ждетъ, не требуетъ отвѣта,
И въ сердцѣ нѣтъ сомнѣнья у него.
Съ него довольно и того сознанья,
Что хоть единый вздохъ его души,
Изъ груди вырвавшись, взлетѣлъ на небо,
Услышанъ, и что внемлютъ тамъ ему.
Ужель трудомъ усерднымъ, многолѣтнимъ,
Вникая въ смыслъ и тайны бытія
И разума всѣ силы напрягая,
Я старца этого не превзошелъ?
Ужели вѣра можетъ замѣнить
Ему мой разумъ, знаніе мое?

Ужель ничто всевѣдѣнье науки
Предъ вѣрою невѣдѣнья его?

(Появляется тѣнь Астарты).

Астарта.

Одно — познаніе, иное — вѣра.
Блаженъ, кто эти розныя начала
Въ душѣ своей успѣетъ примирить!
Ты мнишь одною силою мышленья
Всѣ міровыя истины обнять,
Но знай, Манфредъ, какъ ни были бъ велики
Способности разсудка твоего,
Какъ ни былъ бы премудрости твоей
Богатъ неисчерпаемый запасъ, —
Безъ вѣры всѣ познанія твои
Не принесутъ желаннаго плода,
Какъ не дозрѣетъ колосъ золотистый,
Когда дождемъ онъ не былъ орошенъ.
Но чтобы вѣровать, сперва ты долженъ
Въ своей душѣ гордыню заглушить.
Смирися, непреклонный духъ, смирися!
И, вырвавшись изъ ледяныхъ оковъ,
Какъ бурная рѣка подъ вешнимъ солнцемъ,
Согрѣтъ любви живительнымъ лучомъ,
Земли препоны властно раздирая,

Холодный разумъ въ новомъ упованьи
Тебя своимъ порывомъ увлечетъ!
Гдѣ вѣра, тамъ любовь, а гдѣ любовь —
Надежда. Вѣрь, надѣйся и люби,
И лишь тогда достигнешь ты блаженства!

(Исчезаетъ).

Манфредъ.

Астарта! Ты ли? Ты ли предо мною?...
Ея ужь нѣтъ.... Но дивныя слова
Еще звучатъ въ душѣ побѣдоносно.
За мигъ одинъ свиданія съ тобою
Я отдалъ бы безсмертіе мое.
О, воротись! Дай услыхать твой голосъ,
Дай вслушаться въ святую рѣчь твою!
Ты видишь: я и кротокъ, и покоренъ,
И все готовъ принять я отъ тебя.
Лишь появись, заговори, Астарта,
И поучай Манфреда твоего!
Передъ тобой моя блѣднѣетъ гордость,
И меркнетъ свѣтъ познанья моего.
Передъ тобой легко мнѣ преклониться,
Легко признать невѣжество свое
И безъ стыда отречься добровольно
Ото всего, что̀ истиной считалъ.

На судъ тебѣ я предаюсь охотно,
Ты властвуешь, лишь ты одна царишь
Въ моемъ отнынѣ обновленномъ сердцѣ,
И я душой предвижу въ умиленьи
Твою побѣду, торжество твое!

СЦЕНА II.

СКЛЕПЪ.

Мануэль *и* Германъ *закапываютъ могилу.* Манфредъ *невидимый.*

Мануэль.

Ужь много лѣтъ назадъ, когда скончался
Графъ Сигизмундъ, я въ этомъ же безмолвномъ
И мрачномъ склепѣ выкопалъ могилу.
Похоронивъ отца, не думалъ я,
Что мнѣ и сына хоронить придется.
Не могъ я ждать, что въ вѣчности Манфредъ
Меня опередитъ, и что его
Сомкнутся очи ранѣе моихъ.

Германъ.

Какъ думаешь ты, Мануэль, что̀ было
Причиной смерти графа?

Мануэль.

Не пытайся
Проникнуть тайны предопредѣленья:
Пути Господни неисповѣдимы.
И грѣшенъ тотъ, кто дерзкимъ размышленьемъ
Постигнуть хочетъ то, чего не знаетъ
И знать не долженъ. Часъ его насталъ,
А поздно ль, рано ли — судить не намъ,
Про то единый вѣдаетъ Господь.
Намъ надо за усопшаго молиться,
Чтобы и онъ когда-нибудь за насъ
Въ странѣ незримой Богу помолился.

Германъ.

А слышалъ ты, что̀ люди говорятъ?
Подъ этимъ сводомъ будто по ночамъ
Рыданія и стоны раздаются:
То вѣрно грѣшная душа Манфреда....

Мануэль.

Пустыя бредни! Говорю тебѣ:
Нехорошо давать догадкамъ волю
И праздным̀ любопытствомъ нарушать
Торжественную смерти тишину.
Оконченъ трудъ. Идемъ отсюда, Германъ.

(Уходятъ).

Манфредъ.

Слуга, невѣжда, — и такая вѣра!
Онъ правъ: къ чему безплодныя догадки
И праздное, пустое любопытство,
Когда непроницаема завѣса,
Которая отъ смертнаго скрываетъ
Загробный міръ. Ужели тотъ аббатъ
И этотъ дряхлый сѣдовласый старецъ
Меня заставятъ убѣдиться въ томъ,
Что даромъ я потратилъ жизнь земную
И въ заколдованномъ вращался кругѣ?
Пусть высшей власти духа я достигъ,
И пусть иные духи мнѣ послушны
И на мой зовъ являются мгновенно,
Но развѣ въ этомъ счастье и покой?
Другой найдется смертный, мнѣ подобный;
Какъ я, стяжаетъ всю премудрость міра
И, обладая той же самой властью,
Меня къ себѣ, быть можетъ, призоветъ;
Не буду въ силахъ я противостать
Могущественной воли повелѣнью
И на призывъ предстану передъ нимъ
Томящеюся, блѣднолицей тѣнью.....
Та власть, непобѣдимая та сила,
Которыхъ страстно домогался я,

Теперь мнѣ стали столько жь безполезны,
Какъ кораблю, погибшему въ волнахъ,
Его оснастка, парусъ и кормило,
Иль какъ развѣнчанному королю
Его держава, скиптръ и багряница.
Съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди моей
Вся непреклонная исчезла воля:
Какъ спутница вседневная моя,
Тѣнь неотлучная, что̀ никогда
Меня не покидала, такъ и я
Теперь покинуть не могу могилу,
Гдѣ тлѣютъ бренные мои останки.
Какою-то таинственною силой
Къ гробницѣ этой духъ прикованъ мой....
— О, тяжко послѣ многихъ долгихъ лѣтъ
Слѣпого, гордаго самообмана
Сознать свое ничтожество, безсилье
И убѣдиться въ слабости своей!...
. . . . . .
Нѣтъ, никогда я не былъ слабъ душою!
Я до отчаянья не унижался,
Умѣлъ сносить страданія свои
И нынѣ съ прежнею духовной силой
Къ завѣтной цѣли смѣло устремлюсь.
Я на землѣ искалъ душѣ покоя,
Искалъ блаженства, вѣчной тишины,

И если есть хоть доля правосудья
Въ непостижимомъ смыслѣ бытія,
То я достигну радости желанной
И безмятежной вѣчности добьюсь.
Такъ, рѣшено! Я прошлое забылъ
И знанія вѣнецъ бросаю въ прахъ,
Я сознаю невѣдѣнье свое,
Для новой истины душа открыта, —
Надѣюсь я и вѣрю, и люблю!

(Появляется Астарта).

Астарта.

Ты произнесъ завѣтныя слова,
И я могу предстать передъ тобою!
О, наконецъ! Съ гордынею своею,
Съ самимъ собою ты въ борьбу вступилъ.
Когда бъ ты зналъ, какъ долго, какъ давно
Я ожидала этого мгновенья
И сколько выстрадала за тебя!
Молитвами своими окружала
Я сердце зачерствѣлое твое,
И не одна молилась я: аббатъ
И Мануэль, и Германъ, эти слуги,
Такъ горячо любившіе тебя,
И многіе другіе, о которыхъ

И не заботился ты, и не думалъ, —
Да, многіе молились за тебя.
Но никогда никто изъ нихъ не могъ
Такъ пламенно и жарко такъ молиться,
Какъ я, твоя любовь, твоя Астарта!
Всегда, вездѣ въ твоей печальной жизни
Слѣдила я за мыслію твоей,
Дѣлила всѣ и горести, и скорби
И мучилась страданіемъ твоимъ.
Когда жь послѣдній часъ твой наступилъ,
И жизни нить мгновенно порвалася,
Я послана была къ тебѣ на землю
И призракомъ явилась предъ тобой,
Чтобъ возвѣстить тебѣ все заблужденье
И всю тщету премудрости твоей.
Не прежде я могла легко, свободно
Съ твоей душой на вѣкъ соединиться,
Чѣмъ исповѣдалъ ты свое безсилье
И самъ созналъ ничтожество свое.
О, вѣрь, Манфредъ, гордыню самомнѣнья
Сломивъ, ты во сто кратъ могучѣй нынѣ
И несравненно выше, чѣмъ тогда
Въ юдоли слезъ, гдѣ средь толпы людской
Всегда ты одинокъ былъ, какъ въ пустынѣ,
Когда въ слѣпомъ безумьѣ ты своемъ
Мечталъ обнять все то, что̀ необъятно,

И все непостижимое постичь.
Теперь впервые ты уразумѣлъ,
Что не во власти сила, а въ смиреньи,
И гордые порывы обуздавъ,
Ты высшую побѣду одержалъ.
Тобой разбиты прежнія препоны,
Ты мой опять, и снова я твоя!

Манфредъ.

Благодарю, благодарю, Астарта!
Какъ сладко мнѣ звучатъ твои слова!
При звукѣ ихъ послѣднія сомнѣнья
Въ душѣ моей мгновенно умолкаютъ,
Какъ при бряцаньи арфы Псалмопѣвца
Недугъ царя Саула утихалъ.
Теперь, твоимъ покровомъ осѣненный,
Воскресну я къ иному бытію;
Мы будемъ жить иною, новой жизнью.
Отнынѣ неразлучны навсегда,
Блаженны будемъ мы вдали отъ міра,
Вдали отъ всякой суеты земной;
И родъ людской, на вѣки позабытый,
Ужь не коснется пошлостью своей,
Завистливостью, ложью и злословьемъ
Безплотнаго союза нашихъ душъ.

Астарта.

Въ твоей душѣ закоренѣла злоба;
О, не кляни, Манфредъ, не порицай!
Иной отнынѣ путь намъ предстоитъ:
Сліясь со мной въ единомъ восхожденьи,
Любить ты долженъ не меня одну,
Но всеобъемлющей обнять любовью
Все, что̀ живетъ, какъ ты когда-то жилъ.
Презрѣнія не знаютъ небеса,
И не раскроется ихъ сводъ лазурный
Предъ горделивой злобою твоей.
Божественнаго милосердья двери
Ты отопрешь лишь милости ключомъ.
Зачѣмъ, Манфредъ, хулишь и презираешь
Ты этотъ бѣдный, жалкій родъ людской?
Ужель сочувствіе къ его сынамъ
Въ твоей душѣ ни разу не проснулось?
Ужель ты видѣлъ въ нихъ одно лишь злое,
А доброе надменно презиралъ?
Страдая такъ давно и такъ жестоко,
Ужель ни разу ты не пожалѣлъ
О тѣхъ, что̀ такъ обильно орошаютъ
Свое убожество и нищету
Горючими, кровавыми слезами?

Ужели во всевѣдѣньѣ своемъ
Ты не подслушалъ вздоховъ и стенаній,
Что̀ вырываются изъ глуби столькихъ
Измученныхъ, истерзанныхъ сердецъ?
Нѣтъ, не хулы достоинъ этотъ родъ,
Но состраданья, жалости, прощенья!
Иль у тебя была передъ глазами
Одна лишь личная твоя печаль,
А всѣ чужія горести и скорби
Не трогали тебя, не уязвляли
Безжалостнаго сердца твоего?
Но знай, Манфредъ, одной любовью лишь
Ты неба всепрощеніе заслужишь.
Сперва прости, за все и всѣмъ прости,
Забудь свои ничтожныя заслуги,
Сознай, сознай, что прежде всѣхъ ты самъ
И ты одинъ виновенъ передъ всѣми,
Что вся премудрость и вся власть твоя,
И знанье все не стоятъ и одной
Слезы сознанья собственной вины.
И распахнутся предъ тобой врата
Небесныя, и восхищенъ ты будешь
Туда, гдѣ нѣтъ ни плача, ни стенаній,
Гдѣ вѣчное блаженство ждетъ тебя.

Манфредъ.

Остановись, о, замолчи, Астарта!
Не въ силахъ долѣ слушать я тебя,
Или не вынесу я, не вмѣщу
Всего того, чѣмъ ты меня чаруешь,
Всей новизны невѣдомыхъ рѣчей,
Всей полноты твоихъ обѣтованій!
Моя душа восторженно трепещетъ,
Какъ арфы сладкозвучная струна,
Когда ея воздушными перстами
Коснется шестикрылый серафимъ.
Я побѣжденъ, смирился я! Впервые
Я праздную побѣду надъ собой.
Веди меня! Я твой, моя Астарта,
Я за тобою слѣдую отнынѣ!
Душа освобожденная моя
Стремится въ безконечные предѣлы.
Прости, земля! На вѣки покидаетъ
Тебя перерожденный твой Манфредъ.

СЦЕНА III.

НЕБЕСА.

Тучи.

Мы грозныя тучи, мы дѣтища бурь,
Мы мчимся крылатой толпою,
Грозой разразимся и неба лазурь
Покроемъ зловѣщею мглою.

Мы грозныя тучи, губительныхъ стрѣлъ
Небеснаго грома колчаны!
Безъ воли, безъ цѣли нестись нашъ удѣлъ,
Насъ гонятъ, насъ мчатъ ураганы.

Намъ радости чужды, чужда намъ печаль,
Не знаемъ мы страсти кипучей,
Мы вѣчно летимъ въ безпредѣльную даль,
Мы тучи, мы грозныя тучи!

Молнія.

Я міру загадка!
Блеснувъ на мгновенье,
Внезапно и кратко
Мое появленье.
Я молнія! Тучи
Меня породили
И властью могучей
Меня надѣлили.
Въ грозу раздирая
Среди непогоды
Отъ края до края
Небесные своды,
Я сгину мгновенно
Во мракѣ ночномъ.
Я пламень чудесный,
Я тайна вселенной,
Я свѣточъ небесный,
Зажженный Творцомъ!

Громъ.

Грозный божественный гласъ Провидѣнья,
Въ непостижимомъ созвучьѣ своемъ,
Гнѣва небеснаго я выраженье,
Всесожигающій громъ.

Я, облетая небесные своды,
Всѣ звуки міра въ себѣ сочеталъ:
Мо̀ря ли хлещутъ свирѣпыя воды
Въ ребра незыблемыхъ скалъ,

Гулъ ли доносится землетрясенья,
Лѣсъ ли стоглавой вершиной шумитъ,
Иль огнедышащихъ горъ изверженье
Стонетъ, клокочетъ, гудитъ, —

Всѣхъ голосовъ на землѣ и созвучій
Я отголосокъ и отзвукъ глухой.
Я обличитель безстрастный, могучій,
Господа бичъ роковой!

(Манфредъ и Астарта возносятся въ вышину).

Манфредъ.

Въ смятеніи всѣ грозныя стихіи,
Несутся тучи мрачною толпой,
Раскаты грома небо потрясаютъ,
И молніи на встрѣчу блещутъ намъ....

Астарта.

Въ послѣдній разъ, Манфредъ, грозу мы видимъ;
Еще мгновеніе, и небеса

Безоблачнымъ сіяніемъ своимъ
На вѣки насъ съ тобою облекутъ.
Отнынѣ безпрепятственно любить
Другъ друга можемъ мы и озираться
На бренную покинутую землю,
На дольній прахъ, на это пепелище
Былыхъ стремленій нашихъ и заботъ.
Взаимная любовь не помѣшаетъ
Намъ вспоминать съ любовію о тѣхъ,
Кто на землѣ такими жь, какъ и мы,
Скитальцами любили и страдали.
И какъ во снѣ переживать мы будемъ
Все то, что̀ было и давно прошло....
О, мой Манфредъ, отнынѣ мы свободны!
Разбитыя земли упали узы,
Ужь нѣтъ страданья, миновала скорбь,
Послѣднія исчезнутъ вскорѣ тучи,
И молніи померкнутъ вдалекѣ,
Послѣдніе замрутъ раскаты грома,
Въ послѣдній разъ грозу съ тобой мы видимъ!

Манфредъ.

Астарта, мнѣ не выразить словами,
Какъ глубоко̀ тебѣ я благодаренъ!
Я такъ блаженъ, такъ счастливъ близъ тебя!

Душа моя тиха и безмятежна;
Въ надеждѣ новой, съ новымъ восхищеньемъ
Безплотный взоръ я устремляю вдаль,
И не страшны зловѣщія мнѣ тучи,
Онѣ раздвинутся, онѣ исчезнутъ,
Какъ прежнія сомнѣнія мои
Разсѣялись.... Но погляди, Астарта,
Какъ эти тучи въ грозную громаду
Столпились вдругъ и словно угрожаютъ
Въ своемъ насъ поглотить съ тобою мракѣ;
А молніи безчисленныя ихъ,
Мигая огненными бороздами,
Изъ края въ край воспламеняютъ небо,
И яростнаго грома рокотанье
Разносится на тысячи ладовъ.
Я узнаю знакомое явленье
И ощущаю близость мрачныхъ силъ:
То духи мщенія, то духи злобы,
То царь всего, что̀ въ мірѣ злого есть, —
Властитель тьмы, то грозный Ариманъ.

(Среди тучъ, разражающихся страшными раскатами грома, испуская ослѣпительныя молніи, появляется Ариманъ, окруженный всѣми подвластными ему духами).

Первая Судьба.

Ты нашъ, Манфредъ, ты нашъ! Прошло то время,
Когда ты властвовать надъ нами могъ.
Ужь сладостный пробилъ отмщенья часъ, —
Съ тобою мы расплатимся теперь.
Мы, духи мрака, восторжествовали
Надъ силою твоей и отъ тебя,
Какъ должной дани, поклоненья ждемъ.

Вторая Судьба.

Познанья всѣ твои, твою премудрость
Смерть уничтожила въ одно мгновенье.
Теперь передъ владыкой Ариманомъ
Ты долженъ пасть, развѣнчанный мудрецъ!

Третья Судьба.

Пока носилъ ты образъ человѣка,
Могла безсмертная душа твоя
Достичь той высоты, того величья,
Которыми ты намъ повелѣвалъ,
И до которыхъ смертнымъ далеко;
Но нынѣ обезсиленный, безплотный

Ты сталъ такимъ же духомъ, какъ и мы,
И въ наши мы права теперь вступаемъ, —
Ты нашъ, Манфредъ! Склонись же передъ нами!

Астарта.

Нѣтъ, онъ не вашъ! Онъ мой, онъ мой на вѣки!
Не уступлю я друга моего!
О, не страшись, Манфредъ! Они безсильны,
Ничто отнынѣ насъ не разлучитъ.
Мнѣ ль уступить возлюбленную душу,
Когда я отъ погибели спасла
Тебя? Во мнѣ ли не достанетъ силы
Тебя отъ адской злобы защитить?

Манфредъ.

Астарта милая, о, дорогая!
Я не страшуся. Никогда душа
Моя не знала робости, и нынѣ
Угрозамъ ихъ меня не испугать.
Пусть говорятъ они, — мы будемъ слушать,
Пусть выскажутся духи до конца, —
Тогда отвѣчу я, и ты увидишь,
Какъ будетъ безуспѣшна и напрасна
Послѣдняя попытка адской злобы
Меня съ тобою разлучить.

Немезида.

Манфредъ!
Ты помнишь ли, когда предъ Ариманомъ
Въ его чертогахъ нерушимыхъ тѣнь
Астарты вызвать ты мнѣ повелѣлъ?
Безпрекословно я повиновалась;
Но вотъ, настала очередь моя,
И я теперь тебѣ повелѣваю!
Ты отрицалъ то высшее Начало,
Ту Силу, предъ которой мы трепещемъ,
И эта Сила отъ тебя сама
Теперь отступится и отречется.
Такъ гдѣ жь твое могущество? Во имя
Чего жь ты возмечталъ бороться съ нами?
Какимъ оружіемъ? И на кого
Ты опереться думаешь теперь?
Ты власти никакой не признавалъ,
Хотя и надъ тобою тяготѣлъ
Единый, вѣчный міровой законъ;
И нынѣ слабый, безтѣлесный духъ,
Безпомощный, безсильный, беззащитный,
Ты власть мою признаешь надъ собой.

Духи.

Она побѣдила, она побѣдила!
Твоя непреклонность — мечта и обманъ.
Да здравствуетъ грозная, мрачная сила!
Всесильно господство твое, Ариманъ!

Астарта.

Умолкните, отверженные духи!
О, нѣтъ, онъ вашимъ не былъ никогда
И никогда не будетъ! Ваша злоба
Его не вырветъ изъ моихъ объятій.
Здѣсь тайны есть великія, святыя,
Которыхъ вамъ не разгадать во вѣкъ.
Онъ мой! Я вамъ его не уступлю.

Манфредъ.

Астарта, не смущайся ихъ словами,
Дай имъ договорить! Еще не все
Лукавая ихъ высказала злоба.
Пусть держитъ рѣчь самъ грозный Ариманъ,
Духовъ паденья мрачный повелитель
И адской тьмы всесильный властелинъ.

Ариманъ.

Я долго ждалъ. Безмолвствовалъ я долго,
Но истощилось наконецъ мое
Долготерпѣнье. Моего молчанья
Исполнилася мѣра. Преклонись
Передъ моимъ величіемъ, Манфредъ!
Отнынѣ я — твой богъ и судія!
Передо мною все падетъ во прахъ;
Я жажду крови, жажду отомщенья:
Неправдою, войною, притѣсненьемъ,
Страданьемъ и слезами ежечасно
Вселенная со всѣхъ своихъ концовъ
Угодныя приноситъ жертвы мнѣ;
Тобою ихъ дополнится число, —
Пади же ницъ передъ моимъ престоломъ,
Признай, Манфредъ, владычество мое!

Манфредъ.

Ты все ль сказалъ?... Теперь и я, Манфредъ,
Тебя отвѣтомъ удостою. Духи,
Внимайте мнѣ! Внимай же, Ариманъ!
Такъ. Прожита земная жизнь; я — болѣ
Не человѣкъ. Я вамъ подобный духъ.
Но можете ли вы уразумѣть,

Какое насъ пространство раздѣляетъ?
Пока душа моя еще томилась,
Заключена въ тѣлесной оболочкѣ,
Мой разумъ былъ гордыней ослѣпленъ.
Но вотъ, упали тлѣнныя оковы,
Глубокая разсѣялася тьма,
Мнѣ вѣчность цѣлая глянула въ очи,
И въ мигъ духовные прозрѣли взоры.
Иную силу я уразумѣлъ:
Святую силу безграничной вѣры;
Она подъ гнетомъ многихъ заблужденій,
Какъ подъ золою тлѣющая искра,
Дотоль таилася на днѣ души.
И лишь постигъ душою обновленной
Я высшую смиренья благодать,
Та искра вспыхнула въ костеръ великій,
И заблистали, ярко пламенѣя
Въ его лучахъ, надежда и любовь.
Да, я увѣровалъ, я полюбилъ
И на крылахъ надежды вознесусь
Въ тѣ свѣтлыя, блаженныя селенья,
Откуда вы низвержены. Во вѣкъ
Вамъ моего полета не настигнуть.
Сокройтесь же, о, духи отрицанья!
Я надъ собой иную власть призналъ:
Ту власть, передъ которой сами вы

Трепещете, которой я частица.
Я отвергалъ въ безуміи ее,
Считая униженьемъ поклоненье;
Но нынѣ я увѣдалъ наконецъ,
Что нѣтъ побѣды выше и святѣй,
Какъ надъ самимъ собой; что только тотъ
Во истину великъ, кто предъ великимъ
Въ восторгѣ умиленья преклонится.
Прочь, духи мрака! Я не знаю васъ!
Прочь, Немезида! Гдѣ твоя побѣда?
Прочь, Ариманъ! Гдѣ торжество твое?

(Духи исчезаютъ).

Астарта.

Они исчезли.... Тучи разлетѣлись,
Угасли молніи, и вдалекѣ
Раскаты грома глухо замираютъ....
Я начинаю приходить въ себя,
Душа моя опомнилась отъ страха.
О, ты могучъ, Манфредъ! А я еще
Тебѣ хотѣла мужества придать,
Когда невыразимый страхъ терзалъ
Самой мнѣ душу несказанной мукой.
Казалось мнѣ, что разлучатъ они
Меня съ тобой, Манфредъ. О, какъ велики
Души твоей могущество и сила!

Манфредъ.

Что̀ эта сила предъ твоей любовью!
Теперь такъ ясно стало мнѣ, Астарта,
Что даромъ прожилъ я всю жизнь свою.
Пусть я умомъ пытливымъ углублялся
Въ неизмѣримость мудрости житейской,
Пусть знанія запасъ обогащалъ
И безграничной власти домогался;
Пусть высшаго достигъ я совершенства
И превзошелъ въ могуществѣ духовномъ
Всѣхъ смертныхъ міра, бывшихъ до меня, —
Явилась смерть, и въ смертное мгновенье
Я понялъ всю безплодность, безполезность
Моихъ стремленій гордыхъ и безумныхъ.
Мнѣ стало вдругъ доступно и понятно,
Что, мудрствуя такъ долго и такъ много,
Гоняясь за неуловимой цѣлью,
Безъ устали преслѣдуя ее,
Я забывалъ о главномъ, безъ чего
Вся наша мудрость — призракъ и мечта.
А это главное — любовь!...
Тебѣ,
Тебѣ одной, моя Астарта, я
Обязанъ этимъ откровеньемъ! Ты
Вручила мнѣ единственный тотъ ключъ

Ко всѣмъ великимъ тайнамъ бытія.
Ты мнѣ открыла, ты мнѣ указала,
Что не во власти сила, а въ любви,
Которой гордо я пренебрегалъ!
И вотъ, теперь, когда передо мною
Такъ безполезно пережитыхъ дней
Проносится печальная картина,
Мнѣ стало такъ невыразимо больно
За прошлое мое! Всѣ дарованья,
Всю крѣпость разума, всѣ силы сердца,
Всѣ лучшія сокровища души,
Такъ щедро мнѣ ниспосланныя свыше,
Я израсходовалъ безумно, праздно,
Какъ безразсудный, жалкій расточитель!

Астарта.

Манфредъ, не сѣтуй! Правда, жизнь твоя
Была лишь рядомъ горькихъ заблужденій;
Конечно, ты во многомъ былъ виновенъ, —
Но не кори земного ты труда,
Не думай, что познанія твои,
Твоя премудрость, власть и сила воли
Остались безплодны и напрасны.
Теперь, согрѣты пламенемъ любви,
Озарены лучомъ горячей вѣры,

Удвоены плѣнительной надеждой,
Тѣ силы тайныя души твоей
Тебя неудержимо за собою
Въ надзвѣздныя селенья увлекутъ....
Теперь увѣдалъ ты, что не заслуги
Твои тебѣ спасенье даровали.
Въ твоихъ очахъ незримыя таились
Раскаянья живительныя слезы;
Ты самъ не сознавалъ въ себѣ той силы,
Что̀ теплилась въ душѣ твоей всегда.
Вся жизнь твоя была лишь усыпленьемъ;
Когда жь послѣдній испустила вздохъ
Твоя измученная грудь, и сердце
Вдругъ перестало биться въ ней, тогда
Очнулся ты, тогда ты убѣдился
Въ ничтожествѣ познанія и власти
И въ суетѣ премудрости земной.
Что̀ предъ Творцомъ заслуги человѣка?
Нѣтъ, не онѣ, Манфредъ, тебя спасли.
Но тѣ молитвы чистыя, святыя
И безкорыстныя, что̀ непрестанно
На небо возносились за тебя:
Онѣ однѣ тебя съ нимъ примирили.
Всесильна, несравненна власть молитвы;
Міръ видимый она соединяетъ
Съ незримымъ человѣческому взору;

И мы съ тобой за всѣхъ должны молиться,
Чтобы вкусить въ молитвенномъ общеньѣ
Духовъ безплотныхъ высшее блаженство.
Ты видишь, мы возносимся все выше,
Все радостнѣй сіяютъ небеса, —
Забудь же прошлое! Твое смиренье
Съ сознаніемъ ничтожности твоей
Вознаградитъ за годы отрицанья
Святое Правосудіе небесъ!

Манфредъ.

Смотри: вонъ облако несется тамъ
Такое свѣтлое, какъ будто небо
Намъ чрезъ него привѣтъ свой посылаетъ;
И радостно оно, какъ на устахъ
Младенца задремавшаго улыбка.
Оно рѣдѣетъ болѣе и болѣ,
Какъ будто бы растаять суждено
Ему въ необозримомъ морѣ блеска....

(Проносится свѣтлое облако).

Облако.

Миновала гроза.... На просторѣ,
Далеко отъ мятежной земли

Я, какъ мѣсяцъ въ лазоревомъ морѣ,
Въ голубой утопаю дали....

Безъ слѣда и безъ звука люблю я
Тихо плыть по степямъ голубымъ....
Я небеснаго жду поцѣлуя,
Чтобъ мгновенно растаять подъ нимъ.

Я, рожденное грѣшной землею,
Жажду неба вкусить торжество,
Чтобы слиться съ его синевою,
Чтобъ исчезнуть въ лазури его.

Поскорѣй бы пора миновала
Всѣхъ печалей, страданій и бурь,
И собою весь міръ осѣняла
Безпредѣльная неба лазурь!

(Исчезаетъ).

Астарта.

Оно той высшей области достигло,
Гдѣ такъ прозраченъ, чистъ эѳиръ воздушный,
Что въ немъ не только тучи грозовыя,
Но и легчайшихъ облаковъ полетъ
Невѣдомъ съ самаго начала міра,
И вотъ, растаяло оно въ пространствѣ....

Взгляни: кругомъ небесная лазурь
Безоблачная, вѣчно голубая;
Куда ни кинешь взглядъ, вездѣ, вездѣ
Одна безбѣрежная синева.
И безмятежно, тысячью огней
Мерцая, въ ней колеблются небесныхъ
Свѣтилъ неугасимыя лампады....
Манфредъ, ужь близко! Цѣль недалека,
Земли забыты слезы и страданья,
Ужь намъ не будутъ тучи угрожать,
Мы на пути не встрѣтимъ даже легкихъ,
Воздушныхъ облаковъ, и возносясь
Все выше, въ вѣчныхъ небесахъ потонемъ!

Манфредъ.

Ты слышишь ли? Издалека, какъ будто,
Какихъ-то сладкозвучныхъ голосовъ
Доносится восторженное пѣнье.
Ахъ, тѣ досель неслыханные звуки
Переполняютъ душу восхищеньемъ
И сладкимъ трепетомъ. Я очарованъ,
Блаженствуя, прислушиваюсь къ нимъ!
Все ближе, все слышнѣй! Я начинаю
Слова невѣдомыя различать, —

И просится душа моя навстрѣчу
Пѣвцамъ незримымъ дивной пѣсни той!

Сонмъ безплотныхъ силъ.

Избавленный плѣнникъ могилы!
Ликуя, прощая, любя,
Святыя безплотныя силы,
Мы въ небѣ встрѣчаемъ тебя!
Послѣднія слезы печали,
Заботъ и невзгодъ, и скорбей,
Что̀ взоры твои застилали,
На вѣки отремъ мы съ очей.
Въ лучахъ благодатныхъ смиренья
Померкли сомнѣнья твои,
И вспыхнулъ зарей обновленья
Погаснувшій свѣточъ любви.
Забудешь ты дни отрицанья
И вѣчность безоблачныхъ дней
За долгіе годы страданья
Получишь съ подругой своей.
Любовью, надеждой и вѣрой
Купилъ ты блаженство свое....
Тебѣ утрясенною мѣрой
Отсыплемъ мы въ лоно твое.

О, братъ нашъ возлюбленный, милый!
Ликуя, прощая, любя,
Святыя безплотныя силы,
Мы въ небѣ встрѣчаемъ тебя!

Одинъ изъ нихъ.

Таланта своего ты не зарылъ небрежно,
И плодъ сторицею тобою принесенъ:
Господь тебя зоветъ, рабъ добрый и прилежный,
О, пріиди! Съ тобой возрадуется Онъ.
Твоей души, ума и сердца дарованья
Достигли высшаго развитья своего:
Своей премудростью, могуществомъ познанья
Ты покорилъ себѣ земное естество.

Другой.

Я знаю власть твою, твою я знаю силу
И вижу то въ тебѣ, чего ты самъ не могъ
При жизни разгадать въ своей душѣ унылой.
И принялъ наконецъ я твой послѣдній вздохъ,
Въ которомъ все слилось: и радость, и мученье,
И гордыя мечты, и помыслы твои,
Не разрѣшенное послѣднее сомнѣнье
И вѣры первый лучъ, и проблески любви.

Третій.

Забудь безумный бредъ и ропотъ отрицанья
И безразсудную гордыню позабудь:
Теперь на вѣкъ твои окончены страданья,
И пройденъ навсегда тернистый жизни путь.
Безсмертья твоего своимъ дыханьемъ тлѣннымъ
Коснуться не дерзнетъ ужь позабытый міръ,
Сіяньемъ небосводъ горитъ неизреченнымъ,
Чертога брачнаго ужь уготованъ пиръ!

Четвертый.

Безсмертія духъ, небожитель,
Безгрѣшный, блаженный, святой,
Манфредъ, я твой ангелъ-хранитель,
Я спутникъ невидимый твой!

Тебя я крылами своими
Всегда на землѣ осѣнялъ,
Очами тебѣ голубыми
Съ лазурнаго неба сіялъ.

Слезой твоего сокрушенья,
Твоей покаянной слезой
Омылъ я твои прегрѣшенья,
И ты убѣлился душой.

Какъ дымъ благовонный кадила,
Какъ ангельской пѣсни хвала,
Молитва твоя воспарила
И небу угодна была.

Мои распростерты объятья,
Нѣтъ прежнихъ препонъ, о, Манфредъ,
И шлютъ тебѣ новые братья,
О, братъ, вожделѣнный привѣтъ!

Манфредъ.

Свершилося!... Вы побѣдили, силы
Небесныя! Я духомъ прозорливымъ
Давно предвидѣлъ ваше торжество....
Хранитель-ангелъ мой, не откажи
Меня своими осѣнить крылами,
А то не выдержитъ моя душа
Въ невыразимое мгновенье это
Наплыва неземного ликованья,
И въ новомъ несказанномъ упоеньи
Не вынесу я радости такой!
О, вы, безплотные, я преклоняюсь
Предъ вашею великою святыней!
Но грѣшный недостоинъ я вступить
Въ вашъ непорочный, лучезарный сонмъ.

Она же..., о, она и создана
Была лишь для сіянія небесъ.
Ея лучи межь вами заблистаютъ,
Какъ мѣсяцъ ясный средь несмѣтныхъ звѣздъ.
А я пусть издали съ благоговѣньемъ
Ея дерзаю образъ лицезрѣть;
Съ меня довольно и воспоминанья,
Что было мнѣ дано ее любить,
Что на меня презрѣннаго ея
Святой любви когда-то выборъ палъ.
Теперь, въ мигъ несказаннаго блаженства
Къ тебѣ, Астарта, возвожу я взоръ!
Твоя любовь меня переродила;
Тебя, одну тебя, о, дорогая,
Благодарю за это восхищенье,
Души неизглаголанный восторгъ!

Астарта.

Нѣтъ, въ небесахъ не вѣдаютъ разлуки,
Но каждый новый мигъ исполненъ счастья
Свиданья съ милыми. О, мой Манфредъ!
Я такъ блаженствую, что никакія
Слова неизреченныя небесъ
Не могутъ выразить всего того,
Чѣмъ переполнена душа моя!...

Манфредъ.

Оконченъ путь мой. Цѣли я достигъ
И надъ собою признаю ту власть,
Которая руководила мною,
Которою мой духъ былъ такъ могучъ.
Она во мнѣ познанья породила
И разума премудростью была.
Она — та воля, грозная та сила,
Что̀ высоко, сверхъ всякаго мѣрила
Меня надъ всѣмъ живущимъ вознесла.
Она была лишь искрою одною
Священнаго небеснаго огня,
Что̀ пламенно овладѣвала мною
И нынѣ восхищеньемъ жжетъ меня.
Я, надъ самимъ собой побѣду торжествуя,
Блаженъ Твоимъ превѣчнымъ торжествомъ,
Тебя, о, мой Творецъ, люблю я
И, вѣруя, надѣясь и ликуя,
Съ Твоимъ сливаюсь Божествомъ!

Голосъ.

Угодно Мнѣ твое великое смиренье,
Угоденъ покаянный подвигъ твой!

Я за него тебѣ дарую всепрощенье,
Блаженство, вѣчность и покой.
Полна любви Моя небесная обитель,
Дверь милосердія отверзлася тебѣ, —
О, пріиди ко Мнѣ! Твой Богъ, твой Искупитель
Тебя, Манфредъ, зоветъ къ Себѣ!

Петербургъ.
15-го февраля 1885.

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

12 октября 1877.

Припомнимъ, Измайловцы, день роковой,
Тотъ день, когда подвигъ свершался святой
За вѣру, Царя и Отечество;
Когда наши витязи шли на враговъ,
И доблести русскихъ гвардейскихъ полковъ
Дивилося все человѣчество.
Когда подвизался Измайловскій полкъ
И честно священный свой выполнилъ долгъ,
Хоругвью побѣдъ осѣняемый.
Когда наша кровь изобильно лилась, —
И вотъ, собираясь седьмой уже разъ,
Опять годовщину справляемъ мы.
Припомнимъ, товарищи, павшихъ въ бою
Измайловцевъ, жизнь положившихъ свою,
Увѣнчанныхъ доброю славою;
И, вспомнивъ о нихъ, позавидуемъ имъ,
На вѣки засыпаннымъ прахомъ земнымъ,
Схороненнымъ нивой кровавою.
Не менѣй въ одинъ кратковременный часъ
Тѣхъ праведныхъ жертвъ насчитали у насъ,
Чѣмъ въ страшные дни Бородинскіе;

И всѣ мы поляжемъ въ грядущіе дни,
Какъ въ старые годы ложились они,
Свершая дѣла исполинскія.
И Кульмъ, и Очаковъ, и Горный Дубнякъ
Напомнятъ пусть намъ, что и въ насъ не изсякъ
Еще прежній духъ молодечества,
Что громъ нашей славы еще не умолкъ,
И вспрянетъ, какъ прежде, Измайловскій полкъ
За вѣру, Царя и Отечество!

Петербургъ.
2-го октября 1884.

12 октября 1885.

Ужъ восемь лѣтъ прошло,—и снова годовщину
Мы Горнаго справляемъ Дубняка:
Подымемъ же теперь застольную братину
Во славу нашего полка!

Давайте пить, друзья, какъ пили наши дѣды:
Пусть каждый изъ братины отопьетъ,
И пусть передаетъ ее сосѣдъ сосѣду,
Чтобъ каждый выпилъ въ свой чередъ.

Насъ связываетъ всѣхъ одна и та же служба,
Одинъ и тотъ же связываетъ долгъ.—
Да процвѣтаетъ же, да крѣпнетъ наша дружба,
И ей да держится нашъ полкъ!

Ходи же по рукамъ, братина круговая!
Всѣ изъ нея мы будемъ пить, друзья!
Да здравствуетъ нашъ полкъ и наша полковая
Единодушная семья!

Петербургъ.

Измайловскіе досуги*).

Сбираясь, какъ жрецы на жертвоприношенье,
Передъ художества священнымъ алтаремъ,
Служа искусству, мы свои произведенья
На судъ товарищей смиренно отдаемъ.

Не ищемъ мы, друзья, ни славы, ни хваленій,—
Пусть безымянные въ могилѣ мы уснемъ,
Лишь бы Измайловцы грядущихъ поколѣній,
Священнодѣйствуя предъ тѣмъ же алтаремъ,

Собравшись какъ и мы, стремяся къ той же цѣли,
Въ досужіе часы чрезъ многіе года
Тѣ пѣсни вспомнили, что̀ мы когда-то пѣли,
Не забывая насъ и нашего труда.

Гремите, пойте же, Измайловскія струны,
Во имя доблести, добра и красоты!
И мечъ нашъ съ лирою неопытной и юной
Да оплетутъ нѣжнѣй художества цвѣты.

Петербургъ.
9-го января 1885.

---

*) Такъ называются литературные вечера л.-гв. въ Измайловскомъ полку. Стихотвореніе написано къ состязанію на одномъ изъ этихъ вечеровъ.

Письмо изъ-за границы.

Той, Измайловцы лихіе,
Скоро ль васъ увижу я?
Стосковалась по Россіи
И по васъ душа моя.
Надоѣло за границей
Киснуть по чужимъ краямъ;
Обернуться бы мнѣ птицей
Да летѣть скорѣе къ вамъ!
Но на родину покуда
Не пускаютъ доктора:
Все проклятая простуда!...

Скоро въ лагерь вамъ пора:
Выступитъ, блестя штыками,
Полкъ нашъ въ Красное Село;
Офицеры со шнурами,
Въ скаткахъ *), шашки на-голо,
Люди въ старенькихъ мундирахъ,
Въ ранцѣ каждый молодецъ, —
И на лагерныхъ квартирахъ

*) Скатанное пальто, надѣваемое черезъ плечо.

Размѣститесь наконецъ.
И пріѣду я.... Забьется
Сердце радостнѣй, быстрѣй;
Живо рота соберется,
Поздороваюсь я съ ней;
Грянетъ: „Здравія желаемъ!“
На привѣтствіе въ отвѣтъ,
И опять мы загуляемъ
По примѣру прежнихъ лѣтъ.

Я фельдфебеля разсказы
Стану слушать по утрамъ
Про солдатскія проказы
По сосѣднимъ кабакамъ,
Про артельную лошадку,
Про количество больныхъ,
Про гимнастику, прикладку
И успѣхи молодыхъ.
Будетъ, какъ въ былые годы,
Мой артельщикъ приходить
На текущіе расходы
Денегъ у меня просить.
Писарь съ денежною книжкой,
Съ кипой рапортовъ, бумагъ
И со счетами подъ мышкой
Прибѣжитъ ко мнѣ въ баракъ.

Ротныя пойдутъ ученья,
Захожденія плечомъ,
Будемъ строить отдѣленья
Мы и шагомъ, и бѣгомъ;
Рано будетъ начинаться
Ежедневная стрѣльба,
И надъ полемъ раздаваться
Безконечная пальба.
Пули будемъ мы лѣниво,
Лежа на травѣ, считать,
Сласти, ягоды и сливы
У разнощика скупать.
Станетъ рядовымъ патроны
Каптенармусъ выдавать,
И во взводныя колонны
Я построю васъ опять.
Снова, помоляся Богу,
За линейку мы пойдемъ
И знакомою дорогой
На участокъ*) побредемъ.
— „Тверже ногу!“ — „Гдѣ равненье!“
— „На весь слѣдъ!“ — „На насъ глядять!“
— „Не сбиваться въ отдѣленьѣ!“

*) Участками называются мѣста въ окрестностяхъ Краснаго Села, отведенныя войскамъ для производства ученій и маневровъ.

— „Смирно!“ — „Подтяни прикладъ!“
Мы резерва не забудемъ,
Въ цѣпь два взвода отошлемъ
И сражаться лихо будемъ
Съ „обозначеннымъ“ врагомъ.
Зазвучатъ команды хоромъ,
И свистковъ раздастся свистъ,
А за мною съ жалонёромъ
Барабанщикъ и горнистъ.
Мы въ штыки ударимъ смѣло,
Грянетъ дружное ура, —
Глядь, а солнышко ужь сѣло,
И домой идти пора.
Послѣ долгаго гулянья
Ждетъ насъ скромная ѣда:
Въ офицерское собранье
Повалили господа....

. . . . . .

. . . . . .

И усталые порядкомъ
Только позднею порой
По баракамъ и палаткамъ
Разбредутся на покой.
Утромъ лишь заря займется,
Горнъ побудку протрубитъ,

Мигомъ лагерь встрепенется,
Снова жизнью закипитъ:
Жизнью бойкою, привольной,
Жизнью дѣльной, трудовой
И веселой, и раздольной,
Жизнью силы молодой.
Тѣ же лица дорогія,
Тѣ жь товарищи, друзья,
Сослуживцы удалые,
Та жь единая семья.
Та же дружная работа,
Трудъ и честный, и лихой,
Та же доблестная рота,
Батальонъ и полкъ родной.
Гой ты, матушка Россія,
Гой ты родина моя!
Гой, Измайловцы лихіе,
Скоро ль васъ увижу я?

Альтенбургъ.
19-го мая 1885.

Изъ лагерныхъ замѣтокъ.

Знакомыя мѣста! Здѣсь надъ оврагомъ
Стояли мы приваломъ прошлый годъ:
Мы долго шли все въ ногу, крупнымъ шагомъ
И сдѣлали далекій переходъ.
Составивъ ружья, кто на суковатомъ
Усѣлся пнѣ, кто скатку подложилъ,
Одолженную вѣжливымъ солдатомъ,
А мнѣ сидѣньемъ барабанъ служилъ.
Увѣшанный медалями, крестами,
Степенно, важно, сидя на бревнѣ,
Курилъ фельдфебель трубку въ сторонѣ.
Фланговый шапку украшалъ цвѣтами,
Одинъ прилаживалъ манерку къ ранцу,
Другой зѣвалъ, — раздался храпъ и свистъ;
Дремавшему на травкѣ новобранцу
Стеблемъ цвѣтка носъ щекоталъ горнистъ.
А вотъ и лугъ за рощею тѣнистой,
Гдѣ на участкѣ ротный жалонёръ
Нарвалъ мнѣ ландышей букетъ душистый,
Пока мы брали приступомъ заборъ.
Вотъ рѣчка, — здѣсь побѣду одержали

Мы надъ петрушками *); былъ славный бой!
Одну сторожку мы атаковали,
Гдѣ овладѣлъ противникъ высотой.
Я людямъ прочиталъ нравоученье
И вкратцѣ объяснилъ атаки ходъ;
У „скачекъ“ начали мы наступленье;
По правиламъ — шаговъ за восемьсотъ —
Въ атаку перешли; два первыхъ взвода
Въ цѣпи. Была чудесная погода, —
Полковникъ нашъ отъѣхалъ далеко, —
Дышалось такъ свободно и легко.
Цѣпь перебѣжками все подвигалась,
Пока во рву не удалось залечь.
Я подозвалъ резервъ; тутъ открывалась
Позиція врага. Его картечь
Давно бы всѣхъ перекрошила насъ,
Но тамъ не непріятельская пушка
Была, а только красная петрушка!
И стойко мы держались. Здѣсь какъ разъ
Мы очутились на краю обрыва,
Гдѣ перекинутъ мостъ черезъ рѣку.
Четвертый взводъ за третій вздвоилъ живо,
Ура! — и мы на вражьемъ берегу

---

*) Цвѣтные значки, обозначающіе противника: красные — артиллерія, желтые — резервъ. бѣлые — пѣшь.

Разсыпались. Вторая полурота
Въ цѣпи, а взводы первый и второй
Теперь въ резервъ сомкнулись за рѣкой.
Намъ предстояла главная работа:
Ужь близко непріятеля стрѣлки,
Ужь подготовленъ былъ ударъ въ штыки,
И я шаговъ за двѣсти приказалъ
Горнисту съ барабанщикомъ сигналъ
Подать къ атакѣ. Не понявъ, въ чемъ дѣло,
Цѣпь на петрушекъ бросилась бѣгомъ;
Ура на всю окрестность загремѣло,
И по дорогѣ пыль взвилась столбомъ.
Но вотъ ужь храбрецы пріутомились,
Пройдя съ утра верстъ десять по жарѣ,
Бѣгутъ все тише и.... остановились.
А бѣлая петрушка на горѣ,
Недосягаема, неуязвима,
Торчитъ одна, цѣла и невредима!
„Поручикъ Д.....ъ! Гдѣ вашъ третій взводъ?
„Назадъ! Кто васъ просилъ начать атаку?
„Мы все сначала повторимъ“.
И вотъ
Назадъ по моему вернулись знаку
Мои богатыри со всѣхъ сторонъ;
И взводному я унтеръ-офицеру
Сталъ выговаривать за то, что онъ

Не выучился лучше глазомѣру,
Что слишкомъ рано закричалъ ура,
Что лишь тогда въ штыки идти пора,
Когда увѣренъ, что ничто не можетъ
Атаки нашей болѣ удержать,
Что все она сомнетъ и уничтожитъ.

Поручику Ц.....у начать
Все снова поручилъ я. И опять
Подъ мнимымъ мы огнемъ перебѣгали
Все тотъ же мостъ; цѣпь снова разсыпа̀ли,
Раздался звукъ знакомаго сигнала,
И сомкнутая часть къ намъ подбѣжала.
Опять вступили мы въ отважный бой,
Но ужь теперь я самъ повелъ атаку
И шашкой замахалъ надъ головой;
Мои бойцы чуть не вступили въ драку
Съ петрушками; стремглавъ онѣ бѣгутъ,
И высота осталася за нами.
Мы торжествуемъ, нашъ оконченъ трудъ,
И утираемъ потъ съ лица платками.
Знакомыя мѣста, гдѣ мы не разъ
Учились съ Государевою ротой,
Гдѣ съ конницей дрались мы и съ пѣхотой. —
Какъ нѣжно, горячо люблю я васъ!
Я васъ люблю все болѣе и болѣ,

И каждый лѣсъ люблю, деревню, поле,
Люблю и зелень каждаго куста!
О, юная, лихая жизнь на волѣ,
О, милыя, знакомыя мѣста!

Павловскъ.
1-го іюля 1885.

Умеръ.

Умеръ, бѣдняга! Въ больницѣ военной
Долго родимый лежалъ;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкій недугъ доконалъ....
Рано его отъ семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно перомъ описать!
Съ невыразимой тоскою во взорѣ
Мужа жена обняла;
Полную чашу великаго горя
Рано она испила.
И протянулъ къ нему съ плачемъ рученки
Мальчикъ-малютка грудной....
....Изъ виду скрылись родныя избенки,
Край онъ покинулъ родной.
Въ гвардію былъ онъ назначенъ, въ пѣхоту,
Въ полкъ нашъ по долгомъ пути;
Сдали его въ Государеву роту
Царскую службу нести.
Съ виду пригожій онъ былъ новобранецъ,
Стройный и рослый такой,

Кровь съ молокомъ, во всю щеку румянецъ,
Бойкій, смышленый, живой;
Съ еле замѣтнымъ пушкомъ надъ губами,
Съ честнымъ открытымъ лицомъ,
Волосомъ русъ, съ голубыми глазами,
Ну молодецъ молодцомъ.
Былъ у ефрейтора онъ на порукѣ,
Къ участи новой привыкъ,
Приноровился къ военной наукѣ,
Смѣтливый былъ ученикъ.
Старымъ его ужь считали солдатомъ,
Сталъ онъ любимцемъ полка;
Въ этомъ Измайловцѣ щеголеватомъ
Кто бы узналъ мужика!
Онъ безупречно во всякомъ нарядѣ
Службу свою отбывалъ,
А по стрѣльбѣ скоро въ первомъ разрядѣ
Ротный его записалъ.
Мы бы въ учебной командѣ зимою
Стали его обучать,
И подготовленный, онъ бы весною
Въ роту вернулся опять;
Славнымъ со временемъ былъ бы онъ взводнымъ...
Но не сбылись тѣ мечты!
....Кончились лагери; вѣтромъ холоднымъ
Желтые сдуло листы,

Сѣрый спустился туманъ на столицу,
Льются дожди безъ конца....
Въ осень ненастную сдали въ больницу
Нашего мы молодца.
Таялъ онъ, словно свѣча, по немногу
Въ нашемъ суровомъ краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдалъ онъ душу свою.
Умеръ вдали отъ родного селенья,
Умеръ въ разлукѣ съ семьей,
Безъ материнскаго благословенья
Этотъ солдатъ молодой.
Ласковой, нѣжной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полкъ о кончинѣ его извѣстили, —
Хлопоты съ мертвымъ пошли:
Въ старый одѣли мундиръ, положили
Въ гробъ и въ часовню снесли.
Къ выносу тѣла къ военной больницѣ
Взводъ былъ отъ насъ наряженъ....
По небу тучи неслись вереницей
Въ утро его похоронъ;
Выла и плакала снѣжная вьюга
Съ жалобнымъ воплемъ такимъ,

Плача объ участи нашего друга,
Словно рыдая надъ нимъ!
Вынесли гробъ; привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Ихъ потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтобъ до угла хоть дойти:
Взводу до перваго лишь поворота
Надо за гробомъ идти.
Дрогамъ во слѣдъ мы глядѣли, глядѣли
Долго съ печалью нѣмой....
Перекрестилися, шапки надѣли
И воротились домой....
Люди чужіе солдата зароютъ
Въ мерзлой землѣ глубокò,
Тамъ, за заставой, гдѣ вѣтры лишь воютъ,
Гдѣ-то въ глуши далекò.
Спи же, товарищъ ты нашъ, одиноко!
Спи же, покойся себѣ
Въ этой могилкѣ сырой и глубокой!
Вѣчная память тебѣ!

Мыза Смерди.
22-го августа 1885.

НОВЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

Третье изданіе

1886—1888.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1886.

* *
*

Когда, провидя близкую разлуку,
Душа болитъ унынъемъ и тоской,
Я говорю, тебѣ сжимая руку:
Христосъ съ тобой!

Когда въ избыткѣ счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебѣ я повторяю снова:
Христосъ съ тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владѣютъ робкою душой,
Тогда тебѣ твержу я въ утѣшенье:
Христосъ съ тобой!

Любя, надѣясь, кротко и смиренно
Свершай, о, другъ, ты этотъ путь земной
И вѣруй, что всегда и неизмѣнно
Христосъ съ тобой!

С.-Петербургъ.
7-го января.

* *
*

Ужь скоро стаетъ снѣгъ, и понесутся льдины*)
Вдоль по теченію освобожденныхъ струй,
И вновь слетитъ весна въ расцвѣтшія долины
И подаритъ землѣ свой первый поцѣлуй.
А перелетныхъ птицъ ликующая стая
Вернется поглядѣть на вешніе цвѣты,
И солнце загоритъ, восторженно блистая,
Надъ этимъ праздникомъ чудесной красоты.

Какъ много свѣжести, тепла, благоуханья,
Какъ много свѣта намъ несетъ съ собой весна!
Какъ много счастья въ ней, любви, очарованья!
Какъ упоительна, какъ хороша она!

Но всѣмъ ли принесетъ она однѣ услады,
Одно веселіе, надежды и цвѣты?
Но всѣ ли будемъ мы такъ искренно ей рады,
И сбудутся ли всѣ завѣтныя мечты?
Когда дары своей кошницы благовонной
Рукою щедрою посыплетъ намъ весна,

---

*) Написано къ состязанію „Измайловскихъ Досуговъ“ на тему стихотворенія А. Н. Майкова:

„Надъ необъятною пустыней океана“.

Быть можетъ, кто-нибудь найдется обдѣленный
И не замѣченный? Бездольнаго она
Своими теплыми не озаритъ лучами,
Ему плѣнительной улыбки не пошлетъ
И, осыпая міръ душистыми цвѣтами,
Вдаль отъ забытаго направитъ свой полетъ.
Быть можетъ, какъ мечта, какъ звукъ неуловимый,
Какъ лучезарный сонъ, безпечна, молода,
Въ избыткѣ юности она промчится мимо,
Не вѣдая его!
О, пусть же и тогда
Не молвитъ онъ во слѣдъ ей злобнаго укора,
И, горькую печаль глубоко затая,
Пусть не кидаетъ онъ завистливаго взора
Ея избранникамъ и баловнямъ ея.
О, пусть не выдаетъ души своей страданья
Онъ ни единою напрасною слезой,
Чтобъ не смутить ничѣмъ все это ликованье
И радость, и восторгъ, навѣянный весной.

С.-Петербургъ.
30-го апрѣля.

* *
*

Помнишь ли ты, какъ бродили мы по̀ полю
Въ жаркій, безоблачный день?
Къ стройному сѣли съ тобою мы тополю
Рядомъ, въ душистую тѣнь.

Помнишь, смѣясь, я твои слушалъ жалобы
На утомленье и зной;
Ты говорила, что вѣкъ отдыхала бы
Здѣсь, въ этой травкѣ густой.

Строгими я отвѣчалъ наставленьями:
„По̀ полю праздно бродить
„Легче, чѣмъ съ горемъ, съ бѣдой, съ огорченьями
„Жизнь трудовую прожить“.

Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею, —
Намъ ихъ вернуть не дано!
Поле теперь колосится пшеницею,
Тополь нашъ срубленъ давно.

Солнце тебя не пугаетъ горючее,
Ты не устанешь въ пути:
Ты терпѣливо глубокое, жгучее
Горе умѣешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Передъ которымъ давно задрожало бы
Слабое сердце мое.

О, подѣлись этой волею гордою,
Мужествомъ этимъ со мной,
Чтобы пройти я могъ поступью твердою
Поприще жизни земной.

Если жь смутятъ меня міра бездушнаго
Горе, бѣда и напасть,
То пристыди ты меня малодушнаго,
Духомъ готоваго пасть.

Павловскъ.
Сентябрь.

Молитва.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердца біеньемъ.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердую волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловскъ.
4-го сентября.

* *
*

Когда съ зарей надъ сонною землею
Забрежжитъ лучъ небеснаго огня,
Я начинаю новый день мольбою:
Благослови меня!

Лишь только вечеръ, тихо догорая,
Подернетъ сумракомъ сіянье дня,
Я говорю тебѣ, о, дорогая:
Благослови меня!

И если знаешь ты, мой ангелъ милый,
Какъ дорога молитва мнѣ твоя,
То и всегда, всю жизнь и до могилы
Благословляй меня!

Павловскъ.
4-го сентября.

* *
*

Садикъ запущенный, садикъ заглохшій;
Старенькій, сѣренькій домъ;
Дворикъ заросшій, прудокъ пересохшій;
Ветхія службы кругомъ.

Нѣсколько шаткихъ ступеней крылечка,
Стекла цвѣтныя въ дверяхъ;
Лавки вдоль стѣнъ, изразцовая печка
Въ низенькихъ, темныхъ сѣняхъ;

Въ комнатѣ стулья съ обивкой сафьянной,
Образъ съ лампадой въ углу,
Книги на полкахъ, каминъ, фортепьяно,
Мягкій коверъ на полу....

Въ комнатѣ этой и зиму, и лѣто
Столько цвѣтовъ на окнѣ....
Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
Какъ это дорого мнѣ!

Юныя грезы! Счастливыя встрѣчи
Въ полѣ и въ мракѣ лѣсномъ....
Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
Рядомъ, за чайнымъ столомъ....

Годы минувшіе, лучшіе годы,
Чуждые смутъ и тревогъ!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголокъ!

Нынѣ жь одно только на̀ сердцѣ бремя
Незамѣнимыхъ потерь....
Гдѣ это доброе старое время?
Гдѣ это счастье теперь?

Павловскъ.
13-го сентября.

* *
*

Пронеслись мимолетныя грезы!
Беззаботные минули дни!
— Словно осенью листья березы,
Незамѣтно умчались они.

Все, что̀ горькаго въ прошломъ прожито
Наболѣвшей душою моей,
Хоть на мигъ было мной позабыто
Среди этихъ безоблачныхъ дней....

Но конецъ пышноцвѣтному лѣту,
Ужь грозитъ намъ сѣдая зима,
И на смѣну и зною, и свѣту
Наступаютъ и стужа, и тьма.

Принимайся жь опять за работу
И за подвигъ берись трудовой:
Будь готовъ и печаль, и заботу
Снова встрѣтить отважной душой.

Павловскъ.
2-го сентября.

Розы*).

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури, —
Безпечны были мы съ тобой.
Для насъ цвѣты благоухали,
Луна сіяла только намъ,
Лишь мнѣ съ тобою по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
— Въ тѣ беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!

То время минуло давно....
— Извѣдавъ бѣды и печали,
Мы много скорби повстрѣчали;
Но унывать, мой другъ, грѣшно:
Взгляни, какъ Божій міръ прекрасенъ;
Небесный сводъ глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ зеленъ и душистъ,

*) Написано къ состязанію „Измайловскихъ Досуговъ“ на тему изъ Стихотвореній въ прозѣ И. С. Тургенева:
„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!“

И теплый день и тихъ, и ясенъ
Пахнулъ въ растворенную дверь;
Въ цвѣтахъ росы сіяютъ слезы....
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!

За все, что̀ выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшія долины
Слетитъ счастливая весна;
Засвѣтитъ кроткая луна;
Польется рокотъ соловьиный,
И отдохнемъ мы отъ труда,
Вернутся радости и грезы:
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

С.-Петербургъ.
9-го декабря.

1887.

Колыбельная пѣсенка.

Спи въ колыбели нарядной,
Весь въ кружевахъ и шелку,
Спи, мой сынокъ ненаглядный,
Въ тепломъ своемъ уголку!

Въ тихомъ безмолвіи ночи
Съ образа, въ грусти святой,
Божіей Матери очи
Кротко слѣдятъ за тобой.

Сколько участья во взорѣ
Этихъ печальныхъ очей!
Словно имъ вѣдомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время,
Часъ неизбѣжный пробьетъ;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и заботъ.

Будь же ты вѣренъ преданьямъ
Доброй, простой старины;
Будь же всегда упованьемъ
Нашей родной стороны!

Съ вѣрою твердой, слѣпою
Честно живи ты свой вѣкъ!
Сердцемъ, умомъ и душою
Русскій ты будь человѣкъ!

Пусть тебѣ въ годы сомнѣнья,
Въ пору тревогъ и невзгодъ,
Служитъ примѣромъ терпѣнья
Нашъ православный народъ.

Спи же! Еще не настали
Годы смятеній и бурь!
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь!...

Тускло мерцаетъ лампадка
Передъ иконой святой....
Спи же безпечно и сладко,
Спи, мой сынокъ, дорогой!

С.-Петербургъ.
4-го марта.

На Страстной Недѣлѣ.

Женихъ въ полуночи грядетъ!
Но гдѣ же рабъ Его блаженный,
Кого Онъ бдящаго найдетъ,
И кто съ лампадою возженной
На брачный пиръ войдетъ за Нимъ?
Въ комъ свѣта тьма не поглотила?

О, да исправится, какъ дымъ
Благоуханнаго кадила,
Моя молитва предъ Тобой!
Я съ безутѣшною тоской
Въ слезахъ взираю издалека
И своего не смѣю ока
Возвесть къ чертогу Твоему.
Гдѣ одѣяніе возьму?

О, Боже, просвѣти одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мнѣ надежду
Во дни святыхъ Твоихъ Страстей!
Услышь, Господь, мои моленья
И тайной вечери Твоей,
И всечестнаго омовенья
Прими причастника меня!

Врагамъ не выдамъ тайны я,
Воспомянуть не дамъ Іуду
Тебѣ въ лобзаніи моемъ,
Но за разбойникомъ я буду
Передъ Святымъ Твоимъ крестомъ
Взывать колѣнопреклоненный:
О, помяни, Творецъ вселенной,
Меня во царствіи Твоемъ!

С.-Петербургъ.
Страстная Среда.

Въ альбомъ.

Измученный въ жизни тревоги и золъ,
Опять, моя радость, я душу отвелъ
Съ тобою:

И на сердцѣ вновь и свѣтло, и тепло,
Какъ будто бы жаркое солнце взошло
Весною.

Оно растопило и льды, и снѣга,
И пышно опять запестрѣли луга
Цвѣтами;

И синія блещутъ опять небеса,
Крылатыми вновь огласились лѣса
Пѣвцами....

Спасибо, о, солнце! Спасибо твоимъ
Лучамъ свѣтозарнымъ, лучамъ золотымъ
И зною!

Тебѣ жь, моя радость, сказать я пришелъ
Спасибо за то, что я душу отвелъ
Съ тобою!

Павловскъ.
10-го августа.

* *
*

Озеро свѣтлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Надъ голубою волной!

О, еслибъ сердце тревожное, бурное
Такъ же могло быть свѣтло,
Какъ это озеро въ утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафенъ.
27-го сентября.

* *
*

Твоей любуясь красотой
И взоромъ ласково-стыдливымъ,
Пять свѣтлыхъ дней провелъ съ тобой
Я въ упоеніи счастливомъ.

Прошли тѣ радостные дни,
Какъ все проходитъ въ мірѣ этомъ,
Но вѣрь, не могутъ быть они
Забыты любящимъ поэтомъ.

Твой образъ въ памяти моей
Запечатлѣлся такъ глубоко,
Что — вѣрь мнѣ — послѣ многихъ дней,
Скитаясь долго и далеко,

Его я вспомню! И опять,
Какъ звѣзды неба въ мракѣ ночи,
Твои задумчивыя очи
Мнѣ будутъ издали сіять.

Шверинъ.
10-го октября.

Послѣ грозы.

Громъ затихъ. Умчались тучи,
Бурю вѣтромъ унесло;
Снова блещетъ полдень жгучій,
Въ небѣ ясно и свѣтло:

Въ садъ скорѣе! Потѣнистѣй
Мы дорожку изберемъ;
Зелень здѣсь еще душистѣй,
Теплымъ вспрыснута дождемъ.

Хорошо намъ здѣсь на волѣ,
И такъ дышится легко!
Посмотри, какъ это поле
Разостлалось широко!

Здѣсь зеленый всходитъ колосъ
Средь раздольной ширины....
Слышишь: жаворонка голосъ
Льется съ синей вышины.

Въ той дали голубоватой
Ослѣпленный тонетъ взоръ....
Такъ и тянетъ насъ куда-то
Въ тотъ заманчивый просторъ!

Альтенбургъ.
16-го октября.

Колокола.

Несется благовѣстъ...—Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ нашего села
Знакомый благовѣстъ: и ласково, и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола.

Штутгартъ.
20-го октября.

* * *

Ты въ жизни скорби и мученій
Не избалована судьбой,
И много бѣдъ и огорченій
Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
Переносила неизмѣнно
Ты всѣ страданія свои.

Своимъ безропотнымъ терпѣньемъ
Ты скорбь умѣла побороть,
Пріемля все съ благоговѣньемъ,
Что̀ посылалъ тебѣ Господь.

О, вѣрь: сторицею съ годами
Вознаградится этотъ трудъ;
Не всѣ ль, кто сѣяли слезами,
Святою радостью пожнутъ?

Штутгартъ.
25-го октября.

* *
*

Сперва, обуянный гордыней слѣпою,
Себя одного лишь любя,
Твоей не плѣняясь душевной красою,
Цѣнить не умѣлъ я тебя.

Но гордое сердце смирилося нынѣ,
Повязка упала съ очей,
И набожно я поклоняюсь святынѣ
Души несравненной твоей.

Лейпцигъ.
24-го ноября.

* *
*

Когда меня волной холодной
Объемлетъ міра суета,
Звѣздой мнѣ служатъ путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный имъ обѣтъ:
Любовь мнѣ согрѣваетъ душу,
Она — мнѣ жизнь и свѣтъ.

Не зная устали, ни лѣни,
Отважно къ цѣли я святой
Стремлюсь, чтобъ преклонить колѣни
Предъ вѣчной красотой.

Берлинъ.
5-го декабря.

1888.

* * *

Не говори, что къ небесамъ
Твоя молитва недоходна:
Вѣрь, какъ душистый ѳиміамъ,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишнихъ словъ; но всей душою
Старайся съ вѣрой сознавать,
Что слышитъ Онъ, что Онъ съ тобою.

Что̀ для Него слова? О чемъ,
Счастливый сердцемъ иль скорбящій,
Ты ни помыслилъ бы, — о томъ
Ужель не вѣдаетъ Всезрящій?

Любовь къ Творцу въ душѣ твоей
Горѣла бъ только неизмѣнно,
Какъ предъ иконою священной
Лампады теплится елей.

С.-Петербургъ.
25-го января.

* *
*

Прошла зима! Не видно снѣга,
Запѣли птицы съ высоты....
Что̀ за чарующая нѣга
Кругомъ разлита! Это ты,
Весны желанная примѣта!
Теченьемъ льдины унесло,
И въ этотъ ясный часъ разсвѣта
Благоуханно и тепло!
Весна! Въ душѣ стихаютъ бури,
Какъ въ небѣ таютъ облака.
Весна! Душа полна лазури,
Какъ эта тихая рѣка.

С.-Петербургъ.
11-го апрѣля.

* *
*

Меня бранятъ, когда жалѣю
Я причиняющихъ печаль
Мнѣ безсердечностью своею;
Меня бранятъ, когда мнѣ жаль
Того, кто въ слабости невольной
Иль въ заблужденьи согрѣшитъ....
Хоть и обидно мнѣ, и больно,
Но пусть никто не говоритъ,
Что сѣмя доброе безсильно
Взойти добромъ; что только зло
На нивѣ жатвою обильной
Намъ въ назиданіе взошло.

Больнѣй внимать такимъ сужденьямъ,
Чѣмъ грусть и скорбь сносить отъ тѣхъ,
Кому мгновеннымъ увлеченьемъ
Случится впасть въ ничтожный грѣхъ.
Не всѣ ль виновны мы во многомъ,
Не всѣ ли братья о Христѣ?
Не всѣ ли грѣшны передъ Богомъ,
За насъ распятымъ на крестѣ?

С.-Петербургъ.
1-го мая.

Поэту *).

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
Что все незримое — лишь сонъ,
Пусть знанья молится кумиру
И лишь науки чтитъ законъ.

Но ты, поэтъ, вѣрь въ жизнь иную:
Тебѣ небесъ открыта дверь;
Вѣрь въ силу творчества живую,
Во все несбыточное вѣрь!

Лишь тѣмъ, что̀ свято, безупречно,
Что̀ полно чистой красоты,
Лишь тѣмъ, что̀ свѣтитъ правдой вѣчной,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.

Любовь — твое да будетъ знанье:
Проникнись ей, и пѣснь твоя
Въ себѣ включитъ и все страданье,
И все блаженство бытія.

С.-Петербургъ.
5-го мая.

*) Написано къ состязанію „Измайловскихъ Досуговъ“.

Сирень.

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манитъ кистями:
О, выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будемъ глазами.

Смотри: гнутся вѣтви всѣ въ пышномъ цвѣту, —
Какъ обильны онѣ и пушисты!
Не долго глядѣть намъ на ихъ красоту
И вдыхать этотъ запахъ душистый.

Весна промелькнетъ словно шаткая тѣнь,
Какъ во снѣ пронесется крылатомъ....
Скорѣй! Наглядимся жь на эту сирень
И упьемся ея ароматомъ.

Красное Село.
6-го іюня.

* *
*

Вчера соловьи голосистые
Запѣли порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во снѣ межъ собой.

Съ зарею встрѣчаясь малиновой,
Другая заря занялась....
Съ тобою за рощей осиновой
Въ полночный мы встрѣтились часъ.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я сладкой объятый истомою
Не могъ любоваться тобой.

Любуясь той ночью единою,
Я молча и млѣлъ, и дрожалъ;
За пѣснью слѣдя соловьиною,
Я тополей запахъ вдыхалъ.

О, вешняя ночь благовонная!
Я понялъ волшебный твой свѣтъ:
Земля, въ это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвѣтъ.

Красное Село.
8-го іюня.

Изъ Сюлли-Прюдомма.

О, еслибъ знали вы, какъ больно
Жить безъ подруги одному,
То къ дому подошли бъ невольно
Вы моему.

И знали бъ вы, что взоромъ сладко
Вамъ утѣшать меня дано,
Вы заглянули бы украдкой
Ко мнѣ въ окно.

Когда бы знали вы, какъ много
Я въ жизни выстрадалъ своей,
Тогда вы сѣли бъ у порога
Моихъ дверей.

А знали бъ вы, что васъ люблю я,
Какъ никому васъ не любить,
Зашли бы, счастье мнѣ даруя,
Вы, можетъ быть.

Красное Село.
14-го іюня.

* * *

На балконѣ, цвѣтущей весною,
Какъ запѣли въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.

Тихій голосъ въ ушахъ раздавался,
Но твоихъ я не слушалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину этихъ мягкихъ очей.

Все, что̀ радостно, чисто, прекрасно,
Что̀ живетъ въ задушевныхъ мечтахъ,
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.

Не могли бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь....
Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтозарная, вешняя ночь!

Красное Село.
15-го іюня.

Въ дождь.

Дождь по листамъ шелеститъ,
Зноемъ томящійся садъ
Жажду теперь утолитъ;
Слаще цвѣтовъ ароматъ.

Другъ, не страшись. Погляди:
Грозъ не боятся цвѣты,
Чуя, какъ эти дожди
Нужны для ихъ красоты.

Съ ними и я не боюсь:
Радость мы встрѣтимъ опять....
Можно ль нашъ тѣсный союзъ
Жизненнымъ грозамъ порвать?

Счастье не полно безъ слезъ;
Небо синѣй изъ-за тучъ, —
Лишь бы блисталъ среди грозъ
Солнышка радостный лучъ.

Красное Село.
4-го іюля.

Лѣтомъ.

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садовъ
Ужь не качались опахала
Благоухающихъ цвѣтовъ.

По длиннымъ жердямъ хмель зеленый
Вился высокою стѣной,
И рдѣли пышные піоны,
Нагнувшись низко надъ травой.

Глядѣлись звѣзды золотыя
Въ струи прозрачныя рѣки,
И словно очи голубыя
Во ржи синѣли васильки.

Мы дождались средины лѣта,
Но вешнихъ дней мнѣ было жаль,
И съ этой радостью расцвѣта
Прокралась въ душу мнѣ печаль.

Лишиться вновь мнѣ страшно стало
Всего, чѣмъ жизнь такъ хороша,
Чего такъ долго сердце ждало,
Чего такъ жаждала душа!

Красное Село.
14-го іюля.

* * *

О, не гляди мнѣ въ глаза такъ пытливо!
Другъ, не заглядывай въ душу мою,
Силясь постигнуть все то, что̀ ревниво,
Робко и бережно въ ней я таю.

Есть непонятныя чувства: словами
Выразить ихъ не сумѣлъ бы языкъ;
Только и властны онѣ такъ надъ нами
Тѣмъ, что ихъ тайну никто не постигъ.

О, не гнѣвись же, когда предъ тобою
Очи потупивъ, уста я сомкну:
Прячетъ и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село.
17-го іюля.

* *
*

Говорятъ мнѣ: „Собою владѣть ты умѣй,
„Научиться пора хладнокровью;
„Надо сдержаннѣй быть; ты не мало людей
„Необдуманной сгубишь любовью....“

Но любовь удержать развѣ вла̀стна душа,
Какъ добычу орелъ въ сильныхъ лапахъ?
Нѣтъ, цвѣтамъ, благовоньемъ весеннимъ дыша,
Не сдержать упоительный запахъ!

Коль любить, такъ безумствуя въ страсти слѣпой,
Въ этомъ бредѣ безсиленъ разсудокъ....
Знать ли солнцу, что имъ съ вышины голубой
Спалена красота незабудокъ?

Красное Село.
19-го іюля.

Въ ночи.

I.

Звѣзды.

Истомленные дня суетою безумной
Къ вамъ, о, свѣточи неба, подъемлемъ мы очи:
Здѣсь внизу на землѣ и тревожно, и шумно, —
Безмятежно и тихо въ безмолвіи ночи.

Какъ вы кротко царите въ торжественномъ блескѣ,
Безтѣлесною вѣчно сіяя красою!
Наша ложь, наша злоба въ неистовомъ плескѣ
Никогда не коснутся васъ мутной волною.

И чѣмъ выше вы, звѣзды, чѣмъ вы недоступнѣй,
Тѣмъ плѣненнымъ слѣдить васъ отраднѣе взоромъ;
Чѣмъ мрачнѣй, чѣмъ ничтожнѣе мы и преступнѣй,
Тѣмъ свѣтлѣй вы и чище огнистымъ узоромъ.

Павловскъ.
15-го августа.

II.

Мѣсяцъ.

Пусть мрачна наша ночь, пусть темно въ дольнемъ мірѣ,
Унывать ли, когда мы полны упованья,
Что всплыветъ величаво въ лазурномъ эѳирѣ
Свѣтлый мѣсяцъ въ чарующей славѣ сіянья.

Лишь прольетъ онъ лучи, въ этотъ мигъ просвѣтлѣнья
Все стихаетъ, что̀ мучитъ, гнететъ и тревожитъ,
И душа, разгораясь, полна умиленья,
И мятежное сердце томиться не можетъ.

О, свѣти же намъ, мѣсяцъ, небеснымъ привѣтомъ,
Чтобы чаще къ тебѣ поднималися очи!
Жизнь яснѣе, твоимъ осіянная свѣтомъ,
Хоть и мраченъ нашъ міръ, хоть темны наши ночи....

Павловскъ.
9-го сентября.

Въ альбомъ.

Что тебѣ на прощанье скажу я?
Предъ разлукой нѣмѣетъ языкъ,
И безмолвный, грустя и тоскуя,
Я опять головою поникъ.

Но, какъ темная ночь, минетъ горе,
Надо жь радости солнцу блеснуть!
Не прощаемся ль мы, чтобы вскорѣ
Повстрѣчаться опять гдѣ-нибудь?

Провожая тебя, въ часъ прощанья
Я промолвлю лишь слово одно:
Это слово мое: до свиданья!
Насъ обоихъ утѣшитъ оно.

Павловскъ.
24-е сентября.

ГЕКЗАМЕТРЫ.

I.

Любо глядѣть на тебя, черноокій привѣтливый отрокъ,
Въ ясное утро, когда ты дискомъ играешь блестящимъ.
Спину согнувъ, опершись въ колѣно лѣвой рукою,
Правою ловко ты кругъ увѣсистый бросишь далеко.
Если жь никто съ тобой не сравнится въ умѣньи, и дискъ твой,
Съ мѣднымъ звономъ въ плиту ударясь, всѣхъ мимо промчится, —
Стройно ты выпрямишь станъ, задорно голову вскинешь,
Кудри встряхнешь и такимъ заразительнымъ смѣхомъ зальешься;
Въ душу твой просится смѣхъ, и думаю я въ восхищеньи:
Какъ хороша ты, о, жизнь! О, юность, какъ ты прекрасна!

Петергофъ.
20-го іюня 1888.

II.

Счастье жь твоимъ голубямъ! Ты снова въ дверяхъ показалась
Съ пестрой корзиной въ рукахъ, зерномъ наполненной крупнымъ.
Всѣ встрепенулись они, всѣ вдругъ надъ тобой закружились,
Близко усѣлись къ тебѣ и, нѣжно ласкаясь, воркуютъ.
Голуби всюду: въ самой корзинѣ надъ лакомымъ кормомъ,
Тѣ на плечахъ у тебя довѣрчиво такъ пріютились,
Эти у ногъ и клюютъ на порогѣ упавшія зерна.
О, не спѣшите вспорхнуть! Побудьте здѣсь, кроткія птицы!
Дайте завидовать мнѣ вашей близости къ дѣвѣ прекрасной,
Дайте хоть издали мнѣ на нее любоваться подолѣ.

Красное Село.
22-го іюня 1888.

III.

Завтра вотъ эти стихи тебѣ показать принесу я.
Сядемъ мы рядомъ; опять разовью завѣтный я свитокъ;
Голову нѣжно ко мнѣ на плечо ты снова приклонишь,
Почеркъ затѣйливый мой на свиткѣ съ трудомъ разбирая.
Съ робостью тайной въ душѣ и трепетомъ сладкимъ объятый,
Взора не смѣя поднять на тебя, притаивши дыханье,
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что̀ въ этихъ стихахъ ты осудишь, и все, что̀ похвалишь.
Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звукъ оттѣнитъ, невольное выдастъ движенье.
Если же все до конца дочитаешь ты безъ запинки,
Въ очи тебѣ загляну я и въ нихъ приговоръ прочитаю.

Ласковой, ясной меня озаришь ты, быть можетъ,
улыбкой....
Мнѣ ль благодарнымъ не быть вдохновенью за
эту улыбку!
О, еслибъ только оно меня осѣняло почаще!

Красное Село.
26-го іюня 1888.

СЕВАСТІАНЪ-МУЧЕНИКЪ.

Строфы.

Посвященіе.

Тебѣ, тебѣ, мой ангелъ нѣжный,
Я посвящаю этотъ трудъ;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтутъ.

Ты мнѣ внушила эти строки,
Онѣ тобой вдохновлены:
Пускай же будутъ въ край далекій
Онѣ къ тебѣ унесены.

И если грудь заноетъ больно
Тоской по нашей сторонѣ,
Пускай тогда онѣ невольно
Тебѣ напомнятъ обо мнѣ.

И пусть хоть тѣмъ тебѣ поможетъ
Тотъ, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не можетъ,
И чья душа полна тобой.

Севастіанъ-Мученикъ.

Претерпѣвый же до конца̀, тóй спасéтся (Матѳ. XXIV, 13).

I.

Въ Римѣ праздникъ. Рыщутъ колесницы,
Топотъ, стукъ колесъ по мостовой,
Ржанье, свистъ бича и крикъ возницы
Въ гулъ слилися. Къ форуму толпой
Повалилъ народъ. Снуютъ носилки,
Пыль клубится облакомъ густымъ;
Фыркаетъ, храпитъ и рвется пылкій
Конь подъ всадникомъ лихимъ.

II.

Въ честь богини зеленью, цвѣтами
Убранъ былъ Венеры пышный храмъ;
Отъ курильницъ синими клубами
Возносился легкій ѳиміамъ.

Въ наготѣ божественнаго тѣла,
Фидія рукою создана,
Въ благовонномъ сумракѣ бѣлѣла
Олимпійская жена.

III.

Совершая жертвоприношенье,
Цезарь самъ стоялъ предъ алтаремъ,
И жрецы въ нѣмомъ благоговѣньѣ
Съ утварью тѣснилися кругомъ.
Всѣ во прахъ повергнулись толпою,
Преклонился самъ Максиміанъ, —
Не поникъ отважной головою
Лишь одинъ Севастіанъ.

IV.

Засверкали цезаревы очи
И зловѣщимъ вспыхнули огнемъ,
Внѣ себя онъ сталъ мрачнѣе ночи
Искаженнымъ яростью лицомъ:
„Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
„Возмущая наше торжество!
„Ты ль, трибунъ мой, дерзкою гордыней
„Оскорбляешь божество!“

V.

И безстрашно, твердо и спокойно
Отвѣчалъ ему Севастіанъ:
„Человѣку, цезарь, недостойно
„Почитать бездушный истуканъ.
„Правды нѣтъ въ твоей безумной вѣрѣ,
„Ваши боги — лживая мечта.
„Не могу я кланяться Венерѣ,
„Исповѣдуя Христа!

VI.

„Онъ — мой Богъ! Его святою кровью
„Грѣшный міръ искупленъ и спасенъ;
„Лишь Ему съ надеждой и любовью
„Я молюсь колѣнопреклоненъ.
„Небеса Онъ создалъ, создалъ землю,
„Создалъ все, что̀ дышитъ и живетъ.
„Лишь Его велѣніямъ я внемлю,
„Онъ мнѣ помощь и оплотъ!“

VII.

Неподвижно, въ трепетномъ молчаньѣ,
Царедворцы робкою толпой

Роковое слушали признанье,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумѣлъ цезарь, злобы полный,
Ярый гнѣвъ уста его сковалъ,
И смятеннымъ ликторамъ безмолвно
Онъ трибуна указалъ.

VIII.

Вмигъ вокругъ него живой стѣною
Ихъ сомкнулись тѣсные ряды;
Повлекли они его съ собою
Въ гору, въ Палатинскіе сады.
Нумидійской цезаревой стражѣ
Сдали тамъ съ рукъ на̀ руки его....
И покорно сталъ отъ злобы вражьей
Онъ конца ждать своего.

IX.

Гаснетъ алый западъ, догорая
Въ небесахъ багряною зарей;
Быстро тѣнь надвинулась густая,
И звѣзда зажглася за звѣздой.
Ужь померкло небо голубое,

Тихо все.... Уснулъ великій Римъ;
И въ нѣмомъ, задумчивомъ покоѣ
Ночь спустилася надъ нимъ.

X.

Ужь во власти тихаго Морфея,
Подъ его чарующимъ крыломъ
Все, въ дремотѣ сладкой цѣпенѣя,
Позабылось безмятежнымъ сномъ.
Лишь къ стволу привязанъ кипариса,
Молодой трибунъ-христіанинъ,
Тамъ, въ саду цвѣтущемъ Адониса,
Въ эту ночь не спитъ одинъ.

XI.

А кругомъ на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожатъ изваянные боги
Рощи Палатинскаго холма;
Сладко въ нихъ цвѣты благоухаютъ,
Водометы плещутъ и журчатъ
И росою свѣжей орошаютъ
Мраморъ царственныхъ палатъ.

XII.

Полночь дышетъ влажною прохладой....
У стѣны на каменномъ полу
Стража крѣпко спитъ подъ колоннадой.
Догорѣвъ, костеръ дымитъ въ углу;
Пламя, вспыхнувъ, озаритъ порою
То карнизъ, то вазу, то плиту,
И кружася, искры надъ золою
Съ трескомъ гаснутъ на лету.

XIII.

И задумчивъ узникъ одинокій,
Кроткихъ глазъ не сводитъ онъ съ костра:
Скоро мракъ разсѣется глубокій,
Минетъ ночь, — не долго до утра.
Заблеститъ востокъ воспламененный,
Брызнутъ солнца первые лучи
И разбудятъ этотъ городъ сонный,
И проснутся палачи.

XIV.

На него они наложатъ руки,
Истерзаютъ молодую грудь,

И настанетъ часъ предсмертной муки,
И оконченъ будетъ жизни путь.
Словно искра, въ мракѣ исчезая,
Тамъ, надъ этимъ тлѣющимъ костромъ,
Жизнь его, какъ утро, молодая
Въ мигъ одинъ угаснетъ въ немъ.

XV.

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даровъ земныхъ ему не жаль,
Не страшитъ его порогъ могилы;
Отчего жь гнететъ его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце въ немъ?
Иль ослабъ онъ бодрою душою
Предъ мучительнымъ концомъ?

XVI.

Не его ли пламеннымъ желаньемъ
Было встрѣтить доблестный конецъ,
Радость вѣчную купить страданьемъ
И стяжать мученія вѣнецъ?
Не мечталъ ли дни онъ молодые
Положить къ подножію Креста

И, какъ тѣ избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

XVII.

Но они не вѣдали печали;
Не въ тиши безмолвной и глухой, —
Посреди арены умирали
Предъ ликующей они толпой.
Нѣтъ, въ душѣ ихъ не было кручины,
Погибать отраднѣй было имъ:
Въ Колизеѣ славной ихъ кончины
Былъ свидѣтель цѣлый Римъ.

XVIII.

Можетъ быть, звучали въ утѣшенье
Имъ слова напутствія друзей,
Ихъ молитвы, ихъ благословенья;
Можетъ быть, межь сотнями очей
Взоръ они знакомый различали
Иль привѣтъ шептавшія уста;
Мужества, дивясь, имъ придавали
Сами недруги Христа.

XIX.

А ему досталась доля злая
Позабытымъ здѣсь, въ глуши нѣмой,
Одиноко, въ мукахъ замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого въ послѣднее мгновенье
Не увидитъ онъ, кто сердцу милъ,
Кто бъ его изъ міра слезъ и тлѣнья
Взоромъ въ вѣчность проводилъ.

XX.

А межь тѣмъ надъ спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно мѣсяцъ блѣднолицый
Ужь плыветъ по выси голубой.
Просіяла полночь; мракъ рѣдѣетъ,
Всюду розлитъ серебристый свѣтъ,
И земля волшебнымъ блескомъ рдѣетъ
Небу чистому въ отвѣтъ.

XXI.

Тамъ бѣлѣетъ храмъ Капитолійскій,
Древній форумъ стелется подъ нимъ;

Здѣсь колонны, арки, обелиски
Облиты сіяньемъ голубымъ;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извилистой каймой
Тибра мутныя струятся волны
За Тарпейскою скалой.

XXII.

И любуясь дивною картиной,
Позабылся узникъ молодой;
Ужь теперь не горемъ, не кручиной, —
Сердце полно сладкой тишиной.
Пріутихло жгучее страданье,
И въ душѣ сомнѣнье улеглось:
Этой ночи кроткое сіянье
Словно въ грудь ему влилось.

XXIII.

Примиренный съ темною судьбою,
Вспоминаетъ онъ былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на сѣверѣ они.
Видитъ онъ зеленыя равнины,
Гдѣ блестятъ сквозь утренній туманъ

Альпъ далекихъ снѣжныя вершины, —
Видитъ свой Медіоланъ,

XXIV.

Видитъ домъ родной съ тѣнистымъ садомъ,
Рощи, гладь прозрачную озеръ
И себя, ребенкомъ малымъ, рядомъ
Съ матерью; ея онъ видитъ взоръ,
На него такъ нѣжно устремленный....
Какъ у ней былъ счастливъ онъ тогда,
Этимъ милымъ взоромъ осѣненный,
Въ тѣ безпечные года!

XXV.

Отъ нея услышалъ онъ впервые
Про Того, Кто въ міръ тоски и слезъ
Намъ любви ученія святыя
И грѣховъ прощеніе принесъ;
Кто подъ знойнымъ небомъ Галилеи
Претерпѣлъ и скорбь, и нищету,
И Кого Пилатъ и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI.

Но года промчалися стрѣлою....
— Дѣтства дней счастливыхъ не вернуть! —
Онъ разстался съ домомъ и семьею,
Передъ нимъ иной открылся путь:
Онъ, покорный долгу, въ легіоны
Подъ знамена бранныя вступилъ
И свой мечъ, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрилъ.

XXVII.

Бой кипѣлъ на западѣ далекомъ:
Тамъ съ врагами Рима воевалъ
Юный вождь. Ревнивымъ цезарь окомъ
На побѣдный лавръ его взиралъ.
Противъ Франковъ, въ войскѣ Константина,
Острыхъ стрѣлъ и копій не страшась,
Севастьянъ и съ нимъ его дружина
Храбро билися не разъ.

XXVIII.

Но и въ грозный часъ кровавой битвы,
Поминая матери завѣтъ,

Благодатной силою молитвы
Соблюдалъ онъ въ сердцѣ миръ и свѣтъ.
Бодрый духъ его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Онъ сносилъ безъ жалобъ, безъ печали
Тягость ратнаго труда.

XXIX.

И властямъ всегда во всемъ послушный,
Онъ жалѣлъ подвластныхъ и щадилъ;
Съ ними онъ, доступный, благодушный,
И печаль, и радости дѣлилъ.
Кто былъ горемъ лютымъ иль несчастьемъ,
Или злой невзгодой удрученъ,
Шелъ къ нему, и всякаго съ участьемъ
Принималъ центуріонъ.

XXX.

И за то съ любовью безпримѣрной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины вѣрной
Онъ не дастъ въ обиду никому,
И вездѣ, изъ всѣхъ центурій стана,
И въ бою, и въ пору мирныхъ дней

Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI.

И привязанъ былъ онъ къ этой сотнѣ
Всѣми силами души своей;
Въ ней послѣднимъ ратникомъ охотнѣй
Былъ бы онъ, чѣмъ первымъ изъ вождей
Всѣхъ когортъ и легіоновъ Рима.
Не желалъ онъ участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбія мечтой.

XXXII.

Въ бранномъ станѣ, въ Галліи далекой
Скромный дорогъ былъ ему удѣлъ,
И его на блескъ и санъ высокій
Промѣнять бы онъ не захотѣлъ.
Почесть съ властью или роскошь съ силой,
Или всѣ сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Замѣнить бы не могли.

XXXIII.

Что̀ людьми зовется верхомъ счастья,
То считалъ тяжелымъ игомъ онъ.
Но увы, непрошенною властью
Слишкомъ рано былъ онъ облеченъ!
О, какою горькою кручиной
Сердце въ немъ исполнилось, когда
Съ этой храброй, доблестной дружиной
Онъ разстался навсегда.

XXXIV.

Никогда доселѣ сердцемъ юнымъ
Ни тщеславенъ не былъ онъ, ни гордъ;
У преторіанцевъ ставъ трибуномъ,
Во главѣ блестящихъ ихъ когортъ,
Онъ остался воиномъ смиреннымъ,
Ни наградъ не ждавшимъ, ни похвалъ,
И горя̀ усердьемъ неизмѣннымъ,
Честно долгъ свой исполнялъ.

XXXV.

Но душѣ его прямой и нѣжной
Чуждъ былъ этотъ гордый, пышный Римъ,

Этотъ Римъ порочный и мятежный,
Съ ханжествомъ, съ безвѣріемъ своимъ
Утопавшій въ нѣгѣ сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этотъ душный Римъ съ подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVI.

Здѣсь, въ тревожной суетной столицѣ,
Окруженъ неправдою и зломъ,
Какъ въ глухой, удушливой темницѣ,
Изнывалъ онъ сердцемъ и умомъ.
Полнъ отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпѣть,
Жаждалъ онъ скорѣй принять мученья
И за вѣру умереть.

XXXVII.

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну,
И настанетъ часъ успокоенья.
Съ упованьемъ глядя въ вышину,
Онъ привѣтъ читаетъ въ блескѣ ночи:
Звѣздъ лучи, пронизывая тьму,

Съ голубыхъ небесъ, какъ Божьи очи,
Свѣтятъ радостно ему.

XXXVIII.

Небо залито лазурью нѣжной,
Закатился мѣсяцъ въ облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь. Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока.... Тьма рѣдѣетъ, —
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его,
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй....
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;
Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;

Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И примчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало,
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньѣ
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать,
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою....
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;

Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею,
И мутилося въ глазахъ.

XLV.

Ужъ сознанье гасло и блѣднѣло,
И молитвъ мѣшалися слова;
На рукахъ безъ чувствъ повисло тѣло,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабыя колѣни....
Въ область тьмы, забвенія и сна
Погрузился духъ.... Земныхъ мученій
Чашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

А честное мученика тѣло,
Брошено руками палачей,
Скоро бъ незарытое истлѣло
Подъ огнемъ полуденныхъ лучей,
Гдѣ-нибудь во рву, иль ямѣ смрадной,
Гдѣ бы хищный звѣрь, въ ночную тьму,
Оглодалъ его, гдѣ бъ коршунъ жадный
Очи выклевалъ ему.

XLVII.

Ужь его отъ дерева поспѣшно
Отвязать мучители хотятъ....
Той порою, плача неутѣшно,
Двѣ жены прокрались тайно въ садъ.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются изъ очей:
Имъ въ отвѣтъ звучатъ однѣ угрозы
Съ бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены имъ дрожащими руками
Сыплютъ деньги.... Шумный споръ возникъ,
Зазвенѣло злато.... Межь стрѣлками
Завязалась драка; слышенъ крикъ....
А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой....

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужъ съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота, —
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньи,
Ожидаетъ цезаря народъ....
Вдругъ раздались клики въ отдаленьи:
„Тише, тише! Онъ идетъ!“

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межь колоннъ по лѣстницѣ крутой.
Изъ дворца идутъ онѣ, какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,

Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,
Рогъ и трубы воздухъ оглашаютъ,
И проходятъ пращники, стрѣлки;
Серебромъ и золотомъ сіяютъ
Стражи цезарской полки.

IV.

Свищутъ флейты, и гремятъ цѣвницы,
Скачетъ шутъ, и вертится плясунъ.
Вотъ пѣвцовъ проходятъ вереницы
И подъ звуки сладкогласныхъ струнъ
Воспѣваютъ въ пѣснѣ величавой
Вѣчный Римъ съ владыками его,
Ихъ полки, увѣнчанные славой,
И знаменъ ихъ торжество.

V.

Звонкихъ лиръ бряцанье заглушаетъ
Грохотъ бубновъ и кимваловъ звонъ.
Горделиво цезарь выступаетъ,
Облеченный въ пурпуръ и виссонъ.
Скиптръ его изъ драгоцѣнной кости
И орломъ украшенъ золотымъ;

Дорогой вѣнецъ на длинной трости
Черный рабъ несетъ надъ нимъ.

VI.

Вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застылъ киѳаръ и гуслей звукъ,
Въ отдаленьи замеръ голосъ трубный,
Все кругомъ недвижно стало вдругъ.
Цѣпенѣя въ ужасѣ безмѣрномъ,
Цезарь глазъ не сводитъ со стѣны,
И къ стѣнѣ той въ страхѣ суевѣрномъ
Взоры всѣхъ устремлены.

VII.

Тамъ въ окнѣ, надъ мраморною аркой,
Между двухъ порфировыхъ колоннъ,
Полосою свѣта залитъ яркой,
Полунагъ, израненъ, изможденъ,
Словно призракъ иль жилецъ загробный,
Отстрадавшій юноша предсталъ.
Красотой небесной, безподобной
Ясный взоръ его сіялъ.

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткій ликъ, исполненный печали,
Выражалъ величье и покой;
Блѣдны были впалыя ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Какъ печать на немъ легла.

IX.

Посреди молчанья гробового
Онъ, вздохнувъ, отверзъ уста свои;
Полилось восторженное слово,
Какъ потока вешнія струи:
„Цезарь! О, возьми меня съ собою!
„Въ Колизеѣ ждетъ тебя народъ....
„Христіанъ замученныхъ тобою
„Кровь на небо вопіетъ.

X.

„Ужь песокъ арены звѣрь взрываетъ....
„Медлишь ты, блѣднѣешь и дрожишь!

„Иль тебя то зрѣлище пугаетъ?
„Что жь смущенъ ты, цезарь, и молчишь?
„Содрогнешься ль ты передъ страданьемъ?
„Иль твой слухъ еще не пріученъ
„Къ дѣтскимъ крикамъ, къ воплямъ и стенаньямъ
„Старцевъ, юношей и женъ?

XI.

„Мало ль ихъ, смерть лютую пріявшихъ!
„Мало ль ихъ, истерзанныхъ тобой!
„Одного изъ тѣхъ перестрадавшихъ
„Нынѣ видишь ты передъ собой.
„Эта грудь — одна сплошная рана,
„Вотъ моя кровавая броня!
„Узнаешь ли ты Севастіана?
„Узнаешь ли ты меня?

XII.

„Но сильнѣй любовь и милосердье
„Жала стрѣлъ убійственныхъ твоихъ:
„Я уходъ, заботу и усердье
„Близъ твоихъ чертоговъ золотыхъ,
„Подъ одною кровлею съ тобою

„Находилъ у праведныхъ людей;
„Я ихъ доброй, ласковой семьею
„Отъ руки спасенъ твоей.

XIII.

„О, какъ тяжко было пробужденье
„Послѣ казни той, когда я ждалъ,
„Что очнуся въ небѣ чрезъ мгновенье,
„Осушивъ страданія фіалъ.
„Но не могъ разстаться я съ землею,
„Исцѣлѣла немощная плоть,
„И ожившимъ, цезарь, предъ тобою
„Мнѣ предстать судилъ Господь.

XIV.

„Страха чуждъ, тебѣ отдавшись въ руки,
„Я пришелъ принять двойной вѣнецъ.
„Претерпѣть опять готовъ я муки
„И отважно встрѣтить свой конецъ.
„Цезарь, тамъ, я слышу.... гибнутъ братья,
„Съ ними смертью пасть хочу одной!
„Къ нимъ иду я кинуться въ объятья, —
„Цезарь! Я иду съ тобой!“

XV.

Недвижимо, притаивъ дыханье,
Какъ волшебнымъ скованные сномъ,
Тѣмъ словамъ, въ томительномъ молчаньѣ,
Всѣ внимали трепетно кругомъ.
Онъ умолкъ, и какъ отъ грезъ очнулся
Цезарь, а за нимъ и весь народъ;
Гордый духъ въ немъ снова встрепенулся
И надъ страхомъ верхъ беретъ.

XVI.

„Надо мной ты смѣешь издѣваться,
„Или мнишь, что кары ты избѣгъ!
„Червь со львомъ дерзаетъ ли тягаться,
„Или съ Зевсомъ смертный человѣкъ?
„Испытай же гордой головою,
„Что мой гнѣвъ громовъ небесъ грознѣй,
„И что казнь, придуманная мною,
„Когтя львинаго страшнѣй!

XVII.

„Пусть истрачены тѣ стрѣлы даромъ.
„Но палачъ мой справится съ тобой:

„Подъ тяжелымъ палицы ударомъ
„Размозжится жалкій черепъ твой.
„И погибнешь — міру въ назиданье —
„Ты за то, что велъ безумный споръ
„Съ тѣмъ, кто власть свою могучей дланью
„Надъ вселенною простеръ!“

XVIII.

Онъ шагнулъ впередъ; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
Въ колоннадахъ снова пѣснь раздалась,
Свищутъ флейты, и гудитъ труба,
Плясуны вновь пляшутъ по ступенямъ,
Вновь грохочутъ бубны и кимвалъ,
И вдоль лѣстницъ съ кликами и пѣньемъ
Лязгъ оружья зазвучалъ.

XIX.

Но въ послѣдній разъ борца Христова
Съ вышины послышались слова, —
И мгновенно все умолкло снова,
Какъ объято силой волшебства.
Надъ нѣмой, смятенною толпою
Словно съ неба слово то гремитъ

И ее, какъ Божьею грозою
Разражаяся, громитъ:

XX.

„Ты ужели страхомъ новой казни
„Возмечталъ слугу Христа смутить?
„Воинъ твой, о, цезарь, чуждъ боязни,
„Казнь одну успѣлъ я пережить, —
„Вѣрь! Приму вторую также смѣло,
„Умирая съ радостью святой:
„Погубить ты властенъ это тѣло,
„Но не духъ безсмертный мой.

XXI.

„О, Господь, простившій Іудеямъ,
„На крестѣ ихъ злобою распятъ,
„Отпусти, прости моимъ злодѣямъ:
„И они не знаютъ, что̀ творятъ.
„Пусть Христовой вѣры сѣменами
„Въ глубинѣ поляжемъ мы земли,
„Чтобъ побѣги вѣры той съ годами
„Мощнымъ деревомъ взошли.

XXII.

„Вѣрю я! Ужь время недалеко:
„Зла и лжи съ земли сбѣгаетъ тѣнь,
„Небеса зардѣлися съ востока, —
„Близокъ, близокъ правды яркій день!
„Ужь вдали стекаются дружины,
„Юный вождь свою сбираетъ рать,
„И ничѣмъ полетъ его орлиный
„Вы не можете сдержать.

XXIII.

„Константинъ — тотъ вождь непобѣдимый!
„Онъ возстанетъ Божіимъ посломъ,
„Онъ возстанетъ, Промысломъ хранимый,
„Укрѣпленный Господомъ Христомъ.
„Вижу я: въ рукѣ его державной
„Стягъ, крестомъ увѣнчанный, горитъ,
„И боговъ онъ вашихъ въ битвѣ славной
„Этимъ стягомъ побѣдитъ.

XXIV.

„Тьму неправды властно расторгая,
„Словно солнце пламенной зарей,

„Засіяютъ истина святая
„И любовь надъ грѣшною землей.
„И тогда, въ день радости и мира,
„Осѣнятся знаменьемъ креста
„И воспрянутъ всѣ народы міра,
„Славя Господа Христа!“

Павловскъ.
22-го августа 1887.

ПОСЛАНІЯ.

На совершеннолѣтіе В. К. А. М.

Что корабль подъ всѣми парусами,
Гавань тихую забывъ,
Уносимый буйными вѣтрами
Мчится смѣлъ и горделивъ
Въ голубомъ потѣшиться просторѣ
Съ прихотливою волной,—
Ты стремишься въ жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
Въ добрый часъ! Не бойся урагана,
Передъ бурей не робѣй,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивыхъ зыбей!
Смѣлымъ Богъ владѣетъ: полонъ силы,
Полнъ отваги юной будь,
Не бросай надежнаго кормила
И держи прямѣе путь.
Чистъ душой стремись неустрашимо
Полонъ вѣры въ подвигъ свой
И борись, борись неутомимо
Съ бурной жизненной волной!

С.-Петербургъ.
1-го апрѣля 1886.

А. Н. Майкову,

въ отвѣтъ на его письмо съ новыми стихотвореніями.

Опять твое раздалось пѣнье,
Опять звучитъ намъ пѣснь твоя!
Къ ней, очарованъ, въ восхищеньѣ
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призывъ,
И, словно крылья расправляя,
Вмигъ встрепенувшись и оживъ,

Душа и просится, и рвется
Въ тѣ неземныя высоты,
Откуда голосъ твой несется,
Туда, откуда манишь ты.

О, пой намъ! Пой не умолкая
Съ той высоты, чтобъ и опять
Я въ этой дивной пѣснѣ рая
Могъ вдохновенье почерпать.

С.-Петербургъ.
23-го февраля 1887.

А. А. Фету.

Отважно пройдена дорога,
И цѣль достигнута тобой:
Ты, вѣря въ доброе и въ Бога,
Свершилъ высокій подвигъ свой.

И нынѣ слѣдомъ за тобою
Пуститься въ путь дерзаю я;
Пусть путеводною звѣздою
Сіяетъ вѣра мнѣ твоя.

А ты, испытанный годами,
Не унывающій боецъ,
Ты, убѣленный сѣдинами,
Вѣнчанный славою пѣвецъ,

Меня, взрощеннаго судьбою
Въ цвѣтахъ и счастьѣ, и любви,
Своей дряхлѣющей рукою
На трудный путь благослови.

С.-Петербургъ.
29-го марта 1887.

Я. П. Полонскому,

на пятидесятилѣтіе его писательской дѣятельности.

10-го апрѣля 1887.

Незабвенныхъ поэтовъ безсмертную лиру
Унаслѣдовалъ ты, о, пѣвецъ!
Ты ревниво и свято сберегъ ее міру
И стяжалъ себѣ славы вѣнецъ.

Въ чуткихъ струнахъ будила волшебные звуки
Вдохновенная пѣсня твоя,
То врачуя сердецъ сокровенныя муки,
То веселье и радость лія.

Лишь во имя того, что̀ свѣтло и правдиво,
Что̀ волнуетъ восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпѣливо
Свой тернистый прокладывалъ путь.

И за то, что завѣтъ тѣхъ пѣвцовъ незабвенныхъ
Ты исполнилъ, трудясь и любя,
Никогда въ пѣснопѣньяхъ твоихъ вдохновенныхъ
Не забудетъ отчизна тебя.

С.-Петербургъ.

На смерть Г. А. А. М.

Одной прекрасною душою
Межь нами менѣе опять, —
Она разсталася съ землею,
Чтобы безсмертіе пріять.

Она изъ міра слезъ и тлѣнья
Переселилася туда,
Гдѣ ждетъ ее упокоенье
Отъ многой скорби и труда.

Но въ небесахъ не позабудетъ
Она земной юдоли сей:
За насъ, горюющихъ по ней,
Она молитвенницей будетъ.

Сарагосса.
31-го октября 1887.

Вдовцу.

Блескъ и сіянье смѣнило ненастье,
Осень сгубила всѣ наши цвѣты....
Гдѣ твое первое, свѣтлое счастье?
Гдѣ молодыя мечты?

Горе подкралось съ той грозною тучей:
Льются дожди, — льются слезы твои;
Ихъ проливаешь струею горючей
Ты о погибшей любви.

Плачь и рыдай, и печалься, и сѣтуй!
Но да не молвятъ хуленій уста;
Съ вѣрой изъ мрака стремися ты къ свѣту,
Бремя подъемля креста.

Минетъ зима.... И цвѣты, и сіянье
Съ юной весною увидишь ты вновь:
Вѣрь же въ грядущую радость свиданья!
Вѣрь, что воскреснетъ любовь!

Штадтгагенъ.
23-го ноября 1887.

И. А. Гончарову.

Вѣнчанный славою нетлѣнной,
Безсмертныхъ образовъ творецъ!
Къ тебѣ приблизиться смиренно
Дерзалъ неопытный поэтъ.

Ты на него взглянулъ безъ гнѣва,
Своимъ величьемъ не гордясь,
И звукамъ робкаго напѣва
Внималъ задумчиво не разъ.

Когда жь бывали пѣсни спѣты,
Его ты кротко поучалъ;
Ему художества завѣты
И тайны вѣчныя вѣщалъ.

И объ одномъ лишь въ умиленьѣ
Онъ нынѣ проситъ у тебя:
Прими его благодаренье,
Благословляя и любя!

Гатчина.
31-го декабря 1887.

А. Н. Майкову.

на пятидесятилѣтіе его писательской дѣятельности.

30-го апрѣля 1888.

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни вѣтреной въ угоду
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ,
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

Ты пѣлъ въ теченіе полвѣка,
Безсмертья лаврами увитъ,
Ту пѣснь, что̀ душу человѣка
И возвышаетъ, и живитъ.

О, еслибъ струны эти пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ!

С.-Петербургъ.

Жениху.

Ты томился всю ночь до разсвѣта,
Погруженный въ тревожные сны;
Долго, долго прождалъ ты расцвѣта
И улыбки душистой весны.

Но насталъ этотъ день свѣтозарный,
Солнце счастья взошло надъ тобой,
И за яркость весны благодарный
Просіялъ ты расцвѣтшей душой.

Весь въ лучахъ, въ этотъ мигъ просвѣтлѣнья.
Въ ослѣпительномъ блескѣ зари
Ту, чья жизнь — лишь твоей отраженье,
Ты любовью своей озари,

Чтобъ на ней все яснѣе и жарче
Разгорался твой радостный свѣтъ,
Чтобъ любви все пышнѣе и ярче
Распускался плѣнительный цвѣтъ!

С.-Петербургъ.
30-го октября 1888.

ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЖИЗНИ.

Въ дежурной палаткѣ.

I.

Гаснетъ день. Я сижу подъ палаткою
И гляжу, какъ гряды облаковъ
Мчатся тѣнью прозрачной и шаткою
Надъ зеленымъ просторомъ луговъ.

Пріутихли бесѣды веселыя;
Вечеръ.... Всѣ разбрелись на покой;
Только поступью ровной, тяжелою
Ходитъ взадъ и впередъ часовой.

И легко, и привольно такъ дышится
Послѣ долгаго, знойнаго дня;
Гдѣ-то пѣсня солдатская слышится....

И сижу я одинъ безъ огня....
Тихо пологъ палатки колышится,
Сладкій сонъ обвѣваетъ меня....

Красное Село.
14-го іюля 1886.

II.

Снова дежурю я въ этой палаткѣ;
Ходитъ, какъ въ прежніе дни, часовой
Взадъ и впередъ по песчаной площадкѣ....
Стелется зелень луговъ предо мной.
Здѣсь далеки мы отъ шумнаго свѣта,
Здѣсь мы не знаемъ тревожныхъ заботъ.
Жизнь наша рвеньемъ горячимъ согрѣта,
Каждый здѣсь царскую службу несетъ.

* *
*

Вотъ отчего мнѣ такъ милы и любы
Эти стоянки подъ Краснымъ Селомъ,
Говоръ солдатскій веселый и грубый,
Шопотъ кудрявыхъ березокъ кругомъ,
Эта укромная наша палатка,
Этотъ широкій просторъ луговой....
Въ лагерной жизни труда и порядка
Я молодѣю и крѣпну душой!

Красное Село.
31-го мая 1888.

12-е октября 1886.

Вся семья сошлася полковая,
Привелось опять собраться намъ,
И опять братина круговая
Заходила по рукамъ.

Пьемъ мы и за Русскую Державу,
И за здравье Государя пьемъ,
И за васъ, сражавшихся на славу
Въ бой подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Выпьемъ же теперь и за солдата,
Осушимъ братину за него,
Пусть и навсегда его булата
Грозно будетъ торжество!

Съ той же доблестью непобѣдимой
Да сразится молодой солдатъ,
Какъ сразились вы неустрашимо
Девять лѣтъ тому назадъ!

С.-Петербургъ.

На 12-е октября 1887.

Въ Измайловской семьѣ изъ круговой братины
Сегодня мнѣ испить не суждено, друзья!
Но вѣрьте, въ этотъ день великой годовщины
И сердцемъ, и душой незримо съ вами я.

Товарищи, не всѣ ль пылаемъ мы любовью
Ко славѣ родины и нашего полка?
Не всѣ ль опять своей пожертвуемъ мы кровью,
Какъ десять лѣтъ назадъ въ окопахъ Дубняка?

Хотя бы крови намъ пролить пришлося рѣки,
Ужель не постоимъ за родину свою?
Да здравствуетъ же полкъ Измайловскій во вѣки,
Да здравствуетъ, сплотясь въ единую семью!

Шверинъ.
7-го октября.

Письмо къ товарищу.

Я за границей... Здѣсь со мной
Любезны, ласковы, радушны, —
И все же хочется домой:
Не по нутру мнѣ западъ душный.
Вдали отъ всѣхъ заботъ и дѣлъ,
Благословляя свой удѣлъ,
Здѣсь можно бъ жизнью наслаждаться;
Но не могу я дня дождаться,
Когда вернусь отсюда къ вамъ,
Къ занятьямъ, службѣ и трудамъ.
Скитаясь по чужому краю,
Я отъ бездѣлія скучаю.
Мнѣ роты здѣсь недостаетъ,
Недостаетъ полка родного....

Когда жь желанный день придетъ,
Когда я въ ротѣ буду снова,
Кто встрѣтитъ съ рапортомъ меня?
Жильцовъ ли дюжій, краснощекій,
Иль ваша слабость и моя,
Самъ Добровольскій черноокій,

Невозмутимый малороссъ,
Несообщительный, безмолвный,
Чей нравъ, противорѣчій полный,
Для насъ загадочный вопросъ?
Или Якимовъ бородатый,
Неповоротливый толстякъ?
Иль молодецъ щеголеватый
Лихой воинственный Ермакъ
Съ коронацьонною медалью
И штуцерами на часахъ!
Или Рябининъ мой съ печалью
Въ большихъ задумчивыхъ глазахъ,
Съ лицомъ разумнымъ и красивымъ,
Сперва считавшійся лѣнивымъ,
Теперь же — воинъ хоть куда,
Исправный, ревностный всегда,
Кого „ефрейторомъ гвардейскимъ“
За длинный ростъ зовутъ въ рядахъ?
Иль Фрайфельдъ съ нѣсколько еврейскимъ
Оттѣнкомъ въ рѣчи и чертахъ?

Въ ноябрьскій день холодный, мрачный
Въ казармѣ снова буду я.
Андрей Никитичъ Сагайдачный,
Цѣпочкой штуцерной звеня,
Засуетится въ коридорѣ

И въ безконечномъ разговорѣ
Подробно станетъ излагать
Свое фельдфебельское мнѣнье
О томъ, что надобно пригнать
Мундиры въ первомъ отдѣленьѣ;
Разскажетъ мнѣ, какъ дорога
Цѣна на сѣно и капусту,
И то, какъ командиръ полка
Нашелъ, что не довольно густо
Былъ сваренъ въ пятницу горохъ,
Что писарь мой по строю плохъ,
И что почаще на ученье
Портныхъ бы надо выводить.
Онъ это все въ одно мгновенье
Мнѣ не упуститъ доложить....
. . . . . .
. . . . . .
Пройду въ покой второго взвода.
Тамъ, между оконъ, противъ входа
Святой Георгій на конѣ
Во чрево грознаго дракона
Копье вонзаетъ; та икона
Была устроена при мнѣ
Тому назадъ уже два года,
Когда во всѣ четыре взвода
Мы заводили образа.

Тутъ подлѣ взводнаго направо
Мнѣ попадется на глаза
Ефрейторъ Лейманъ, бойкій, бравый,
Самарскій нѣмецъ-колонистъ;
А рядомъ — вкрадчивъ и рѣчистъ —
Съ всегдашней ясностью во взглядѣ
Мой Краснопѣвцевъ жалонёръ,
Который въ Ѳедровскомъ посадѣ,
Какъ говорятъ, черезъ заборъ
Перелѣзалъ ночной порою,
Чтобъ сливъ поѣсть въ чужомъ саду;
Но мы довѣрчивой душою
Не вѣримъ въ эту клевету,
И въ наступающемъ году
Нашъ Краснопѣвцевъ — будетъ взводный.

И въ третій взводъ направлюсь я.
Тамъ съ виду важный и дородный
Степенный Лапинъ ждетъ меня,
А съ нимъ Бѣлинскій плутоватый
И Захарчукъ молодцоватый,
Усы потуже закрутивъ
И шапку на̀ бокъ заломивъ....
. . . . . .
Теперь въ четвертый взводъ мнѣ съ вами
Еще осталось заглянуть.

Тамъ, широко расправя грудь
И пожирая насъ глазами,
Въ дверяхъ Хрисанѳъ Васильевъ ждетъ.
Съ нимъ на маневрахъ прошлый годъ,
Когда, подъ Павловскимъ редутомъ,
Вблизи Кирхгофской высоты,
Всю ночь служили намъ пріютомъ
Канавы, камни, да кусты,
Лежалъ я рядомъ до разсвѣта.
Ахъ, ночь безоблачная эта
При лунномъ блескѣ, при звѣздахъ,
И боевая обстановка,
И непривычная ночевка
На чистомъ воздухѣ, въ поляхъ
Со взводнымъ унтеръ-офицеромъ,
И холмъ, и кирка, и редутъ
Въ туманѣ тонущіе сѣромъ
Изъ головы моей нейдутъ!
Затѣмъ я буду межь рядами
Искать ефрейтора глазами,
Который шьетъ мнѣ сапоги
Съ остроконечными носками;
Они неловки и узки,
Но право, какъ-то веселѣе
Мнѣ въ этихъ ротныхъ сапогахъ.
А вотъ, сапожника лѣвѣе,

Татаринъ, ростомъ небольшой,
Красивый, дѣльный и смышленный,
Лѣвофланговый отдѣленный,
Тимаевъ бойкій и лихой.
Я помню: какъ-то на привалѣ,
То было въ августѣ, въ началѣ,
Когда, пройдя далекій путь,
Остановились отдохнуть
Мы въ мѣстѣ дикомъ и пустынномъ,
Онъ на арабскомъ языкѣ
Прочелъ мнѣ надпись на старинномъ
Дамаскированномъ клинкѣ.

Зайдя во всѣ покои сряду,
Вездѣ привѣтствуя людей,
За столъ съ бумагами засяду
Я въ канцеляріи моей.
И Павелъ Вальтеръ, писарь ротный,
Всегда опрятный, чистоплотный,
Читавшій Шиллера, едва ль
Не всѣ его стихотворенья
На память знающій, за чтенье
Французской книги Germinal
Чуть не подвергнутый взысканью,
Мнѣ дастъ бумаги подписать;
И выводя и чинъ, и званье,
Своею подписью скрѣплять

Безъ счета рапорты я буду
И кипу свѣдѣній, и груду
Различныхъ списковъ (безъ чего
Нельзя добиться ничего).

. . . . . .

Покончивъ съ этими дѣлами,
Въ казарму двери мы запремъ,
И наконецъ останусь съ вами
Я въ канцеляріи вдвоемъ;
И отводить мы душу будемъ
Въ бесѣдѣ дружеской опять
И дни разлуки позабудемъ.

Вамъ надо будетъ разсказать
Мнѣ обо всемъ, что̀ въ ротѣ нашей
Происходило безъ меня.
Повѣрьте: не въ примѣръ мнѣ краше
Казарма милая моя,
Гдѣ рота ждетъ меня родная,
Всѣхъ здѣшнихъ за́мковъ и палатъ.
Подумайте! Я, какъ солдатъ,
Послѣдній мѣсяцъ доживая
Предъ увольненіемъ въ запасъ,
Считаю, много ль остается
Дней, что̀ еще пробыть придется
Вдали отъ родины, отъ васъ.

Простите! Долгой болтовнею
Я вамъ, быть можетъ, надоѣлъ,
И положить пора предѣлъ
Писанью этому. Но мною
Такъ полновластно овладѣлъ
Наплывъ плѣнительныхъ мечтаній
И дорогихъ воспоминаній
Про наше ротное житье,
Что позабылъ я въ увлеченьѣ,
Какъ много надо вамъ терпѣнья,
Чтобъ дочитать письмо мое.

Альтенбургъ.
15-го октября 1887.

Письмо къ дежурному по полку.

По васъ, товарищи, вздыхаю
Здѣсь на чужбинѣ я опять;
Меня къ родному тянетъ краю,
Безъ службы началъ я скучать,
И надоѣлъ мнѣ путь далекій.
Чтобъ разогнать свою тоску,
Писать я вздумалъ эти строки.
Вы, какъ дежурный по полку,
Порядковъ внутреннихъ блюститель,
Офиціальное лицо
И офицерства представитель,
Мое прочтете письмецо.

Повѣрьте, право съ наслажденьемъ
Я отдежурилъ бы за васъ!
Какимъ плѣнительнымъ мгновеньемъ
Мнѣ представляется тотъ часъ,
Когда на Троицкомъ проспектѣ
Передъ соборомъ полковымъ
Разводъ бываетъ должностнымъ
Въ полнѣйшемъ собранномъ комплектѣ.

„Здорово, братцы!“ крикнетъ имъ
Дежурный. „Здравія желаемъ!“
Въ отвѣтъ они ему вскричатъ.
Толпой зѣвакъ сопровождаемъ,
Пойдетъ вдоль фронта онъ нарядъ
Сличить внимательно съ приказомъ
И ихъ окинуть зоркимъ глазомъ.
Тутъ съ карауломъ полковымъ
Патруль, подчаски, вѣстовые
И въ домъ Гарновскаго ночные,
И рота цѣлая съ однимъ
Изъ офицеровъ помоложе:
Ихъ снарядятъ мгновенно въ путь,
Когда — чего избави Боже! —
Пожаръ случится гдѣ-нибудь.
Всѣ на мѣстахъ; ужь все готово,
Уже часъ роспуска насталъ, —
Идетъ къ разводу генералъ.
Кричитъ и онъ свое „здорово!“
И на начальника привѣтъ
Обычный слышится отвѣтъ.
И противъ каждаго онъ ряда
Найдетъ замѣтить что-нибудь:
Ничто отъ опытнаго взгляда
Его не можетъ ускользнуть.
Тамъ животомъ стоитъ фланговый,

Приклада тотъ не довернулъ,
А этотъ, рослый и здоровый,
Ужь слишкомъ локоть затянулъ;
Одинъ въ шинели неуклюжей,
И не застегнутъ воротникъ,
Другой еще одѣлся хуже, —
Неладно пригнанъ тамъ башлыкъ,
А здѣсь худая рукавица.
Дежурный слушаетъ, дивится,
Какъ ни старался, ни смотрѣлъ,
Какъ ни равнялъ передъ началомъ,
Все кой-чего не доглядѣлъ.
Нѣмой толпой за генераломъ
Идутъ и ротные во слѣдъ,
И батальонный командиры,
Дрожа за старые мундиры,
Заботъ отеческихъ предметъ.
Какъ озабочены ихъ лица,
Какъ безпокоенъ быстрый взглядъ,
Когда погонъ или петлица
Его вниманье обратятъ.
Но все идетъ благополучно:
Нашъ генералъ сегодня тихъ,
И всѣмъ „Спасибо!“ крикнувъ звучно,
Онъ распускаетъ должностныхъ.
Теперь пожарная лишь рота

Еще ждетъ участи своей:
Начальству, видно, не охота
Не поучивъ разстаться съ ней.
И начинается ученье:
Плечомъ заходятъ отдѣленья,
И безъ конца, за рядомъ рядъ,
Шагаетъ рота неуклонно,
Пока двухвзводною колонной
Ее построить не велятъ.
Ужь раздавалося довольно
И на плечо, и ружье вольно,
И поворотъ былъ на бѣгу....
Морозомъ щиплетъ уши больно,
Дежурный зябнетъ на снѣгу.
Но вотъ изъ сомкнутаго строю
Велятъ заняться предъ концомъ
Еще примѣрною пальбою;
И развернувшися бѣгомъ,
Побѣдоносно въ заключенье
Летитъ вся рота на ура.
Вотъ какъ кончается ученье,
Когда обѣдать намъ пора....
И въ офицерское собранье
Теперь дежурный офицеръ
Идетъ поспѣшно, въ упованьѣ
Согрѣться чѣмъ, хоть напримѣръ,

Виномъ иль водкою перцовой.
А между тѣмъ давно въ столовой
Ужь собрался господа:
Для нихъ тактическихъ занятій
Настала злая череда.
Но вмѣсто смѣлыхъ предпріятій
На планахъ мнимой той земли,
Что̀ Скугаревскій съ Энгельгардтомъ
Намъ на бѣду изобрѣли,
Одни закуску предпочли,
Другіе жь тѣшатся бильярдомъ.
Давно бы, кажется, пора
Придти полковнику въ собранье;
Ужь и ему ль не въ наказанье,
Какъ намъ, военная игра?
Но вотъ пришелъ онъ и сурово
Въ холодный танцовальный залъ
Изъ билліардной и столовой
Всѣхъ на занятія позвалъ....
Часы проходятъ вереницей, —
Коротокъ петербургскій день,
И незамѣтно надъ столицей
Ложится зимней ночи тѣнь.
И отъ труда уставъ дневного,
Вкусить и отдыхъ, и покой
Въ дежурной комнатѣ вы снова

Сойдетесь дружною семьей.
Здѣсь, одинокій, на чужбинѣ
Я слышу ваши голоса,
И вижу я: дрова въ каминѣ
Пылаютъ; свѣта полоса
Отъ лампы съ зонтикомъ упала
На столъ, гдѣ каждаго журнала
Мы представителя найдемъ.
Здѣсь, на досугѣ, вечеркомъ
Ведемъ мы тихія бесѣды,
Здѣсь наши радости и бѣды
Мы раздѣляемъ межь собой....

Друзья, унылою душой
Я за границею тоскую....
Въ семью мнѣ хочется родную,
Въ нашъ полкъ, на родину, домой!

Севилья.
5-го ноября 1887.

Уволенъ.

Уволенъ! Отслужена служба солдата,
Пять лѣтъ пронеслись словно день;
По прежнему приметъ родимая хата
Его подъ радушную сѣнь.
Тамъ ждетъ не дождется жена молодая,
Тамъ ждутъ и сынишка, и мать....
Малютка-то выросъ, отца поджидая,
Пожалуй, его не узнать.
Ужь близко теперь: вотъ знакомыя нивы
И рѣчка, и жиденькій мостъ;
Вотъ церковь бѣлѣетъ, и старыя ивы
Склонились на мирный погостъ;
Вотъ избы: все снѣгомъ пушистымъ одѣто,
Овинъ, огороды, гумно,
И трудно повѣрить ему, что все это
Покинуто имъ такъ давно.
Какъ будто вчера лишь съ родной, дорогою
Семьей разлучали его.
Сѣдая старушка дрожащей рукою
Крестила сынка своего;
Вся блѣдная мужу повисла на шею,
Отъ слезъ надрываясь, жена:

Всего лишь два годика прожилъ онъ съ нею,
Ужь съ нимъ разставалась она.
Покойникъ отецъ былъ испытанъ годами,
Суроваго нрава мужикъ,
Но какъ ни крѣпился, — не сладилъ съ слезами,
Прощаясь съ сыномъ, старикъ.
Болѣзненно сердце заныло тоскою
У нашего парня въ груди:
Все счастье, казалось, разбито судьбою,
И горе одно впереди....
Но въ горѣ мужаетъ душа человѣка:
Кто въ жизни бѣдой закаленъ,
Тотъ духомъ сильнѣе. Таковъ ужь отъ вѣка
Намъ Богомъ положенъ законъ.

Солдатомъ онъ сталъ Государевой роты
Въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ;
Сначала скучалъ безъ обычной работы,
Оторванъ отъ сельскихъ трудовъ.
И шумно, и душно казалось въ столицѣ
Ему послѣ тихихъ полей,
Гдѣ росъ на свободѣ онъ вольною птицей
На родинѣ милой своей.
И долго по ней тосковалъ онъ.... Но время
И молодость взяли свое, —
Привыкъ, и слюбилось солдатское бремя
И новое это житье.

Товарищей добрыхъ нашлося довольно,
Такихъ же, какъ онъ, молодцовъ,
Отъ той же отторгнутыхъ жизни привольной,
Отъ женъ, матерей и отцовъ.
Имъ стала второю семьею та рота,
Сроднилъ межъ собою ихъ полкъ,
Одна ихъ связала другъ съ другомъ забота,
И царская служба, и долгъ.
Тотъ долгъ исполняя во всемъ терпѣливо
Не ради похвалъ и наградъ,
Служилъ онъ усердно, исправно, ретиво,
Какъ служитъ нашъ русскій солдатъ.
Веселый и ревностный, бойкій, смышленый
Онъ съ честью носилъ свой мундиръ,
И вышелъ лихой изъ него отдѣленный
И взводный потомъ командиръ.

Идутъ ли походомъ въ дни жаркаго лѣта,
И всѣ пріуныли въ пути,
Онъ бодръ и безпеченъ, хотя бъ на край свѣта
Еще приходилось идти.
Дожди ли надъ лагеремъ нашимъ польются,
Тоску наводя на людей,
Въ палаткѣ его и поютъ, и смѣются,
Хоть вымокли всѣ до костей.
Зимой, въ долгій вечеръ, въ казармѣ толпою
Солдаты его окружатъ;

Товарищамъ книжку прочесть иль простою
Занять ихъ бесѣдой онъ радъ.
Когда жь на покой разбредутся, то волю
Завѣтнымъ мечтамъ онъ даетъ,
Родныхъ вспоминаетъ, ихъ горькую долю
И долго очей не сомкнетъ.

Немного вѣстей приходило оттуда;
Писали, ужь съ годъ, что постомъ
Въ могилу отца уложила простуда,
И не было писемъ потомъ.
Теперь что̀-то сталося съ ними? Быть можетъ,
Ему измѣнила жена?...
И сердце тоска безотчетная гложетъ,
Душа злой кручины полна....
А время летѣло; съ родными свиданья
Ужь близился радостный часъ,
Стрѣлою промчалися дни ожиданья,
И былъ онъ уволенъ въ запасъ.
И вотъ, наконецъ, онъ на родинѣ милой,
Подходитъ къ деревнѣ родной....
Забилося сердце, и духъ захватило,
Отъ радости самъ онъ не свой.
Вотъ съ края деревни знакомая крыша
Привѣтливо манитъ къ себѣ;
Все шибче, земли подъ ногами не слыша,
Бѣжитъ онъ къ родимой избѣ.

И все съ каждымъ шагомъ растетъ нетерпѣнье...
Вотъ, вотъ она, хата его!
Но, что̀ это значитъ? Въ какомъ разрушеньѣ:
Дверь настежъ, внутри — никого;
Повыбиты стекла, свалились ворота....
Но что̀ же жены не видать?
Иль можетъ, нашлась ей какая работа,
А съ ней и сынишка, и мать?
И душу тревожитъ дурная примѣта....
Спросить бы сосѣдей?... Но къ нимъ
Идти онъ боится, страшася отвѣта,
Предчувствіемъ смутнымъ томимъ.
Задами, послушный невѣдомой силѣ,
Онъ къ церкви неспѣшной стопой
Идетъ поклониться отцовской могилѣ
И думаетъ: тою порой
Вернутся родные....
По кладбищу бродитъ
Онъ между могилъ и крестовъ;
Легко на одномъ незнакомомъ находитъ
Онъ надпись изъ нѣсколькихъ словъ.
У самой ограды подъ старой сосною
Отецъ его былъ схороненъ.
И набожно воинъ, крестяся рукою,
Кладетъ за поклономъ поклонъ.

Другихъ два креста та сосна осѣнила
Угрюмою тѣнью своей,
И свѣжая дѣтская чья-то могила
Ютилася тутъ же подъ ней.
Случайнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ невольно
Прочелъ имена онъ, и вдругъ
Въ глазахъ помутилось, грудь сжалась такъ больно,
И выпала шапка изъ рукъ.
Опять, пораженный, какъ грома ударомъ,
Читаетъ тѣ надписи онъ, —
Глаза не ошиблись: на службѣ не даромъ
Онъ грамотѣ былъ обученъ.
И снова не вѣря, онъ снова читаетъ
Все тѣ жь роковыя слова....
Кручина жестокая сердце терзаетъ,
Поникла на грудь голова.
Ему тѣ надгробныя строки сказали,
Что счастье погибло навѣкъ:
Что некому высказать лютой печали,
Что лишній онъ сталъ человѣкъ,
Что тѣхъ, кто такъ дороги были и милы,
Ему не видать никогда,
Что въ мірѣ остались ему лишь могилы,
Лишь горе, да злая нужда....
Садилося солнце; зарею вечерней
Румяный зардѣлъ небосклонъ;

Смеркалось.... Ударили въ церкви къ вечернѣ,
И тихій послышался звонъ.
Лились, замирая вдали, эти звуки,
Какъ зовъ милосердый Того,
Кто далъ человѣку душевныя муки
И въ горѣ утѣшитъ его.

Павловскъ.
10-го сентября 1888.

ТРЕТІЙ СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Второе изданіе

1889—1899.

У БЕРЕГОВЪ.

У озера.

Усталый сынъ земли, въ дни суетныхъ заботъ,
Средь мелочныхъ обидъ и свѣтскаго волненья,
У озера въ лѣсу ищу уединенья.
Не налюбуешься прозрачной гладью водъ:
Въ ней словно тайная есть сила притяженья.
Не оттого ль меня такъ къ озеру влечетъ,
Что отражается въ струяхъ его порою
Вся глубина небесъ нетлѣнною красою —
И звѣздъ полуночныхъ лучистый хороводъ,
И утро ясное румяною зарею,
И свѣтлыхъ облаковъ воздушная семья?
Не оттого ль, что здѣсь, хоть и плѣненъ землею,
Къ далекимъ небесамъ какъ будто ближе я?

Близъ станціи Бѣлой.
5-го октября 1889.

Иматра.

Ревет̀ъ и клокочетъ стремнина сѣдая
И хлещетъ о звонкій гранитъ,
И влагу мятежную, въ бездны свергая,
Алмазною пылью дробитъ.

На берегъ скалистый влечетъ меня снова.
И любо, и страшно за разъ:
Душа замираетъ, не вымолвить слова,
Не свесть очарованныхъ глазъ.

И блескъ, и шипѣнье, и брызги, и грохотъ,
Иная краса каждый мигъ,
И бѣшеный вопль, и неистовый хохотъ
Въ побѣдный сливаются кликъ.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манитъ, и тянетъ къ себѣ
Пучина, гдѣ воды, свирѣпо бушуя,
Кипятъ въ вѣковѣчной борьбѣ.

10-го мая 1890.

У Балтійскаго моря.

I.

Здѣсь не видно цвѣтовъ, темный лѣсъ порѣдѣлъ,
Словно чарамъ земли здѣсь положенъ предѣлъ.
Надъ пустынной, песчаною гранью
Отдаешься здѣсь волнъ обаянью.

Глубь небесная, моря безбрежная даль, —
Развѣ можетъ ничтожная сѐрдца печаль
Обладать просвѣтленной душою
Предъ могучею ширью такою?

Сладко взоромъ тонуть въ глубинѣ голубой,
Вольно дышится, міръ забываешь земной,
Исчезаетъ мгновенное горе,
Какъ та чайка въ лазурномъ просторѣ.

Усть-Нарова.
25-го августа 1890.

II.

Не вчера ли, о, море, вечерней порой
Къ берегамъ ты ласкалось лукавой волной?
Въ аломъ блескѣ зари не вчера ли
Небеса голубыя сіяли?

А сегодня косматой грядою валы,
Въ грозномъ бѣгѣ крутясь у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступъ могучій,
Обгоняя свинцовыя тучи.

Въ битвѣ жизни не такъ ли и ты, человѣкъ,
Терпишь золъ и гоненій мятежный набѣгъ?
Но не вѣчны страданья и бѣды:
Ты дождешься надъ ними побѣды.

Вѣрь, улягутся волны и завтра опять
Будутъ берегъ любовно и нѣжно ласкать,
Просвѣтлѣютъ небесныя дали,
И разсѣются сердца печали.

Вайвара.
28-го августа 1890.

У моря въ Генуѣ.

I.

Предъ этой ширью необъятной,
О, какъ душа восхищена!
Она и грусти непонятной,
И тихой радости полна.

О, слово немощное наше,
Какъ бѣдно ты! И тѣмъ бѣднѣй,
Чѣмъ Божій міръ предъ нами краше,
И чѣмъ мы чувствуемъ живѣй.

Въ тоскѣ, въ томленіи безсилья
Предъ несказа̀нной красотой
Хотѣлось бы расправить крылья
И утонуть въ лазури той.

30-го сентября 1895.

II.

Что̀ за краса! Что̀ за просторъ!
Нѣтъ, море, ты — невыразимо!
Плѣненный утопаетъ взоръ
Въ лазури водъ необозримой.
Гляжу — не нагляжусь.... Твой видъ
Захватываетъ духъ невольно:
Душа и рвется, и горитъ,
Ей какъ-то сладостно и больно.
О, еслибъ можно было ей
Умчаться птицею морскою
Отъ скалъ прибрежныхъ и камнѐй
И слиться съ далью голубою, —
Стряхнувъ и прахъ, и тлѣнъ земли,
И жизни бремя, безъ усилья
Она расправила бы крылья
И утонула въ той далѝ!

1-го октября 1895.

У моря въ Антивари.

Въ ночѝ заливъ уснулъ глубо̀ко,
Надъ нимъ безмолвіе и мракъ;
Лишь какъ недремлющее око,
Далекій свѣтится маякъ.

Морского лона не колышитъ
Дыханье неба. Тишина.
Лишь у прибрежья ровно дышитъ
И съ ночью шепчется волна.

Забудь смятенье жизни трудной,
Глаза усталые закрой,
Усни до утра непробудно
И обрѣти душѣ покой!

12-го іюля 1899.

ВЕСНА И ЛѢТО.

Опять томитъ очарованьемъ
Благоуханная весна,
Опять черемухи дыханьемъ
Ея краса напоена.
Нѣжнозеленою, сквозистой
Одѣлись дымкою лѣса,
Струей повѣяло душистой,
Лаская, грѣютъ небеса.
Мнѣ запахъ милый и знакомый
Былое въ сердцѣ воскресилъ:
Объятый тайною истомой,
Приливъ учуя свѣжихъ силъ,
Дышу черемухи дыханьемъ,
Внимаю жадно соловью,
Весь отдаюсь весны лобзаньямъ
И — очарованный — пою.

Гатчина.
4-го мая 1890.

Улыбка радостная мая
И первой ласточки прилетъ!
Земля цвѣтетъ, благоухая,
И соловей въ саду поетъ.

Его пѣвучей внемля сказкѣ,
Я въ ночь гляжу — не нагляжусь
И словно материнской ласкѣ,
Какъ нѣжный сынъ, ей отдаюсь.

Заря не меркнетъ. Небосвода
Неугасима глубина.
Благодарю, о, мать-природа!
Какъ хороша твоя весна!

Павловскъ.
13-го іюня 1890.

Въ дѣтской.

Крошка, слезы твои такъ и льются ручьемъ
И прозрачнымъ сверкаютъ въ глазахъ жемчугомъ.
Вѣрно, няня тебя въ садъ гулять не ведетъ?
Погляди-ка въ окно: видишь, дождикъ идетъ.
Какъ и ты, словно плачетъ развѣсистый садъ,
Изумрудныя капли на листьяхъ дрожатъ.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь!
Ты головку закинь: я и въ шейку, и въ грудь
Зацѣлую тебя. Слезы въ глазкахъ твоихъ
Голубыхъ не успѣютъ и высохнуть, въ нихъ
Ужь веселье блеснетъ; въ пухлыхъ щечкахъ опять
Будутъ взоръ мой двѣ мягкія ямки плѣнять;
И зальешься ты хохотомъ звонкимъ такимъ,
Что и самъ небосводъ синимъ окомъ своимъ
Засіяетъ тебѣ изъ-за сумрачныхъ тучъ,
И сквозь капли дождя брызнетъ солнышка лучъ.

Павловскъ.
4-го ноября 1889.

Въ разлукѣ.

Въ тѣни дубовъ привѣтливой семьею
Вновь собрались за чайнымъ мы столомъ.
Надъ чашками прозрачною струею
Душистый паръ насъ обдавалъ тепломъ.

Все было здѣсь знакомо и привычно,
Кругомъ всѣ тѣ же милыя черты.
Казалось мнѣ: походкою обычной
Вотъ-вотъ войдешь и сядешь съ нами ты.

Но вспомнилъ я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься къ намъ
Подругою моей голубоокой
За чайный столъ къ развѣсистымъ дубамъ!

Павловскъ.
29-го іюня 1890.

О, какъ люблю я этотъ садъ тѣнистый!
Со мною здѣсь лишь птицы да цвѣты.
Безпечно я вдыхаю воздухъ чистый
Здѣсь, вдалекѣ отъ свѣтской суеты.

Какъ я имъ радъ, пѣвцамъ крылатымъ неба,
Когда, слетясь довѣрчивой семьей,
Клюютъ они порхая крошки хлѣба,
Что̀ любящей имъ сыплю я рукой!

А вы, питомцы сѣвернаго лѣта, —
Цвѣты мои, — я каждаго изъ васъ,
Лишь расцвѣтетъ, улыбкою привѣта
Люблю встрѣчать, счастливый всякій разъ.

О, милый садъ, пріютъ отдохновенья,
Привѣтливой и мирной простоты!
Ты мнѣ даришь часы уединенья, —
Со мною здѣсь лишь птицы да цвѣты.

Красное Село.
19-го іюня 1893.

Родного сѣвера картина:
Полей зеленыхъ предо мной
Необозримая равнина
И церковь Божья надъ рѣкой.

Кругомъ, что̀ ни обнимутъ взоры,
Жилья далеко не видать;
Луга, овраги, лѣсъ да горы,
Просторъ, раздолье, — благодать!

Какъ вѣютъ на̀ сердце цѣлебно
И этотъ миръ, и тишина!
И пѣснью радостно хвалебной
Опять душа моя полна.

Стрѣльна.
25-го мая 1899.

НОЧИ.

Ни звѣздъ, ни луны. Небеса въ облакахъ.
Вѣтеръ замеръ. Въ лѣсу тишина.
Не дрогнётъ ни единый листокъ на вѣтвяхъ.
Эта ночь тайной нѣги полна!

Ни слезъ, ни борьбы, позабытъ міръ земной,
И одна лишь въ душѣ благодать.
Въ упоеньи такъ сладостно съ нѣжной тоской
Этой ночи безмолвной внимать!

Она овладѣла таинственно мной....
Ожидая чего-то, стою....
Полновластная ночь, я одинъ предъ тобой:
О, повѣдай мнѣ тайну свою!

Близъ станціи Бѣлой.
2-го октября 1889.

Ахъ, эта ночь такъ дивно хороша!
Она томитъ и насъ чаруетъ снова....
О, говори: иль не найдется слова,
Чтобъ высказать все, чѣмъ полна душа?

Въ такую ночь нельзя владѣть собой,
Изъ грѹди сердце вырваться готово!...
Нѣтъ, замолчи: что̀ можетъ наше слово
Предъ несказа̀нной прелестью такой?

Красное Село.
5-го іюля 1890.

Ночь. Небеса не усѣяны звѣздами:
Въ свѣтѣ немеркнущемъ тонутъ онѣ.
Чу! Соловьи залилися надъ гнѣздами....
Томно и больно, и трепетно мнѣ....

Вдоволь бы пѣсни наслушаться сладостной,
Взоромъ бы въ небѣ тонуть голубомъ!
Горе забыто душой жизнерадостной:
Ночью ль такой помышлять о земномъ!

Красное Село.
17-го іюля 1890.

Сонеты къ ночи.

I.

Что̀ за краса въ ночѝ благоуханной!
Мечтательно ласкаетъ лунный свѣтъ;
Небесный сводъ, какъ ризой златотканной,
Огнями звѣздъ безчисленныхъ одѣтъ.

О, еслибъ тамъ, въ странѣ обѣтованной,
Гдѣ ни заботъ, ни слезъ, ни горя нѣтъ,
Душѣ расцвѣсть красою первозданной,
Покинувъ міръ страданій, золъ и бѣдъ!

Но можетъ быть, тамъ суждено забвенье
Всего того, чѣмъ въ нѣжномъ умиленьѣ
Здѣсь на землѣ плѣнялася душа?

Нѣтъ, будемъ жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждемъ мы, но жизнь такъ хороша!

Красное Село.
23-го іюля 1890.

II.

За день труда, о, ночь, ты мнѣ награда!
Мой тонетъ взоръ въ безбрежной вышинѣ,
Откуда ты глядишься въ душу мнѣ
Всей красотой нетлѣннаго наряда.

Въ сіяніи твоемъ — что̀ за услада,
И что̀ за миръ въ отрадной тишинѣ!
Я признаю̀ въ сердечной глубинѣ
Власть твоего чарующаго взгляда.

Цари, о, ночь, и властвуй надо мной,
Чтобъ мнѣ забыть о суетѣ земной,
Предъ тайною твоей изнемогая,

И, немощнымъ восхитивъ къ небесамъ,
Окрѣпнувшимъ верни, о, неземная,
Меня землѣ, къ заботамъ и трудамъ!

Контрксевиль.
18-го мая 1892.

III.

Здѣсь, въ тишинѣ задумчиваго сада,
Опять, о, ночь, меня застанешь ты,
И все одной душа полна мечты,
Что я калифъ, а ты — Шехеразада.

Послѣдняя нарушена преграда
Межь міромъ слезъ и дольней суеты
И царствомъ грезъ и горней красоты;
Я твой, о, ночь! Межь нами нѣтъ разлада.

Ты шепчешь мнѣ про таинства небесъ,
И словно я съ лица земли исчезъ,
Отдавшись весь твоей волшебной волѣ.

Калифъ внималъ красавицѣ своей,
Но ты одна мнѣ разсказала болѣ,
Чѣмъ въ тысячу увѣдалъ онъ ночей.

Штадтгагенъ.
11-го іюня 1892.

IV.

Люблю, о, ночь, я погружаться взоромъ
Въ безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Какъ съ вышины
Ласкаешь ты лазоревымъ уборомъ!

Ты такъ свѣтла, что меркнетъ ликъ луны,
Пустыней горнею плывя дозоромъ,
И сонмы звѣздъ блѣднѣющимъ узоромъ
Двойной зари сіяньемъ спалены.

О, нѣжная, прозрачно-голубая!
Гляжу, съ тебя очей не отрывая,
Лицомъ къ лицу предъ тайною твоей.

Дай отъ тебя, о, ночь, мнѣ научиться
Средь дольней тьмы душою становиться,
Какъ ты сама, все чище и свѣтлѣй!

Новгородъ.
21-го іюня 1899.

V.

Нѣтъ, не туда, о, ночь, въ плѣненномъ созерцаньѣ
Взоръ устремляется, гдѣ въ ризѣ золотой,
Въ огняхъ и пурпурѣ сокрылся царь дневной,
Багрянымъ заревомъ пылая на прощанье.

Усталые глаза хотятъ красы иной:
Тамъ, у тебя они найдутъ очарованье,
Гдѣ кротко теплится нетлѣнное сіянье
И млѣетъ ясною и томной синевой.

Отъ рубежа небесъ съ его зарей огнистой
Я очи возвожу къ твоей лазури чистой
И признаю межь насъ таинственный союзъ.

Тебѣ, о, ночь, тебѣ, царицѣ свѣтозарной,
Съ восторгомъ радости, съ молитвой благодарной
Я умиленною душою отдаюсь!

Стрѣльна.
4-го іюля 1899.

ОСЕНЬ.

Не много дней осталося цвѣсти
Красѣ роскошной Божья сада:
Ужь кроткое мнѣ слышится „прости“
Въ печальномъ шумѣ листопада.

И тѣмъ спѣшитъ налюбоваться взоръ,
Чего не погубила осень:
Она сорветъ съ земли ея уборъ,
Щадя лишь хвои мрачныхъ сосенъ.

О, солнце, грѣй! Благоухайте жь мнѣ,
Весной взлелѣянныя розы!
Лишь бы пронесть хоть память о веснѣ
Сквозь ночь и стужу зимней грезы!

Павловскъ.
1-го сентября 1889.

Улыбкою утра пригрѣтые снова,
Въ лѣсную мы прячемся тѣнь.
Казалось, зима разлучить насъ готова, —
Вдругъ теплый одинъ еще день.

Осенней красою любуются взоры,
И радость въ душѣ, и печаль:
Насъ радужно-пестрые тѣшатъ узоры,
И листьевъ опавшихъ намъ жаль.

И сердце о краѣ незримомъ мечтаетъ,
Гдѣ вечеръ не вѣдаетъ тьмы,
Гдѣ осени гу̀бящей лѣто не знаетъ,
И гдѣ не разстанемся мы.

Павловскъ.
21-го сентября 1889.

Ели.

Когда листы, поблекнувъ, облетѣли,
И сномъ зимы забылось все въ лѣсу,
Однѣ лишь вы, задумчивыя ели,
Храните прежнюю красу.

И словно шепчете вы съ тихой грустью:
„Спи, темный лѣсъ! Уснуло все кругомъ;
„Струи ручьевъ, въ живомъ стремленьи къ устью,
„Застыли, скованныя льдомъ;

„Морозъ дохнулъ; метель спугнула стаю
„Жильцовъ твоихъ осиротѣлыхъ гнѣздъ,
„И пѣснь ея къ иному рвется краю,
„Гдѣ ярче блескъ полночныхъ звѣздъ;

„Охваченный дремотой непробудной,
„Ты изнемогъ подъ саваномъ зимы....
„Намъ не вздремнуть: одеждой изумрудной
„Всегда равно плѣняемъ мы.

„Но минутъ дни, и сонъ стряхнувши зимній,
„Ты зацвѣтешь, взломаютъ ледъ ручьи,
„И прилетятъ подъ кровъ гостепріимный
„Пѣвцы крылатые твои.

„Пускай тогда ты юною красою
„Затмишь, о, лѣсъ, печальный нашъ нарядъ:
„Твоихъ вѣтвей объятья насъ отъ зною
„Листвой душистой защитятъ“.

Павловскъ.
21-го октября 1889.

Красу земли сгубилъ жестокій
Къ зимѣ отъ лѣта переходъ,
И полнъ лишь неба сводъ глубокій
Неувядаемыхъ красотъ.

Грустятъ цвѣты въ саду печальномъ,
Имъ ароматомъ не дохнуть;
Но взоръ поднимешь, въ небѣ дальномъ
Все такъ же ярокъ млечный путь.

Здѣсь все такъ тускло и ненастно,
Лѣсовъ осы́пался нарядъ,
А звѣзды неба такъ же ясно
Въ лучахъ немеркнущихъ горятъ.

Пусть влажной мглой и тучъ клубами
Лазурь небесъ заволокло:
Мы знаемъ, тамъ, за облаками,
Всегда и пышно, и свѣтло!

Павловскъ.
27-го октября 1889.

Какъ плѣнительно-тихо въ отцвѣтшихъ поляхъ!
Наша осень полна обаянья:
Сколько прелести въ грустныхъ, безжизненныхъ дняхъ
Этой кроткой поры увяданья!

Воздухъ влаженъ и свѣжъ, облетаютъ листы,
Тучи кроютъ лазурь небосвода,
Безотвѣтно, безропотно блекнутъ цвѣты,
И покорно зимы ждетъ природа.

Не блаженство ли этой внимать тишинѣ,
Гдѣ предъ смертью покорность такая?
Такъ же мирно на вѣки уснуть бы и мнѣ,
Безъ напрасной борьбы угасая!

Павловскъ.
30-го октября 1889.

Зарумянились кленъ и рябина,
Ярче золота кудри березъ,
И безропотно ждетъ георгина,
Что спалитъ ее первый морозъ.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотятъ
И, послѣдніе дни доживая,
Сохраняютъ зеленый нарядъ.

И, пока не навѣяло снѣга
Ледяное дыханье зимы,
Насъ томитъ непонятная нѣга,
И печально любуемся мы.

Но промчалося лѣто съ весною,
Вотъ и осени дни сочтены....
Ахъ, ужь скоро мы съ этой красою
Распростимся до новой весны!

Павловскъ.
Осенью 1897.

Багряный кленъ, лиловый вязъ,
Золотолистая береза....
Какъ больно въ сердце отдалась
Мнѣ красокъ осени угроза!

Природы радужный нарядъ
И блескъ, и роскошь увяданья
Съ покорной грустью говорятъ,
Что ужъ близка пора прощанья,

Прощанья съ лѣтомъ и тепломъ,
И липы блеклыми листами,
Что̀, золотымъ опавъ дождемъ,
Шуршатъ въ аллеѣ подъ ногами,

И съ вашей яркою красой,
Береза, кленъ и вязъ лиловый,
До дней, когда вы жизни новой
Дождетесь новою весной.

Павловскъ.
23-го сентября 1898.

ВЪ СТРОЮ.

Въ дежурной палаткѣ.

I.

Вотъ и опять подъ этой же палаткой
Сижу одинъ, какъ въ прежніе года.
Мнѣ не забыть, о, муза, какъ украдкой,
Незримая, являлась ты сюда!

Лишь только ночь, бывало, въ небѣ ясномъ
Своихъ огней заводитъ хороводъ,
Ужь сердцемъ я, всегда тебѣ подвластнымъ,
Невольно твой угадывалъ приходъ.

Я замиралъ, восторговъ чистыхъ полный
Подъ взоромъ глазъ невидимыхъ твоихъ,
И въ этотъ часъ, таинственно-безмолвный,
Плѣнительный въ душѣ слагался стихъ.

О, еслибы тотъ мигъ учуять снова!
Уже во тьмѣ узоры звѣздъ зажглись.
Все спитъ кругомъ. Душа моя готова.
Я жду тебя.... О, муза, появись!

Красное Село.
5-го іюля 1889.

II.

Ты снова со мною, о, муза моя,
Здѣсь, подъ лагерной этой палаткою;
Вновь пѣсни любимыя слушаю я,
Упиваясь ихъ нѣгою сладкою.

Тѣ пѣсни даютъ постигать красоту,
Гдѣ ее угадать и не чается:
Отъ нихъ, какъ отъ вешнихъ лучей, все въ цвѣту,
Все въ волшебные сны облекается.

Тобой вразумленный, я въ пѣсняхъ твоихъ
Полюбилъ нашу долю солдатскую,
И все, что̀ прекрасно въ ней, вылилось въ стихъ,
Вдохновленный любовію братскою,

И о́бдало новою жизнью меня,
Жизнью полною смысла и рвенія.
Прими жь въ благодарность, о, муза моя,
Этотъ радостный возгласъ хваленія!

Красное Село.
2-го іюня 1890.

Солдатскіе сонеты.

I.

Предъ увольненіемъ.

Въ его глазахъ прочелъ я скорбь нѣмую,
Лишь онъ предсталъ впервые предо мной:
Семью и домъ, и сторону родную
Покинулъ онъ для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пылъ онъ въ долгъ влагаетъ свой.
Усердіе и простоту святую —
Какъ не любить въ солдатѣ всей душой?

И я люблю съ отеческой заботой;
Но сжиться онъ едва успѣетъ съ ротой,
Какъ подойдетъ срокъ выслуженныхъ лѣтъ.

Я съ нимъ дѣлилъ и радости, и горе,
А онъ — печаль въ моемъ прочтетъ ли взорѣ,
Которымъ я взгляну ему во слѣдъ?

Красное Село.
26-го іюля 1890.

II.

Новобранцу.

Теперь ты нашъ. Прости, родная хата,
Прости, семья! Съ военною семьей
Сольешься ты родствомъ меньшого брата,
И свѣтлый путь лежитъ передъ тобой.

Усердіемъ душа твоя богата,
Хоть дремлетъ умъ, объятъ глубокой тьмой;
Но вѣрность, честь, всѣ доблести солдата
Тебѣ внушитъ отнынѣ долгъ святой.

И прежній мракъ уступитъ дня сіянью:
Все доброе, досель въ груди твоей
Дремавшее, пробудится къ сознанью;

Когда жъ придешь къ своимъ, въ просторъ полей,
Не измѣняй высокому призванью
И сѣй добро на родинѣ своей!

Петербургъ.
11-го января 1891.

III.

Часовой.

Взятъ отъ сохи, полей вчерашній житель,
Ты на часахъ сегодня, рядовой,
Недремлющій терпѣнья выразитель,
Неколебимъ, могучъ и твердъ душой.

Предстань тебѣ крылатый небожитель
И повели съ поста сойти долой, —
Не внялъ бы ты: лишь тотъ твой повелитель,
Чьимъ словомъ здѣсь стоишь ты, часовой.

Твоя рука оружья не положитъ,
Тебя ничто лишить его не можетъ,
Ты лишь Царю отдать его готовъ.

Въ глазахъ толпы пусть твой удѣлъ ничтоженъ.
Нѣтъ! На тебя великій долгъ возложенъ:
Здѣсь на посту ты Божій да Царевъ!

Петербургъ.
13-го февраля 1891.

IV.

Полкъ.

Нашъ полкъ! Завѣтное, чарующее слово
Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю.
Другимъ оно старо̀, для насъ — все такъ же ново
И знаменуетъ намъ и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою вѣнчанное въ бою! *)
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Всѣ блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полкъ учитъ насъ терпѣть безропотно лишенья
И жертвовать собой въ пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долгъ,

Лихая удаль, честь, любовь къ отчизнѣ славной,
Къ великому Царю и вѣрѣ православной
Въ единомъ словѣ томъ сливается: нашъ полкъ!

---

*) Варіантъ:

О, ветхій нашъ штандартъ, краса полка родного,
Ты, бранной славою увѣнчанный въ бою!

Красное Село.
31-го мая 1899.

☆ ☆

☆

* *
*

Любовью ль сердце разгорится, —
О, не гаси ея огня!
Не имъ ли жизнь твоя живится,
Какъ свѣтомъ солнца яркость дня?
Люби безмѣрно, беззавѣтно,
Всей полнотой душевныхъ силъ,
Хотя бъ любовію отвѣтной
Тебѣ никто не отплатилъ.
Пусть говорятъ: какъ все въ твореньѣ,
Съ тобой умретъ твоя любовь, —
Не вѣрь во лживое ученье:
Истлѣетъ плоть, остынетъ кровь,
Угаснетъ въ срокъ опредѣленный
Нашъ міръ, а съ нимъ и тьмы міровъ,
Но пламень тотъ, Творцомъ возженный,
Пребудетъ въ вѣчности вѣковъ.

Павловскъ.
10-го октября 1889.

* *
*

О, люди, вы часто меня язвили такъ больно,
Слезы не рѣдко мои съ досады текли,
И все-таки васъ люблю я невольно,
О, бѣдныя дѣти земли!

Виновники скорби своей, творите вы злое,
Множа печаль на землѣ неправдой своей,
Но, если позднѣй скорбите вы вдвое,
Мнѣ жаль васъ, какъ малыхъ дѣтей.

И какъ отъ души не простить задора ребенка,
Коль не подъ силу ему свой гнѣвъ затаить?
Хоть больно его колотитъ ученка,
Но можно ль дитя не любить!

Павловскъ.
24-го октября 1889.

Будда.

Годы долгіе въ молитвѣ
На скалѣ проводитъ онъ.
Къ небесамъ воздѣты руки,
Взоръ въ пространство устремленъ.
Выше тучъ святому старцу
И отраднѣй, и вольнѣй:
Тамъ къ Создателю онъ ближе,
Тамъ онъ далѣ отъ людей.

А внизу необозримо
Гладь безбрежная кругомъ
Разлилась и тихо дышитъ
На просторѣ голубомъ;
Солнце ходитъ, мѣсяцъ свѣтитъ,
Звѣзды блещутъ; вкругъ скалы
Рѣютъ мощными крылами
Надъ пучиною орлы;

Но красою Божья міра
Мужъ святой не восхищенъ:
Къ небесамъ воздѣты руки,
Взоръ въ пространство устремленъ.

Онъ не слышитъ, какъ порою
Грозно воетъ ураганъ,
Какъ внизу грохочутъ громы,
И бушуетъ океанъ.

Неподвижный, цѣпенѣя
Въ созерцаньи Божества,
Надъ измученною плотью
Духа ждетъ онъ торжества,
Ждетъ безмолвія Нирваны
И забвенія всего,
Въ чемъ отрада человѣка
И страданіе его.

Съ той поры, когда свой подвигъ
Сталъ свершать онъ, каждый годъ,
Какъ шумѣлъ крылами въ небѣ
Первыхъ ласточекъ прилетъ,
Пташка старцу щебетала,
Что опять весна пришла,
И гнѣздо въ изсохшей длани
Безбоязненно вила.

И въ рукѣ его простертой,
Средь заоблачныхъ высотъ,
Много птенчиковъ крылатыхъ
Выводилось каждый годъ.
И ужь праведнику мнилось,

Что на вѣки сталъ онъ чуждъ
Упованій и желаній,
И земныхъ страстей, и нуждъ.

Что̀ же ласточекъ все ждетъ онъ
Съ нетерпѣньемъ изъ-за горъ?
Развѣ снѣгъ еще не сталъ?
Развѣ года нѣтъ съ тѣхъ поръ,
Какъ послѣднія вспорхнули
И, простясь съ роднымъ гнѣздомъ,
Бѣлогрудыя, въ туманѣ
Потонули голубомъ?

И о нихъ воспоминанья
Отогнать не можетъ онъ.
Для того ль онъ міръ покинулъ,
Звалъ забвенья вѣчный сонъ,
Заглушалъ борьбою съ плотью
Всякій помыселъ земной,
Чтобы пташки мимолетной
Ждать съ ребяческой тоской?

Иль не все еще живое
Страшный подвигъ въ немъ убилъ?
Или тщетно истязанье?
Или.... Чу! не шумъ ли крылъ?
Онъ глядитъ: въ лучахъ восхода
Мчится съ дальней стороны

Стая ласточекъ, — все ближе
Провозвѣстницы весны,

Ближе!... Но къ нему не вьется
Ни единая изъ нихъ....
Стая, мимо уплывая,
Тонетъ въ безднахъ голубыхъ....
И у праведника, руки
Простирающаго къ ней,
Слезы градомъ полилися
Изъ померкнувшихъ очей.

Гатчина.
8-го декабря 1891.

* *
*

Когда креста нести нѣтъ мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы къ небесамъ возводимъ очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловалъ Господь.

Но если вслѣдъ за огорченьемъ
Намъ улыбнется счастье вновь,
Благодаримъ ли съ умиленьемъ,
Отъ всей души, всѣмъ помышленьемъ
Мы Божью милость и любовь?

Красное Село.
10-го іюня 1899.

ПОСЛАНІЯ И СТИХОТВОРЕНІЯ

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

А. А. Фету.

на пятидесятилѣтіе его писательской дѣятельности.

28-го января 1889.

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты въ душевной глубинѣ:
Не выразить словами ихъ значенья,
Невѣдомы, таятся въ насъ онѣ.

Ты понялъ ихъ: ты вылилъ въ пѣснопѣнья
Тѣ звуки, что̀ въ безгласной тишинѣ
Плѣняютъ насъ, тѣ смутныя видѣнья,
Что̀ грезятся лишь въ мимолетномъ снѣ.

Могучей силой творческаго духа
Постигнувъ все неслышное для уха,
Ты угадалъ незримое для глазъ.

И сами мы тѣхъ сердца струнъ не знали,
Что̀ въ сладостномъ восторгѣ трепетали,
Когда, чаруя, пѣснь твоя лилась.

Петербургъ.
25-го января 1889.

Въ альбомъ ***.

Все, что̀ взору дорого и мило —
Тѣнь дубравъ, ручьи, цвѣты луговъ,
Все, зима, поблекло и застыло
Подо льдомъ твоихъ оковъ.

Стаи птицъ въ края тепла и свѣта
Унеслись крылатою толпой;
Вдохновенье чуткое поэта
Увлекли онѣ съ собой.

Стаялъ снѣгъ; зимы умолкла вьюга;
Зацвѣтетъ какъ прежде Божій садъ:
Ужь бѣгутъ ручьи, на сѣверъ съ юга
Птицы вешнія летятъ;

Все звучнѣе слышатся, все ближе
Голоса ихъ, — снова я пою,
Вдохновенья полный.... О, прими же
Пѣсню первую мою!

Петербургъ.
6-го апрѣля 1889.

А. Г. Рубинштейну.

на пятидесятилѣтіе его музыкальной дѣятельности.

Игры упоительной звуки текли.
Мы въ нѣжномъ восторгѣ внимали.
Всѣ радости неба, все горе земли
Тѣ звуки въ себѣ отражали.

Плѣнять насъ и трогать имъ было дано:
Предъ ними стихали сомнѣнья,
И было такъ много обидъ прощено,
И пролито слезъ умиленья!

О, пусть насъ уноситъ волшебной игрой
Туда, въ тѣ надзвѣздныя дали,
Гдѣ нѣтъ ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Павловскъ.
17-го ноября 1889.

Графу П. Д. Бутурлину.

въ отвѣтъ на его „Двадцать сонетовъ".

Когда пѣвучіе твои звучатъ сонеты,
Мнѣ мнится, что на мигъ взвились края завѣсъ,
Сокрывшихъ славный вѣкъ художества чудесъ,
Любовью къ вѣчному, къ прекрасному согрѣтый.

О, какъ далекъ тотъ вѣкъ! И гдѣ его поэты?
Гдѣ незабвенные избранники небесъ?
Не ихъ ли духъ, пѣвецъ, въ твоемъ стихѣ воскресъ
За то, что набожно ты ихъ хранишь завѣты?

Не измѣняй же имъ! Вѣрь въ свѣтлый идеалъ,
Что̀, какъ звѣзда, тебѣ путь жизни осіялъ,
Звѣзда, какой была Лаура для Петрарки!

Люби, какъ онъ любилъ; какъ онъ, пой до конца,
Чтобъ звучный, словно громъ и словно молнья, яркій
Твой стихъ восторгами воспламенялъ сердца!

Контрксевиль.
18-го мая 1892.

П. Е. М. О.

Мнѣ безсильнымъ не выразить словомъ,
Какъ у васъ отдыхаетъ душа,
Какъ подъ вашимъ привѣтливо кровомъ,
И какъ ваша Рамонь хороша!

Хороша она далью лѣсною
И дворцомъ надъ обрывомъ крутымъ,
Хороша тихоструйной рѣкою
И привольнымъ просторомъ степнымъ.

Но милѣе и лучше, и краше
Горъ, овраговъ, озеръ и полей
Дорогое радушіе ваше
Съ простотой деревенской своей.

Кіевъ.
12-го сентября 1896.

Кантата на столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина.

Мы многолюдною толпою
Сошлися здѣсь на торжество
Единодушною семьею
Сегодня чествовать того,
Кто въ этотъ день веселый мая,
Тому назадъ уже сто лѣтъ,
Невинной прелестью плѣняя,
Узрѣлъ впервые Божій свѣтъ.

У этой тихой колыбели
Кто угадать бы могъ впередъ,
Къ какой высокой, славной цѣли
Судьба младенца поведетъ?
Дитя крылами осѣняя,
Быть можетъ, ангелъ напѣвалъ
Ему святыя пѣсни рая
И грезы неба навѣвалъ.
Міровъ надзвѣздныхъ откровеньямъ
Немолчно вторилъ міръ земной,
И все дышало восхищеньемъ,
Завороженное весной.

Дитя воспѣли щебетаньемъ
Птицъ перелетныхъ голоса
И воды вешнія — журчаньемъ,
И листьевъ шелестомъ — лѣса.
То пѣнье смутно раздавалось
Въ душѣ младенца какъ во снѣ:
Въ ней словно таинство свершалось,
И зрѣли пѣсни въ тишинѣ.

Прошли младенческіе годы.
Кладъ этихъ звуковъ, этихъ грезъ
Сквозь жизни бури и невзгоды
Пѣвецъ въ душѣ своей пронесъ.
Его ужь нѣтъ, — но дивныхъ пѣсней
Не позабыть сердцамъ людей:
Онѣ звучатъ имъ все прелестнѣй
И все ихъ трогаютъ живѣй.

* *
*

Отъ заботъ земли унылой,
Отъ тревогъ и суеты
Насъ невѣдомою силой
Въ вихрѣ пѣсенъ уносило
Въ неземныя высоты:
Сколько радостныхъ мгновеній
Подарилъ ты намъ, поэтъ!

Сколько чистыхъ наслажденій,
Сколько радужныхъ видѣній
И какой небесный свѣтъ
Сладкозвучнымъ роемъ пѣсенъ
Пролилъ ты въ сердца людей!
Какъ могучъ, какъ безтѣлесенъ,
Какъ божественно чудесенъ
Міръ поэзіи твоей!
Вѣчно, славный безъ сравненья,
Въ сердцѣ нашемъ ты живи!
И тебѣ мы въ умиленьи
Платимъ дань благодаренья,
Дань восторга и любви.

Петербургъ.
14-го февраля 1899.

ПЕРЕВОДЫ.

Изъ Сюлли-Прюдомма.

Какъ много карихъ, голубыхъ,
Любимыхъ глазъ зарю встрѣчало!
Въ могилахъ спятъ они теперь,
А солнце всходитъ, какъ бывало.

Ночь краше дня; какъ много глазъ
Ея плѣнялося красою!
На небѣ звѣзды все горятъ,
А тѣ глаза одѣлись тьмою.

Ужель угасъ ихъ взглядъ? Нѣтъ, нѣтъ,
Не можетъ быть! Они взираютъ
Куда-то вдаль и то, что̀ мы
Зовемъ незримымъ, созерцаютъ.

Свѣтила меркнутъ, заходя,
Но все жь на небѣ остаются:
Такъ и у глазъ есть свой закатъ,
Но смерть не можетъ ихъ коснуться.

Какъ много карихъ, голубыхъ
Закрылось глазъ, любимыхъ нами!
За гробомъ вѣчная заря
Имъ свѣтитъ дивными лучами.

Красное Село.
30-го іюля 1895.

ИЗЪ ШЕКСПИРА.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ IV.

Часть II. Актъ IV, сцена IV.

ОТРЫВОКЪ.

Отъ переводчика.

Вторая часть драматической хроники „Король Генрихъ IV“ написана не ранѣе 1597 и не позже 1599 года. Матеріалами для нея послужили Шекспиру Holinshed's History и старинная піеса The famous Victories of King Henry V. Первое изданіе хроники [quarto] появилось въ 1600 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: The Second Part of Henry the Fourth, continuing to his Death, and Coronation of Henry the Fifth. With the Humours of Sir John Falstaff, and swaggering Pistoll. As it hath been sundrie times publikely acted by the Right Honourable the Lord Chamberlaine his Servants. Written by William Shakespeare. Printed by V. S. for Andrew Wise and William Aspley. Слѣдующее изданіе вышло въ томъ же году, и затѣмъ не было новыхъ изданій до folio

1623 года. Въ немъ хроника была напечатана, вѣроятно, по списку съ подлинной рукописи или по копіи съ quarto 1600 года, сличенной съ такимъ спискомъ.

„Король Генрихъ IV“ неоднократно былъ переводимъ на русскій языкъ. Приведемъ указанія на всѣ переводы второй его части, о которыхъ могли собрать библіографическія справки.

Въ сборникѣ „Наставникъ, или всеобщая система воспитанія“. Часть I. С.-Пб. 1789. Въ отдѣлѣ примѣровъ для театральной декламаціи (стрр. 268—274) помѣщенъ переводъ сцены между королемъ и принцемъ Генрихомъ. Сборникъ этотъ въ оригиналѣ писанъ на англійскомъ языкѣ. Русскій переводъ съ нѣмецкаго изданія сдѣланъ Михаиломъ Веревкинымъ.

Въ сборникѣ „Учитель, или всеобщая система воспитанія.“ Часть I. М. 1789. Переводъ той же сцены сдѣланъ съ нѣмецкаго, въ прозѣ, Александромъ Андреевичемъ Петровымъ и помѣщенъ на стрр. 101 — 103.

„Шекспиръ. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера.“ Часть I. М. 1841. Полный прозаическій переводъ обѣихъ частей хроники „Король Генрихъ IV“. Этотъ же переводъ вышелъ вторымъ изданіемъ „Драматическія сочиненія Шекспира“. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ Колльеромъ старому экземпляру 1632 года. Часть I. М. 1862.

„Сочиненія Генриха Гейне“ въ переводѣ русскихъ

писателей, подъ редакціей Петра Вейнберга. Т. III. С.-Пб. 1864. Здѣсь на стрр. 205 — 207 помѣщенъ монологъ Болинброка (стихи 312 — 350 нашего отрывка) въ стихотворномъ переводѣ Ѳ. Н. Устрялова. Во второмъ изданіи „Сочиненій Гейне“ (Т. III. С.-Пб. 1875) переводъ того же монолога помѣщенъ на стрр. 249 — 251.

„Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира“ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. II. С.-Пб. 1866. Обѣ части хроники переведены стихами и прозой А. Л. Соколовскимъ. Этотъ же переводъ выходилъ въ 1876 и 1880 годахъ — Н. В. Гербель. „Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира“ въ переводѣ русскихъ писателей. Т. II. С.-Пб. 1888[1]). Обѣ части хроники переведены стихами и прозой П. А. Каншинымъ.

„Полное собраніе сочиненій В. Шекспира“. Перевелъ П. А. Каншинъ. Т. IV. С.-Пб. 1893. Обѣ части хроники переведены прозою.

Сцена, изъ которой мы перевели предлагаемый нами отрывокъ, большинствомъ англійскихъ издателей считается четвертою; но нѣкоторые, какъ напримѣръ, кэмбриджскіе и Ирвингъ (The Henry Irving Shakespeare 1888), дѣлятъ ее на двѣ. Вслѣдствіе этого

1) Эти библіографическія указанія были составлены въ 1893 году. Съ той поры переводъ обѣихъ частей хроники перепечатанъ въ 1896 году въ пятомъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій Шекспира“ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

133-й стихъ IV-й сцены изданія Деліуса (The Royal Shakespeare, from the text of professor Delius) есть 1-й стихъ V-й сцены изданія Ирвинга. Шмидтъ въ своемъ лексиконѣ [Alexander Schmidt's Shakespeare-Lexicon] ссылается на IV-ю и на V-ю сцены, а г-жа Кларкъ [The complete Concordance to Shakspere by Mrs Cowden Clarke] только на IV-ю. Въ quarto 1600 года нѣтъ дѣленія на акты и сцены; оно встрѣчается впервые въ folio 1623 года.

Далеко не всѣ англійскіе издатели Шекспира ведутъ счетъ стихамъ текста; изъ знакомыхъ намъ изданій только у Деліуса и Ирвинга число стиховъ выставлено на поляхъ. Мы принимаемъ счетъ по Деліусу.

Передадимъ вкратцѣ содержаніе IV-й сцены IV-го акта II-й части хроники.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ комнатъ дворца въ Вестминстерѣ 20-го мая 1413 года. Появляется король Генрихъ IV; ему не болѣе 46 лѣтъ, но онъ изнуренъ болѣзнью. За нимъ входятъ его сыновья: второй, двадцатипятилѣтній Томасъ Кларенсъ, и четвертый, Гомфрей Глостеръ, съ однимъ изъ приверженцевъ короля, графомъ Варвикомъ. Король говоритъ имъ, что если ему удастся одержать верхъ надъ возставшими противъ него вассалами, онъ направитъ молодыя силы Англіи къ болѣе высокой цѣли, то-есть, предприметъ крестовый походъ. Флотъ вооруженъ, войска въ сборѣ; остается только самому оправиться отъ болѣзни и дождаться пораженія мятежниковъ. Онъ спрашиваетъ сыновей о ихъ стар-

шемъ братѣ, Генрихѣ, принцѣ Валлійскомъ, и, узнавъ отъ нихъ, что наслѣдникъ престола веселится въ Лондонѣ въ обществѣ своихъ безпутныхъ пріятелей, сокрушается надъ поведеніемъ старшаго сына. Варвикъ, заступаясь за принца Валлійскаго, говоритъ, что онъ не безчинствуетъ, подобно своимъ спутникамъ, а только изучаетъ ихъ, какъ изучаютъ чужой языкъ: при этомъ надо узнать каждое слово, даже самое непристойное, чтобы, узнавъ, избѣгать его. Такъ и принцъ: онъ современемъ отвернется отъ недостойныхъ товарищей.

Тутъ одинъ вскорѣ за другимъ приходятъ графъ Вестморландъ и Гаркордъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ королевскихъ войскъ надъ возмутившимися вассалами. Какъ ни обрадованъ король счастливымъ извѣстіемъ, болѣзнь превозмогаетъ радость, и онъ лишается чувствъ. Окружающіе полагаютъ, что ему уже не очнуться отъ этого обморока. Однако Генрихъ приходитъ въ себя и проситъ, чтобъ его перенесли въ другую комнату.

Въ этомъ-то мѣстѣ нѣкоторые издатели, какъ было сказано выше, и начинаютъ новую сцену. Въ другихъ же изданіяхъ говорится: они (то-есть, принцы и лорды) переносятъ короля въ глубину комнаты и кладутъ на кровать.

Король проситъ, чтобъ около него не было шума, и чтобъ ему наигрывали тихую и нѣжную музыку. Онъ велитъ положить свою корону подлѣ себя на подушку и засыпаетъ.

Въ это время, веселый и безпечный, входитъ

принцъ Генрихъ; онъ уже знаетъ о пораженіи мятежниковъ и спрашиваетъ, слышалъ ли о томъ король? Глостеръ отвѣчаетъ брату, что отцу стало хуже по полученіи добрыхъ извѣстій. Всѣ оставляютъ короля и зовутъ съ собою принца Генриха; но онъ остается одинъ при отцѣ.

Здѣсь начинается переведенный нами отрывокъ [стихъ 152-й по Деліусу и 21-й по Ирвингу]. Мы кончаемъ его словами принца Генриха [стихъ 355-й по Деліусу и 225-й по Ирвингу]. Затѣмъ до конца сцены у Шекспира еще 16 стиховъ, нами не переведенныхъ. Вотъ ихъ содержаніе: къ королю приходитъ его третій сынъ, Джонъ Ланкастеръ, сражавшійся противъ мятежниковъ. Отецъ говоритъ ему, что радость свиданія съ нимъ не можетъ продлить угасающей жизни, и что смерть близка. Онъ зоветъ Варвика и спрашиваетъ, нѣтъ ли какого названія у комнаты, гдѣ онъ впалъ въ обморокъ? Варвикъ отвѣчаетъ, что она называется Іерусалимскою комнатой. Тогда король вспоминаетъ, что ему была предсказана смерть въ Іерусалимѣ, что по этому онъ предполагалъ умереть въ Святой Землѣ, и велитъ нести себя обратно въ ту комнату для того, чтобы предсказаніе сбылось.

Переводя нижеслѣдующій отрывокъ, мы не строго придерживались пятистопнаго ямба и часто позволяли себѣ замѣнять его шестистопнымъ.

У самого Шекспира нерѣдко встрѣчаются шести-

стопные стихи; онъ обращается съ размѣромъ довольно небрежно. Англійскія слова большею частью короче русскихъ, а потому, желая соблюсти число стиховъ подлинника, мы по неволѣ были вынуждены удлинять самыя строки. Вездѣ же, гдѣ у Шекспира стихъ короче пятистопнаго, мы старались воспроизвести это въ переводѣ, сохраняя такую своеобразную особенность. Близость къ подлиннику нами по возможности соблюдена; но тамъ, гдѣ буквальная точность шла бы въ ущербъ поэтической красотѣ и свойствамъ нашего языка, мы не считали себя въ правѣ переводить слово въ слово. Вообще мы стремились передать не столько слова, сколько смыслъ, духъ и настроеніе подлинника.

С.-Петербургъ.
27-го декабря 1893.

PRINCE HENRY.

Why doth the crown lie there upon his pillow,
Being so troublesome a bedfellow?
O polished perturbation! golden care!
That keep'st the ports of slumber open wide
To many a watchful night! — sleep with it now!
Yet not so sound, and half so deeply sweet,
As he, whose brow, with homely biggin bound,
Snores out the watch of night. O majesty!
When thou dost pinch thy bearer, thou dost sit
Like a rich armour worn in heat of day,
That scalds with safety. By his gates of breath
There lies a downy feather, which stirs not:
Did he suspire, that light and weightless down
Perforce must move. — My gracious lord! my father!
This sleep is sound indeed; this is a sleep,
That from this golden rigol hath divorced
So many English kings. Thy due from me —
Is tears and heavy sorrows of the blood;
Which nature, love, and filial tenderness,
Shall, o dear father, pay thee plenteously:
My due from thee — is this imperial crown,
Which, as immediate from thy place and blood,
Derives itself to me. Lo, here it sits, —

[Putting it on his head.

Which God shall guard: and put the world's whole
Into one giant arm, it shall not force [strength

Принцъ Генрихъ.

Зачѣмъ корона здѣсь у изголовья,
Тревожная на ложѣ сновъ подруга?
О, треволненій блескъ! О, золото заботы!
Ты часто двери сна широко растворяешь
Ночному бдѣнію! — Спи съ ней теперь,
Хоть и не крѣпкимъ сномъ, и сладкимъ, и глубокимъ
Того, кто, на брови колпакъ надвинувъ грубый,
Храпитъ всю ночь до свѣта. О, величье!
Ты голову сжимаешь вѣнценосца,
Какъ дорогая бронь, что̀ въ жаръ дневной,
Спасая, жжетъ. Вотъ перышко повисло
Близъ устъ его.... Оно не шелохнется:
Когда бъ дышалъ онъ, легкая пушинка
Должна бы двигаться.... — Мой государь! Отецъ мой!
Твой крѣпокъ сонъ. Да, это сонъ, которымъ
У многихъ англійскихъ ужь отнятъ королей
Сей обручъ золотой. Мой долгъ тебѣ —
Печаль глубокая и родственныя слезы:
Все существо мое, любовь и нѣжность сына,
О, дорогой отецъ, заплатятъ ихъ сполна;
А мнѣ твой долгъ — корона властелина,
Что̀ мнѣ, ближайшему по сану и по крови,
Принадлежитъ. И вотъ, возложена она.

[Надѣвая ее].

Господь ее хранитъ: вся сила міра
Одной рукой гигантской не сорветъ

This lineal honour from me. This from thee
Will I to mine leave, as 't is left to me.

[Exit.

KING HENRY.

Warwick! Gloster! Clarence!

[Re-enter Warwick, and the rest.

CLARENCE.

Doth the king call?

WARWICK.

What would your majesty? How fares your grace?

KING HENRY.

Why did you leave me here alone, my lords?

CLARENCE.

We left the prince my brother here, my liege,
Who undertook to sit and watch by you.

KING HENRY.

The prince of Wales? Where is he? let me see him:
He is not here.

WARWICK.

This door is open; he is gone this way.

Сего державнаго наслѣдья. Мнѣ твое
Досталось; такъ моимъ достанется мое.

[Уходитъ].

Король Генрихъ.

Варвикъ! Глостеръ! Кларенсъ!

[Варвикъ и другіе возвращаются].

Кларенсъ.

Звалъ ли король?

Варвикъ.

Что̀ вашему величеству угодно?
Какъ чувствуется вамъ?

Король Генрихъ.

Зачѣмъ меня вы, лорды,
Здѣсь одного оставили?

Кларенсъ.

Принцъ, братъ мой,
Оставшись здѣсь, хотѣлъ побыть съ тобой.

Король Генрихъ.

Валлійскій принцъ? Гдѣ онъ? Его хочу я видѣть.
Его здѣсь нѣтъ [1]).

Варвикъ.

Дверь эта отперта: сюда онъ вышелъ.

PRINCE HUMPHREY.

He came not through the chamber where we stay'd.

KING HENRY.

Where is the crown? who took it from my pillow?

WARWICK.

When we withdrew, my liege, we left it here.

KING HENRY.

The prince hath ta'en it hence: — go, seek him out.
Is he so hasty, that he doth suppose
My sleep my death? —
Find him, my lord of Warwick; chide him hither.
[Exit Warwick.
This part of his conjoins with my disease,
And helps to end me. — See, sons, what things you are!
How quickly nature falls into revolt,
When gold becomes her object!
For this the foolish over-careful fathers
Have broke their sleep with thoughts, their brains with care,
Their bones with industry;
For this they have engrossed and piled up
The canker'd heaps of strange-achieved gold;
For this, they have been thoughtful to invest
Their sons with arts and martial exercises:
When, like the bee, culling from every flower
The virtuous sweets.

Принцъ Гомфрей.

Онъ не входилъ въ покой, гдѣ ждали мы.

Король Генрихъ.

Корона гдѣ моя? Кто взялъ ее съ подушки?

Варвикъ.

Мы, уходя, здѣсь видѣли ее.

Король Генрихъ.

Принцъ взялъ ее, — искать его подите.
Ужель онъ такъ нетерпѣливъ, что принялъ
Мой сонъ за смерть? —
Поди, заставь его придти, лордъ Варвикъ.

[Варвикъ уходитъ].

Съ недугомъ съединясь, его поступокъ
Ускоритъ мой конецъ. Вотъ дѣти каковы![2])
Мгновенно возстаетъ мятежная природа,
Когда ей злато цѣль!
Вотъ для чего отцы въ безумномъ попеченьи
Сонъ губятъ думами, заботой — умъ,
Трудами — тѣло[3]);
Вотъ для чего скопляютъ груды злата,
Съ трудомъ добытаго въ чужихъ краяхъ[4]);
Вотъ для чего дѣтей пекутся обучить
Художествамъ и ратному искусству!
Подобны пчеламъ мы: онѣ со всѣхъ цвѣтовъ
Сбираютъ[5]) сладкій сокъ[6])

Our thighs packed with wax, our mouths with honey,
We bring it to the hive, and, like the bees,
Are murder'd for our pains. This bitter taste
Yields his engrossments to the ending father. —

Re-enter Warwick.

Now, where is he that will not stay so long
Till his friend sickness hath determin'd me?

WARWICK.

My lord, I found the prince in the next room,
Washing with kindly tears his gentle cheeks;
With such a deep demeanour in great sorrow,
That tyranny, which never quaff'd but blood,
Would, by beholding him, have wash'd his knife
With gentle eye-drops. He is coming hither.

KING HENRY.

But wherefore did he take away the crown?

Re-enter Prince Henry.

Lo, where he comes. — Come hither to me, Harry. —
Depart the chamber, leave us here alone.

[Exeunt Clarence, Prince Humphrey, Lords, etc.

PRINCE HENRY.

I never thought to hear you speak again.

KING HENRY.

Thy wish was father, Harry, to that thought:
I stay too long by thee, I weary thee.

И, медъ держа во рту и въ ножкахъ воскъ, летятъ [7])
Обратно въ улей свой, и словно пчелъ, въ награду
За трудъ насъ убиваютъ.... Горечь эта
Отцамъ заботливымъ предсмертное возмездье!

[Варвикъ возвращается].

Но гдѣ же онъ, дождаться не хотящій,
Чтобъ доконалъ меня недугъ, его сообщникъ? [8])

Варвикъ.

Въ сосѣдней комнатѣ засталъ я принца: тихо
Слезами орошалъ онъ нѣжныя ланиты
Съ такимъ глубокимъ скорби выраженьемъ,
Что и злодѣйство въ вѣчной жаждѣ крови,
Его узрѣвъ, омыло бы свой ножъ
Слезами кротости. Сюда идетъ онъ.

Король Генрихъ.

Но отчего корону онъ унесъ?

[Принцъ Генрихъ возвращается].

Вотъ онъ идетъ. Сынъ [9]), подойди ко мнѣ. —
Ступайте всѣ, оставьте насъ однихъ.

[Кларенсъ, принцъ Гомфрей, лорды и проч. уходятъ].

Принцъ Генрихъ.

Не думалъ я твой [10]) вновь услышать голосъ.

Король Генрихъ.

Твоимъ рожденъ желаньемъ помыслъ этотъ:
Мой слишкомъ дологъ вѣкъ; тебѣ я въ тягость.

Dost thou so hunger for my empty chair,
That thou wilt needs invest thee with mine honours
Before thy hour be ripe? O foolish youth!
Thou seek'st the greatness that will overwhelm thee.
Stay but a little; for my cloud of dignity
Is held from falling with so weak a wind,
That it will quickly drop: my day is dim.
Thou hast stol'n that, which, after some few hours,
Were thine without offence; and, at my death,
Thou hast seal'd up my expectation:
Thy life did manifest thou lov'dst me not,
And thou wilt have me die assur'd of it.
Thou hid'st a thousand daggers in thy thoughts;
Which thou hast whetted on thy stony heart,
To stab at half an hour of my life.
What! canst thou not forbear me half an hour?
Then get thee gone, and dig my grave thyself,
And bid the merry bells ring to thine ear,
That thou are crowned, not that I am dead.
Let all the tears that should bedew my hearse
Be drops of balm to sanctify thy head:
Only compound me with forgotten dust;
Give that which gave thee life unto the worms.
Pluck down my officers, break my decrees;
For now a time is come to mock at form,
Harry the Fifth is crowned! — Up, vanity!
Down, royal state! all you sage counsellors, hence!
And to the English court assemble now,
From every region, apes of idleness!
Now, neighbour confines, purge you of your scum:

Такъ алчешь ты занять престолъ мой опустѣлый,
Что славою моей тебѣ облечься надо,
Хоть часъ твой не приспѣлъ? О, юноша безумный!
Величья ищешь ты: оно тебя задавитъ.
Пожди немного; власть моя — что̀ тучка:
Слабъ вѣтерокъ, ее несущій; скоро
Поникнуть надо ей. Мой меркнетъ день.
То, что̀ похитилъ ты, твоимъ бы стало
Чрезъ часъ какой-нибудь. Мнѣ передъ смертью
Ты подтвердилъ прови́дѣнье мое:
Ты не любилъ меня, — то жизнь твоя являла,
И хочешь, чтобы въ томъ увѣренный я умеръ.
Кинжаловъ тысячи ты въ мысляхъ затаилъ
И ихъ точилъ о каменное сердце,
Чтобы на полчаса убавить жизни мнѣ.
Какъ! Не даешь ты мнѣ и получаса?
Тогда иди, рой мнѣ могилу самъ!
Пусть весело колокола трезвонятъ
Вѣнчанью твоему, а не моей кончинѣ:
Пусть капли слезъ, что̀ оросили бъ гробъ мой,
На голову твою святымъ прольются муромъ:
Меня же съ прахомъ ты смѣшай забвенья,
Отдай червямъ того, кѣмъ жизнь дана тебѣ,
Слугъ разгони моихъ, нарушь мои законы;
Пришла пора надъ чинностью глумиться:
Увѣнчанъ Генрихъ Пятый! Суетность [11]), возстань!
Долой, величье царское! Прочь, мужи
Совѣта и ума! И къ нашему двору
Отвсюду праздности сбирайтесь обезьяны!
Вы, сорубежники, изблюйте къ намъ всю мерзость:

Have you a ruffian, that will swear, drink, dance,
Revel the night, rob, murder, and commit
The oldest sins the newest kind of ways?
Be happy, he will trouble you no more:
England shall double gild his treble guilt;
England shall give him office, honour, might:
For the fifth Harry from curb'd licence plucks
The muzzle of restraint, and the wild dog
Shall flesh his tooth in every innocent.
O my poor kingdom, sick with civil blows!
When that my care could not withhold thy riots,
What wilt thou do when riot is thy care?
O, thou wilt be a wilderness again.
Peopled with wolves, thy old inhabitants!

PRINCE HENRY. *[Kneeling.*

O pardon me, my liege! but for my tears,
The moist impediments unto my speech,
I had forestall'd this dear and deep rebuke,
Ere you with grief had spoke, and I had heard
The course of it so far. There is your crown;
And He that wears the crown immortally
Long guard it yours! If I affect it more,
Than as your honour and as your renown,
Let me no more from this obedience rise,
Which my most true and inward-duteous spirit
Teacheth, this prostrate and exterior bending.
God witness with me, when I here came in,

Коль блу́дникъ есть у васъ, шутъ, пьяница бранчивый,
Ночной кутила, воръ, убійца, кто творитъ
Старѣйшіе грѣхи на новый ладъ, —
Возрадуйтесь: ужь васъ онъ не встревожитъ.
Здѣсь, въ Англіи, его озолотятъ вдвойнѣ,
Будь грѣшенъ онъ втройнѣ [12]): здѣсь, въ Англіи, найдетъ онъ
Занятье, власть, почетъ, затѣмъ, что Генрихъ Пятый
Сорветъ намордникъ съ буйства, и зубами,
Какъ лютый песъ, оно вопьется въ неповинныхъ.
О, бѣдный край, междоусобій жертва!
И власть моя въ тебѣ не сдерживала смуты;
Что жъ будешь ты, коль смуты власть придетъ?
О, станешь вновь ты дикою пустыней,
Обителью волковъ, какъ встарину.

Принцъ Генрихъ *[Преклоняя колѣни]*.

Прости меня, о, государь! Когда бы
Моихъ рѣчей не заглушали слезы,
Предупредилъ бы я и строгій твой, и тяжкій
Упрекъ и не дослушалъ бы твоей
Печали изліянья. Вотъ твоя корона.
Тотъ, у Кого вѣнецъ безсмертья, сохрани
Тебѣ ее на долго. Если мнѣ
Она милѣй, чѣмъ честь твоя и слава,
Не встану болѣ я: въ покорности, какъ учитъ
Меня духъ вѣрности въ сердечной глубинѣ,
Пусть предъ тобой простертый ницъ пребуду.
Войдя сюда, засталъ я бездыханнымъ

And found no course of breath within your majesty,
How cold it struck my heart! If I do feign,
O! let me in my present wildness die;
And never live to show the incredulous world
The noble change that I have purposed!
Coming to look on you, thinking you dead,
[And dead almost, my liege, to think you were,]
I spake unto the crown, as having sense,
And thus upbraided it. „The care on thee depending
„Hath fed upon the body of my father;
„Therefore thou, best of gold, art worst of gold.
„Other, less fine in carat, is more precious,
„Preserving life in medicine potable:
„But thou, most fine, most honour'd, most renown'd,
„Hast eat thy bearer up.“ Thus, my most royal liege,
Accusing it, I put it on my head,
To try with it — as with an enemy
That had before my face murder'd my father —
The quarrel of a true inheritor.
But if it did infect my blood with joy,
Or swell my thoughts to any strain of pride;
If any rebel or vain spirit of mine
Did, with the least affection of a welcome,
Give entertainment to the might of it,
Let God for ever keep it from my head!
And make me as the poorest vassal is,
That doth with awe and terror kneel to it!

King Henry.

O my son!

Твое величество, и — видитъ Богъ —
Застыла въ сердцѣ кровь. Когда притворщикъ я,
О, пусть, какъ жилъ, такъ и умру въ распутствѣ;
Міръ недовѣрчивый пусть не узнаетъ въ вѣкъ,
Какой во мнѣ свершился переломъ.
Я шелъ къ тебѣ, взглянулъ,—ты мертвъ мнѣ показался,
[И въ правду мертвъ могъ показаться ты], и вотъ что̀
Коронѣ я сказалъ, какъ существу живому,
Ее коря: „Тебѣ присущая забота
„Снѣдала моего отца и потому,
„О, злато чистое, ты злое злато.
„Другое есть, дешевле, но цѣннѣе:
„Оно даруетъ жизнь въ цѣлительномъ напиткѣ[13]);
„Ты жь, злато чистое величія и славы,
„Носившаго тебя сгубило“. Государь,
Такъ обличалъ ее я, возлагая,
Чтобъ съ ней помѣряться, какъ со врагомъ,
Въ моихъ глазахъ отца мнѣ умертвившимъ,
Помѣряться борьбой преемника по праву.
Но если радостью мнѣ отравила кровь
Она иль помыслы превознесла гордыней,
Но если нѣкій духъ мятежнаго тщеславья
Къ малѣйшему меня склонялъ желанью
Пріять могущество вѣнца, Господь на вѣки
Да отстранитъ ее отъ головы моей;
Послѣднимъ подданнымъ да буду я, предъ ней
Въ священномъ ужасѣ склоняющимъ колѣни!

Король Генрихъ.

О, мой сынъ![14])

Heaven put it in thy mind to take it hence,
That thou might'st win the more thy father's love,
Pleading so wisely in excuse of it.
Come hither, Harry, sit thou by my bed,
And hear, I think, the very latest counsel
That ever I shall breathe. Heaven knows, my son,
By what by-paths and indirect crooked ways
I met this crown; and I myself know well
How troublesome it sat upon my head:
To thee it shall descend with better quiet,
Better opinion, better confirmation;
For all the soil of the achievement goes
With me into the earth. It seem'd in me
But as an honour snatch'd with boisterous hand;
And I had many living to upbraid
My gain of it by their assistances;
Which daily grew to quarrel and to bloodshed,
Wounding supposed peace: all these bold fears,
Thou see'st, with peril I have answered:
For all my reign hath been but as a scene
Acting that argument; and now my death
Changes the mode: for what in me was purchas'd,
Falls upon thee in a more fairer sort;
So thou the garland wear'st successively.
Yet, though thou stand'st more sure than I could do,
Thou art not firm enough, since griefs are green,
And all thy friends, which thou must make thy friends,
Have but their stings and teeth newly ta'en out;
By whose fell working I was first advanc'd,
And by whose power I well might lodge a fear

Богъ въ мысль тебѣ вложилъ ее унесть,
Чтобы отцу ты вдвое сталъ милѣе,
Оправданный столь мудрою защитой.
Сюда, мой Генрихъ! Сядь къ моей постелѣ
И выслушай совѣтъ — послѣдній, полагаю, —
Пока еще дышу я. Сынъ мой, знаетъ небо,
Какими ложными, окольными путями
Корону я добылъ [15]). И самъ я знаю,
Какъ на главѣ моей она держалась шатко.
Ее ты примешь съ миромъ, съ доброй славой,
И утвердишь ее ты за собой.
Вся скверна, мнѣ стяжавшая ее,
Со мною въ гробъ сойдетъ. Она была на мнѣ,
Что̀ почесть, буйной схваченная дланью,
А многіе сообщники мои
Живымъ служили мнѣ укоромъ, и отсюда
Рождались, что̀ ни день, раздоръ съ кровопролитьемъ,
Тревожа мнимый миръ. Средь вѣчныхъ опасеній
За эти ужасы [16]) отвѣтчикомъ былъ я.
Вотъ драмою какой мое правленье было!
Но нынѣ все измѣнитъ смерть моя:
Что̀ силою добыто было мною,
Къ тебѣ путемъ законнымъ перейдетъ:
Наслѣдственную ты носить корону будешь.
Но, хоть стоишь ты тверже моего,
Все жь мало утвержденъ, пока свѣжа обида:
Враговъ, которыхъ ты назвать друзьями долженъ [17]),
Еще недавно я лишилъ зубовъ и жалъ.
Ихъ кознями сперва былъ вознесенъ я
И опасаться могъ вновь ихъ же властью

To be again displac'd: which to avoid,
I cut them off; and had a purpose now
To lead out many to the Holy Land;
Lest rest and lying still might make them look
Too near unto my state. Therefore, my Harry,
Be it thy course to busy giddy minds
With foreign quarrels; that action, hence borne out,
May waste the memory of the former days.
More would I, but my lungs are wasted so,
That strength of speech is utterly denied me.
How I came by the crown, O God, forgive!
And grant it may with thee in true peace live!

PRINCE HENRY.

My gracious liege,
You won it, wore it, kept it, gave it me:
Then plain and right must my possession be;
Which I, with more than with a common pain,
'Gainst all the world will rightfully maintain.

Быть свергнутымъ. Чтобъ этого избѣгнуть,
Я истреблялъ ихъ. И теперь хотѣлъ
Я многихъ за собой увлечь въ Святую Землю:
Покой бездѣйствія вглядѣться далъ бы имъ
Въ правленіе мое. А потому, мой сынъ,
Ты шаткіе умы старайся занимать
Борьбою внѣшнею, и память дней минувшихъ
Изгладятъ подвиги на дальней сторонѣ.
Я бъ продолжалъ, но грудь изнемогаетъ,
И говорить не въ силахъ болѣ я.
Грѣхъ воцаренія мнѣ да проститъ Творецъ
И съ миромъ за тобой да утвердитъ вѣнецъ!

Принцъ Генрихъ.

Мой государь! Его добылъ,
Носилъ, хранилъ и мнѣ ты завѣщалъ,
Дабы я имъ по праву обладалъ;
И за него я стану головой,
Хотя бъ весь міръ вступилъ въ борьбу со мной!

С.-Петербургъ.
6-го октября — 5 декабря 1892.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Стихъ 185 опущенъ въ Folio 1623 года.

2) Стихи 190—195. У насъ 6 стиховъ, какъ въ новѣйшихъ изданіяхъ; такимъ образомъ строки переставилъ Capell. Въ Quarto 1600 года только 5 стиховъ: 191 и 192 составляютъ одну строку. А въ Folio 7 стиховъ:

Принцъ взялъ ее;
Искать его подите.
Ужель онъ такъ нетерпѣливъ, что принялъ
Мой сонъ за смерть? Поди, лордъ Варвикъ мой,
Заставь его придти. Съ недугомъ съединясь,
Его поступокъ мой конецъ ускоритъ.
Вотъ дѣти каковы!

3) Сонъ губятъ думами, заботой — умъ,
Трудами — тѣло.

Такъ переставилъ слова Pope, и эта перестановка принята всѣми новѣйшими изданіями. А въ Quarto и въ Folio было:

Сонъ губятъ думами,
Заботой — умъ, трудами — тѣло.

4) Слова: heaps of strange-achieved gold толкуются различно. Hunter и Marshall толкуютъ: груды золота, добытаго въ чужихъ краяхъ, а въ Schmidt's Shakespeare-Lexicon объяснено такъ: груды золота, которымъ воспользуется не добывшій его, а другіе. Мы слѣдуемъ первому значенію.

5) Сбираютъ = culling, какъ въ Folio. Въ Quarto: tolling = взимаютъ пошлину.

6) Стихъ 206 опущенъ въ Quarto.

7) Стихъ 207:

Our thighs pack'd with wax, our mouths with honey

часто привлекалъ вниманіе критиковъ. Capell предлагаетъ:

Packing our thighs with wax, our mouths with honey.

Dyce читаетъ:

Our thighs with wax, our mouths with honey pack'd.

Hunter переставляетъ:

Our thighs are packed with wax, our mouths with honey.

Всѣ эти варіанты не имѣютъ значенія для перевода. Слово: thigh означаетъ ляшку, часть ноги отъ туловища до колѣна. Здѣсь мы отступили отъ подлинника. Король говоритъ: „Когда, какъ пчела, собирающая съ каждаго цвѣтка сладкій сокъ, мы возвращаемся въ улей, неся между ногами воскъ и медъ во рту, насъ, какъ пчелъ, убиваютъ за трудъ". Marshall полагаетъ, что это мѣсто или искажено переписчиками, или Шекспиръ небрежно его написалъ.

Въ стихахъ 205 — 210 слова переставилъ Capell, что̀ принято и другими издателями.

8) Стихъ 212:

Till his friend sickness' hath determin'd me.

Такъ въ новѣйшихъ изданіяхъ, которыхъ мы держались. Въ Quarto:

Till his friend sickness' hands determin'd me,

то-есть, чтобъ доконали меня руки недуга, его сообщника.

9) Сынъ. У Шекспира: Harry, уменьшительное отъ Henry, не поддающееся русскому произношенію.

10) Въ подлинникѣ король говоритъ сыну: „ты", а онъ отцу: „вы". У насъ оба говорятъ другъ другу: „ты", что̀, по нашему мнѣнію, въ русской рѣчи требуется возвышеннымъ настроеніемъ всего діалога.

11) Въ старинныхъ драматическихъ аллегоріяхъ всегда была роль, олицетворявшая какой-либо порокъ. Здѣсь намекъ на Lady Vanity — Суетность, возмутившуюся противъ своего отца-короля (предположеніе Hunter'a).

12) Стихъ 259. Здѣсь у Шекспира игра словъ: gild = озолотить и guilt = вина, грѣхъ, произносятся почти одинаково. Нѣкоторые критики видятъ въ этомъ мѣстѣ безсмыслицу. Pope вычеркиваетъ стихъ, а Warburton считаетъ его выдумкой непонятливаго актера.

13) Намекъ на aurum potabile, растворъ золота, считавшійся въ старину сильнымъ цѣлительнымъ средствомъ.

14) Правильнѣе было бы: „О, сынъ мой!“ какъ ямбъ, а не хорей. Но въ подлинникѣ: O my son! что точно передано словами нашего перевода.

15) Въ 1399 году Генрихъ Болинброкъ свергнулъ съ престола своего двоюроднаго брата короля Ричарда II и, заключивъ его въ замкѣ Помфретъ въ Шотландіи, гдѣ его умертвили, воцарился подъ именемъ Генриха IV. Въ III-мъ томѣ сочиненій А. С. Пушкина (изд. Л. Поливанова. Москва. 1887) на стр. 248, приведена слѣдующая замѣтка А. Д. Галахова: „Такъ какъ въ исторіи Годунова есть нѣкоторыя сходственныя обстоятельства съ исторіей Генриха IV, то естественно, что Пушкинъ, независимо отъ слѣдованія Шекспиру въ созданіи характеровъ, могъ еще подражать ему и въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такого рода подражаніе замѣтно въ предсмертныхъ наставленіяхъ Бориса своему сыну (сцена 21)“.

16) Стихъ 327. Мы переводимъ fears словомъ „ужасы“, принимая толкованіе Джонсона. Другіе критики понимаютъ fears въ этомъ случаѣ въ смыслѣ: союзники, сподвижники.

17) Стихъ 335. Въ Quarto:

And all my friends, which thou must make thy friends,

то-есть: Всѣхъ моихъ друзей, которыхъ ты долженъ назвать своими друзьями. Въ Folio:

And all thy friends, which thou must make thy friends,

то-есть: Всѣхъ твоихъ друзей, которыхъ ты долженъ назвать своими друзьями. Этотъ стихъ вызывалъ много различныхъ толкованій. Dyce предлагаетъ читать: And all my foes, то-есть: Всѣхъ моихъ враговъ, и мы принимаемъ эту поправку.

С.-Петербургъ.
3-го января 1894.

PG
3467
K56A17
1901

Konstantin Konstantinovich,
Grand Duke of Russia
Stikhotvoreniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

Печатня Р. Голике
С. Петербургъ

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 19 05 14 002 6